

Темы номера:

Фото Павла Шалагина

Уроки Карамзина: ВИДЕТЬ ГЛАВНОЕ

«Патриотизм не должен ослеплять нас;
любовь к Отечеству есть действие
ясного рассудка, а не слепая страсть...»

Н.М. Карамзин, 1802

Истории
старого дома

Особняк купцов
Крыловых

Архитекторы
советской эпохи

Город как символ

Мифологемы
творчества
Аркадия Егуткина

Дары мастера

Присяга на верность и служение

Сергей Морозов официально вступил в должность губернатора Ульяновской области. Церемония инаугурации вновь избранного главы региона состоялась 1 октября 2016 года в Ленинском мемориале.

В торжестве приняли участие помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, депутаты Государственной думы России, главы правительств субъектов РФ, представители регионального парламента, исполнительных органов власти, органов местного самоуправления, промышленных предприятий, а также образовательных учреждений и общественных организаций региона.

В ходе инаугурации председатель областной избирательной комиссии Юрий Андриенко огласил постановление избиркома. Напомним: Сергей Морозов одержал победу на состоявшихся 18 сентября 2016 года выборах губернатора области. По оценкам экспертов, жители региона, проголосовав за действующего губернатора, поддержали выбранное им направление развития области.

Принося присягу, избранный глава региона поклялся добросовестно выполнять губернаторские обязанности, уважать и охранять права и свободы граждан, исполнять Конституцию Российской Федерации и её законы, а также соблюдать Устав и законы Ульяновской области, честно служить народу. Глава региона поблагодарил жителей области за доверие и оказанную поддержку на выборах.

Напомним: в 2016 году Сергей Морозов вступил в должность губернатора Ульяновской области в четвёртый раз. В декабре 2004-го им была одержана победа на выборах главы региона. В 2006-м по решению Законодательного

собрания области Сергей Морозов был наделён полномочиями главы региона на пятилетний срок. В 2011 году депутаты ЗСО утвердили большинством голосов кандидатуру Сергея Морозова, предложенную Президентом России. В апреле 2016 года, в связи с истечением срока полномочий губернатора, президент страны Владимир Путин подписал указ о назначении Сергея Морозова временно исполняющим обязанности губернатора Ульяновской области.

Ещё 12 лет назад существование Ульяновской области как самостоятельной жизнеспособной территориальной единицы было под вопросом. Процесс падения промышленного производства, начавшийся в 90-е годы по всей стране, для Ульяновского региона был более тяжёлым и болезненным, падение продолжалось вплоть до 2001 года.

С тех пор регион прошёл три качественно различных этапа в развитии. Сначала были чётко распределены полномочия и сферы ответственности государственных органов всех уровней, что и помогло преодолеть кризис

Штандарт губернатора
Ульяновской области
утверждён в 2016 году

Особую торжественность событию придала новая атрибутика: на церемонии инаугурации впервые в истории региона ульяновцам был представлен губернаторский штандарт, вынесенный на сцену вместе с флагами Российской Федерации и Ульяновской области.

Штандарт губернатора Ульяновской области представляет собой квадратное двустороннее полотнище с изображениями герба Ульяновской области в центре, а по краям – гербов Ульяновска, Димитровграда и Новоульяновска, а затем, в алфавитном порядке, гербов муниципальных районов Ульяновской области.

Оригинал штандарта находится в служебном кабинете губернатора. Дубликат поднят на флажштоке над зданием областного правительства. Штандарт могут устанавливать в местах проведения официальных церемоний с участием главы региона, на официальных и торжественных приёмах (государственные праздники, дни воинской славы, памятные даты России и Ульяновской области), на заседаниях, совещаниях и рабочих встречах. Кроме того, уменьшенный дубликат может устанавливаться на переднем правом крыле автомобилей губернатора.

власти. Потом власти региона под руководством Сергея Морозова начали процесс концентрации ресурсов для решения приоритетных вопросов развития, были сформированы основы для прорывного экономического и социального движения вперёд, созданы крупные бюджетные резервы. И, наконец, в 2011 году начался третий этап, ознаменовавший собой возвращение Ульяновской области в число экономических и политических лидеров.

С 2011-го по 2015 год объём промышленного производства в области увеличился на 83 процента – до 264 миллиардов рублей в год (в среднем по России рост составил только 68%), а объём производства продукции сельского хозяйства – почти в два раза, с 18 до 32 миллиардов рублей. Общий объём инвестиций в 2015 году по сравнению с 2010 годом вырос почти в два раза, с 48 до 90 миллиардов рублей, и рост инвестиций продолжается вопреки негативным тенденциям в экономике.

«Сегодня Ульяновскую область называют среди наиболее передовых

территорий страны. По всем главным направлениям работы у нас есть реальные результаты, опираясь на которые можно уверенно двигаться в будущее. Сейчас наша стратегическая цель – не только закрепить экономическое и инвестиционное лидерство региона, но и конвертировать его в реальное благополучие граждан. Вот почему уже в самое ближайшее время мы безотлагательно приступим к реализации нашей Народной программы и начнём серию преобразований», – подчеркнул Сергей Морозов. По его словам, региональное правительство сконцентрируется на последовательном проведении трёх групп реформ. Первая их часть связана с созданием современной, устойчивой экономики, вторая – с формированием общества социального благополучия, третья направлена на формирование открытой и подотчётной народу власти.

«Наша цель проста и понятна – богатый регион с сильной экономикой и счастливыми людьми! Я искренне хочу, чтобы наша область стала регионом, о котором с гордостью говорят его жители, регионом, в котором хочется жить, строить карьеру, создавать семью, регионом, в который хочется приезжать снова и снова», – озвучил свои планы губернатор.

Из инаугурационной речи губернатора С.И. Морозова:

– Любовь к Отчизне, ценность служения народу, ценность знаний, трудолюбие, солидарность и взаимопомощь, честность и верность слову, соблюдение законов и дисциплины, самоотверженный труд. Без этого не создать благополучия для себя, своей семьи и региона. Поэтому в системе образования надо ещё больше внимания уделять краеведческому компоненту и патриотическому воспитанию. А в сфере культуры – сохранять единое культурное пространство региона, обеспечивая всем жителям области равный доступ к культурным ценностям и создавать условия для развития и реализации творческих способностей.

Литературный город ЮНЕСКО: от статуса к первым результатам

Акция
«Шекспир.
Читаем гения»

В декабре прошлого года город Ульяновск присоединился к Сети креативных городов ЮНЕСКО и получил право называться одним из двадцати литературных городов ЮНЕСКО.

В программу входят 116 городов из 54 стран мира, а Ульяновск – единственный российский город в Сети. Сеть объединяет города мира по семи творческим направлениям: литература, музыка, кино, народное творчество, медиаарт, дизайн и гастрономия. Эта программа существенно отличается от других международных инициатив, таких как «Культурная столица Европы» или «Всемирная столица книги», которые предоставляют тому или иному городу статус на один год по итогам успешно поданной заявки. К Сети креативных городов ЮНЕСКО могут присоединиться города, которые выбирают для себя самые разные творческие сферы для развития, они становятся участниками программы на долгосрочный период. Вступая в Сеть, город в некотором смысле берёт на себя обязательства по развитию конкретной творческой сферы (в нашем случае – литературной) и должен отслеживать её влияние на благосостояние территории в целом.

На поэтической выставке
литературных городов ЮНЕСКО в Рейкьявике

Реализацией программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» занимается администрация города Ульяновска. При Управлении культуры и организации досуга населения создана дирекция, в круге задач которой – реализация и поддержка литературных мероприятий на территории города, привлечение к существующим проектам международных партнёров, выстраивание эффективной коммуникации между всеми заинтересованными сторонами сферы литературы в городе, подготовка исследовательских материалов, представление города на специальных международных мероприятиях и многое другое.

Читаем гения

По мнению сотрудников дирекции, одним из важнейших результатов, которых удалось достичь за первые месяцы работы, это открытие новых возможностей для местных авторов продемонстрировать своё творчество на международном уровне. В условиях недостаточно развитой сферы издательского дела в городе и удалённости от столицы ульяновские авторы вынуждены тратить долгие годы на продвижение своего творчества за пределами Ульяновской области. Проекты же самых разных литературных городов ЮНЕСКО в большинстве случаев предполагают активное участие местных писателей и поэтов. В течение 2016 года Ульяновск был вовлечён в реализацию сразу нескольких таких инициатив.

Дирекцией программы в Ульяновске также были инициированы проекты, позволяющие вовлечь другие литературные города ЮНЕСКО. Так, в июле по городу ездил «Литературный трамвай», в котором устраивались читки литературных произведений из городов – участников Сети, а в сентябре на Международный культурный форум в Ульяновск приехали представители других литературных городов – Кракова (Польша), Барселоны (Испания) и Монтевидео (Уругвай).

Программа резидентства для профессиональных писателей и переводчиков. Прага (Чехия)
Второй год подряд Прага – литературный город ЮНЕСКО реализует в своём городе программу резидентства, которая позволяет профессиональным писателям и переводчикам в течение двух месяцев работать в Праге. При этом организаторы берут на себя расходы по проезду, проживанию и оплате труда творческих деятелей. Ежегодно город принимает у себя 6 литераторов из разных уголков мира. В 2016 году два ульяновских автора подали заявки на участие в данной программе.

Создание трёхязычной поэтической антологии на русском, арабском и английском языках. Багдад (Ирак)

В июле этого года дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» заключила соглашение о сотрудничестве с программным офисом «Багдад – литературный город ЮНЕСКО». Первым совместным проектом стал обмен книгами между городскими библиотеками. На ближайшее время запланировано издание трёхязычной антологии, в которую войдут стихотворения ульяновских и иракских авторов.

Поэтическая выставка литературных городов ЮНЕСКО. Рейкьявик (Исландия)

В октябре 2016 года в Рейкьявике (Исландия) в рамках Фестиваля чтения открылась выставка стихотворений и фоторабот, посвящённая 18 литературным городам ЮНЕСКО. Ульяновск на выставке представлен стихотворением Галы Узрютовой и фотографиями Юлии Узрютовой. Всего на ней работают стенды 18 литературных городов ЮНЕСКО.

Поэтический автобус.

Тарту (Эстония)
Необычный проект реализует город Тарту. По улицам города скоро будет колесить литературный автобус, который будет расписан стихотворениями авторов из различных литературных городов ЮНЕСКО, включая Ульяновск. Наш город представит писательница Ари Ясан.

Вечер диафильмов

Создана выставка иллюстраций к сказке «Аленький цветочек». В дальнейшем она отправится путешествовать по 20 городам.

Такие проекты позволяют познакомиться жителям Ульяновска с культурой и литературой других городов, а также представить наш город на международном уровне как территорию с интересным творческим потенциалом.

Был реализован ряд самостоятельных проектов-акций, основной целью которых было привлечение внимания жителей города к программе. Среди них – акция «Шекспир. Читаем гения», приуроченная ко Всемирному дню книги и авторского права, проект «Чтение развивает аппетит» в рамках гастрономического фестиваля в ТРК «АкваМолл», «Карамзинский пикник» и другие.

Важнейшим направлением работы является развитие инфраструктуры литературы и чтения. В этом году начата работа по реализации программы развития городской библиотечной системы. Для молодых специалистов библиотечной сферы проводился образовательный курс «Компетенции – ресурс современной библиотеки», а среди работников всех городских библиотек проведено исследование, направленное на изучение текущего состояния библиотек, выявление основных проблем и перспектив развития. В дальнейшем предполагается создание модели современной городской библиотеки и её внедрение на территории одного из городских учреждений.

Среди возможных направлений, которые может охватывать программа «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» в дальнейшем, – интеграция литературных инициатив в сферу туризма, переводческие проекты, поддержка творчества местных авторов, поддержка бизнес-проектов в области литературы, создание нового творческого литературного пространства и многое другое.

Анна Пушкарёва

Более подробную информацию можно получить на официальном сайте программы: www.cityofliterature.ru

КТО УМЕН, А КТО ДУРАК! ОДИН ЗА КНИГУ, ДРУГОЙ В КАБАК

Неизвестный художник.
1928

Издано в Ульяновске Как живётся писателю в самом читающем регионе России

В 2016 году Ульяновск вошёл в число литературных городов ЮНЕСКО, а год назад Ульяновскую область назвали литературным флагманом России и самым читающим регионом. Легко ли работается писателю там, где много читают и активно поддерживают чтение?

На переПУТЬе

Теоретически у человека, задумавшего выпустить книгу, всегда есть выбор. Попытаться попасть в тематический план издательской деятельности вуза, НИИ либо творческого союза. Подать заявку в региональную программу поддержки книгоиздания (в Ульяновской области таковая работает с 2006 года). Найти подходящий конкурс федерального масштаба и попробовать (почему нет?) выиграть грант на печать книги. Взяться за самостоятельное издание своего творения (на средства спонсоров, партнёров либо исключительно собственные – вопрос отдельный).

Первые два варианта самые низкотратные, но сопряжены с массой формальных и временных сложностей. Необходимо получить положительные

отзывы экспертов. Выдержать рейтинговое голосование. Занять отведённое место в списке книг, одобренных к публикации. Дождаться финансирования... Путь этот долгий и не всегда результативен. В региональной программе книгоиздания, например, одобрение экспертной комиссии получают не более 10% заявок, и далеко не всё одобренное издаётся (бюджетные возможности, увы, не безграничны).

Гранты на издание книг – явление практически штучное. Хотя в Ульяновске, разумеется, есть авторы с опытом работы по грантам. Четвёртый же вариант набирает обороты.

Весной 2016 года на выставкярмарке «Симбирская книга» было представлено уже 30 книг ульяновских

авторов. Поэтические сборники, исторические и биографические очерки, фотоальбомы, географические зарисовки... На обложках – имена, хорошо известные ульяновцу читающему: Татьяна Эйхман, Николай Полотнянко, Лидолия Никитина, Геннадий Дёмочкин, Римма Вильданова, Татьяна Громова, Жан Миндубаев, Юрий Козлов, Владимир Гуркин... Большая часть этих книг издана авторами самостоятельно.

Многие удостоены дипломов, памятных медалей, презентаций. Того, что называется признанием. Путь к признанию у каждого свой, но есть общие моменты, когда человек пишущий хочет и может рассчитывать на помощь региона. Региона, где он живёт и создаёт

произведения, которые выстраиваются на полках библиотек, дожидаясь своего читателя. Или томятся в типографских упаковках у автора – не распакованные и пока не проданные.

Кого вы нам поСОВЕТуετε?

Книгу, изданную по программе поддержки книгоиздания, всегда можно узнать по соответствующей надписи на обороте титульного листа. С 2006 года по этой программе в Ульяновской области вышло около 150 книг.

– Приоритет отдаётся изданиям краеведческого характера, – объясняет директор Ульяновского Дворца книги Светлана Нагаткина, ответственный секретарь совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания. – Все выпущенные книги на безвозмездной основе передаются в муниципальные и школьные библиотеки, в музеи и архивы. Таким образом, расходуется практически весь тираж, за исключением авторских экземпляров.

То есть в продажу «программные» книги не поступают. Количество авторских экземпляров, как правило, составляет 10% от тиража. Максимальным тиражом за всю историю существования программы (1,5 тыс. экземпляров) было выпущено уникальное в своём роде издание – мемориальная Книга Памяти об ульяновцах и Ульяновске в годы Великой Отечественной войны. Тиражный минимум равнялся 300 экземпляров. Обычно тиражи книг, финансируемые из бюджета, составляют 500 или 1000 экземпляров. Этого достаточно, чтобы обеспечить фонды ульяновских библиотек, считают специалисты.

Впрочем, автор может заказать дополнительный тираж и распоряжаться им по собственному усмотрению, это его право. Однако деньги на печать уже придётся изыскивать самому.

Несмотря на приоритет краеведческой тематики, по региональной программе книгоиздания выпускается и литература художественная. Один из недавних примеров – антология «Ульяновская словесность. Начало XXI века». Этот сборник произведений ульяновских писателей признан книгой года-2015. Список же книг, которые прошли программу рейтингового голосования и включены в областную программу книгоиздания, размещён на официальном сайте Ульяновского Дворца книги. Ознакомиться с ним может любой желающий.

Самому – надёжней?

И всё-таки значительная часть ульяновских прозаиков, поэтов и краеведов издаётся за свой счёт.

– Когда делаешь книгу сам – это надёжнее во всех смыслах, – считает Владимир Гуркин, лауреат выставочной ярмарки «Симбирская книга-2015» в номинации «Авторский проект». – Важно заинтересовать тех, на чью помощь рассчитываешь. Поэтому «Лики земли Симбирской. Воздушные экскурсии по памятникам прошлого» я начал с макета. А затем показывал его разным людям – коллегам, друзьям, представителям разных организаций. В результате деньги на издание были собраны по предварительной подписке.

Книга издана в Ульяновском Доме печати, что по нынешним временам скорее исключение из правил: филиал холдинга «Первая Образцовая типография» местных авторов практически не печатает (для них это «удовольствие» недешёвое, объясняют в отделе маркетинга).

«Надёжнее самому» – это и про Юрия Козлова, автора известных далеко за пределами нашего региона книг об Аркадии Платове, Петре Столыпине и генерале Каппеле.

– Год 2012-й, приближается 150-летие Столыпина, – вспоминает Юрий Васильевич. – Рукопись «Столыпин и Симбирск» получила положительные отзывы профессиональных историков, одобрена областным советом по книгоизданию, всё готово к печати, но денег в областном бюджете не хватает... А ложка дёрга к обеду! И я выпустил эту книгу за свой счёт, в 2013 году, в издательстве «Корпорация технологий продвижения». Рукопись издателям понравилась, и мы договорились поделить расходы пополам. Получилась достойно оформленная книга, с неплохим по тем временам тиражом – 1 тыс. экземпляров. Сейчас она уже практически разошлась, небольшую прибыль от продаж получили и я, и издательство.

В том же издательстве вышли в свет и две следующие книги Юрия Козлова. На выставке-ярмарке «Симбирская книга-2015» «Генерал Каппель и волжане» признана лучшим историко-биографическим изданием года.

Художник А. Могилевский. 1925

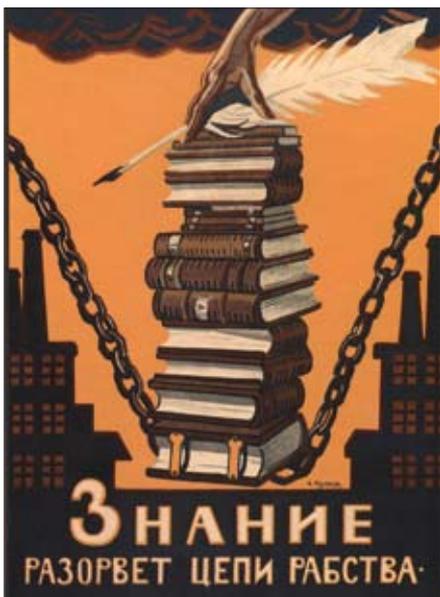

Художник Н. Поманский. 1928

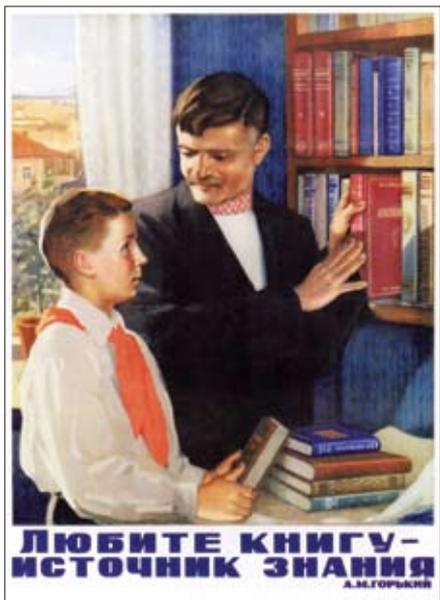
С 2006 года по программе поддержки книгоиздания в Ульяновской области вышло около 150 книг

А судьба книг Геннадия Дёмочкина из серии «Антология жизни» может стать практическим пособием для тех, кто намерен издаваться за свой счёт.

Три первых больших тома «Антологии» изданы при финансовой помощи частных лиц. Том четвёртый увидел свет благодаря гранту Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, выигранному по совместной

Художник А. Радаков. 1920

Художник В. Сурьянинов

Как правило, тот, кто хоть сколько-то зарабатывает на книгоиздании, вкладывает заработанное в следующую книгу

заявке автора и типографии «Печатный двор». Размер гранта – 100 тысяч рублей. Стоимость издания – 500 тысяч. 200 тысяч рублей долга автора типографии едва ли не стали предметом судебного разбирательства...

– Спасла ситуацию общественность, – считает Геннадий Александрович. – Эмоциональные заявления, что нельзя привлекать к суду человека, который делает благое дело, возрождает память, возымели действие. Решением областных властей на сумму долга эти книги были закуплены для районных библиотек.

Однако половина экземпляров четвёртого тома «Антологии жизни», вышедшего тиражом 1 тыс. экземпляров, до сих пор не проданы.

В этой серии у известного ульяновского литератора-документалиста вышло более 30 книг, посвящённых людям, по судьбам которых проехало колесо советской истории. Документальной основой этих пронзительных повествований чаще всего становятся личная переписка, дневники, воспоминания.

Тираж книг Дёмочкина о судьбах людей снизился с 500 экземпляров до 100. И практически все они изданы, что называется, «вкладчину». Краудфандинг (когда средства на проект собираются через Интернет) местные авторы только пытаются осваивать. Но, например, деньги на книжку «Вера и правда» (о В.И. Соловьёвой, которая зенитчицей прошла всю войну), собирались в прямом смысле в конверте. В итоге удалось набрать необходимые 70 тысяч рублей.

Пожалуй, самый надёжный для автора способ издаться – это получить заказ на книгу. Таким образом выпущены многие издания краеведческой тематики, в том числе и отмеченные в номинациях «Симбирской книги». Особняком стоят юбилейные издания, приуроченные к знаменательным датам предприятий. Их художественная и документальная ценность далеко не однозначна. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Издано. Что дальше?

С чьей помощью та или иная книга увидела свет, можно узнать по аннотациям к каждому изданию. Благодарные авторы всегда называют тех, кто помог воплотить задуманное. В том числе и материально.

Чтобы книга продавалась, нужно как минимум два условия: чтобы о ней

знали и чтобы было где продавать. Крупные столичные издательства занимаются продвижением выпущенных книг самостоятельно – целенаправленно и профессионально. Большинству авторов, изданных в Ульяновске, предстоит пройти этот путь самим. По банальнейшей из причин: крупных издательств в нашей области нет. А типографии зарабатывают исключительно на печатании тиражей. Работать с авторами «поштучно» и тем более вкладываться в издание их книг готовы единицы. Сотрудничество Юрия Козлова с Корпорацией технологий продвижения – скорее исключение из правил. Не случайно именно это издательство отмечено специальным дипломом «Симбирской книги» за вклад в книгоиздание.

Палочка-выручалочка для тех, кто хочет издать написанное минимальным тиражом, – небольшие типографии. В Ульяновске их довольно много. Типография Александра Качалина, например, печатает книги в авторской редакции (корректоров и редакторов нет) и берётся за тираж от 50 экземпляров. На вопрос «Ваш клиент – графоман?» отвечает: «Ну почему же?!». Качалин – индивидуальный предприниматель, в полиграфическом бизнесе 20 лет, и все клиенты для него значимы.

С готовыми оригинал-макетами работают и небольшие типографии, и крупные. Если же автор готов приобрести «в одном пакете» услуги редактора, дизайнера, допечатной подготовки и собственно печати, то ему, пожалуй, лучше всего в издательства университетов.

По оценке авторов, выпускающих книги на собственные средства, вернуть вложенное удаётся в течение года-двух. Столько продается тираж от 500 до 1000 экземпляров. Как правило, тот, кто хоть сколько-то зарабатывает на книгоиздании, вкладывает заработанное в следующую книгу.

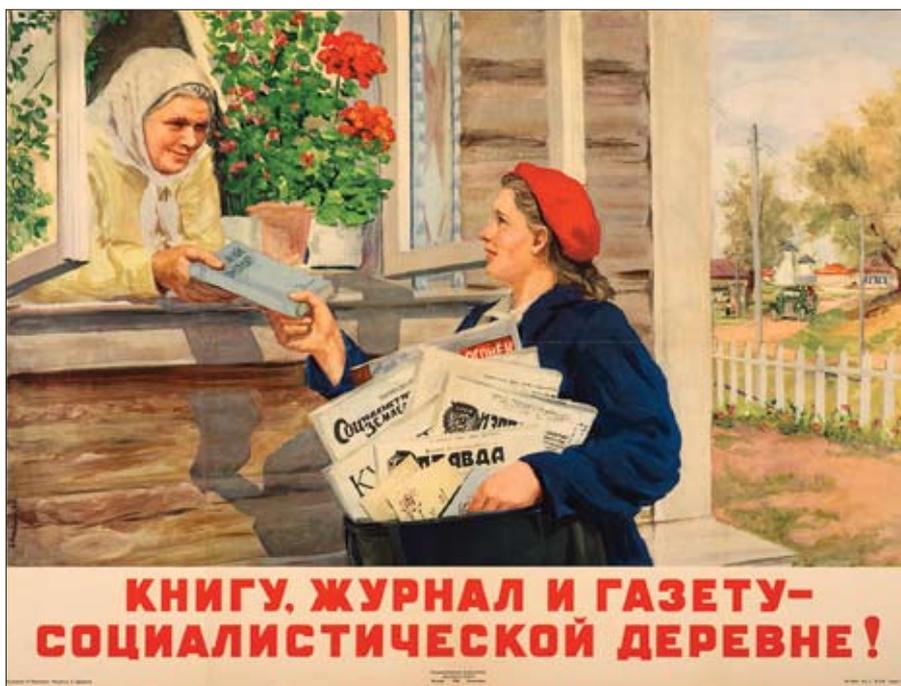
Где купить ульяновские книги

«Я на разогреве», – иронично заметил один из известных ульяновских авторов, которому довелось выступать на сентябрьском «Большом литературном собрании» перед выступлениями гостей из Москвы и Санкт-Петербурга. Гости не всегда именитых: некоторых из лауреатов премии «Большая книга» ульяновский читатель открыл для себя впервые. И если это лауреаты, продвижением которых занимаются целенаправленно, то как не затеряться

Художник З. Правдина. 1950

**Библиотеки сегодня
самый активный
и бескорыстный
проводник от автора
к читателю**

в многоголосии современной литературы авторам региональным?

В первую очередь – дружить с библиотеками. Они сегодня самый активный и бескорыстный проводник от автора к читателю. Библиотеки проводят презентации новых книг, встречи авторов с читателями, творческие вечера. И более полной информации о литературном процессе в Ульяновской области, чем на сайтах Дворца книги и Централизованной библиотечной системы, найти трудно.

– Мне кажется, здесь должен быть комплекс мероприятий – и библиотек, и книжных магазинов, и издательств, и авторов, – говорит Светлана Нагаткина. – Конечно, нужна реклама – прежде всего визуальная. Вышла новая книга – надо об этом сообщать, везде её показывать. Люди действительно хотят читать и хотят читать что-то качественное. Доказательство тому – популярность книг, выпущенных к юбилею Н.М. Карамзина. Все они расходятся очень быстро.

Что тут лукавить, самым читающим регионом мы стали не по количеству проданных книг или благодаря стремительному росту читательской аудитории муниципальных библиотек. Славу литературного флага России помогли сносить проекты по продвижению чтения – «Академия литературы», «Литературная филармония», выставки-ярмарки, творческие вечера, встречи с читателями. И эксклюзивный, сугубо ульяновский проект «12 литературных

апостолов», когда каждый месяц года проходил под знаком того или иного поэта или писателя: Карамзин, Гончаров, Коринфский, Садовников... Сегодняшним авторам до апостольского статуса далеко (хотя некоторые, пожалуй, могли бы претендовать), но в их пути к читателю библиотеки помогают очень активно.

Однако это лишь одна из площадок. Как ни парадоксально, но в самом читающем регионе нет книжного магазина, где бы можно было бы купить книги местных авторов. Филиалы магазинов казанских, нижегородских, московских выстраивают свою политику по лекалам головных компаний, и ульяновские писатели в сферу их интересов не входят.

– В Татарстане, Тверской, Самарской и других областях есть свои книжные магазины, в которых широко представлены издательства краеведческой тематики, – замечает Владимир Гуркин. – У нас всё строится на инициативе автора.

Букинистические лавки, ориентированные на местные издания, работают во Дворце книги и в Доме Гончарова. Не так давно литературное направление появилось в частном магазине «Своя полка». Владелец магазинчика, в котором можно на небольшой срок арендовать полки для продажи своего товара, начал выделять их для местных литераторов и краеведов. Бесплатно! Но этого всё-таки мало.

Тема областного книжного магазина дебатруется в Ульяновске уже лет 15.

В очередной раз она прозвучала в этом году на октябрьском заседании общественного совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания. Уважающему себя и хорошую литературу городу давно нужен специальный магазин-салон по продаже художественной, краеведческой, научной литературы местных авторов. Наряду с библиотеками он может стать полноценным центром литературной жизни региона, где устраивались бы презентации, встречи с авторами, автограф-сессии. А главное – здесь можно будет не только услышать о книге, но и купить её.

Юрий Козлов, председатель недавно созданного Ульяновского союза краеведов, считает, что «потребуется хорошая уличная и интернет-реклама о книжных новинках. Тогда жители Ульяновска и гости города будут знать: в этом магазине можно найти всё, что касается нашего края».

К слову: книга-лауреат Международного литературного конкурса имени И.А. Гончарова 2016 года (Е.Сафронов, «Ерошкин – предсказатель из Куваля: повести и рассказы») издана тиражом... 50 экземпляров. Размер премии – 300 тысяч рублей – позволяет издать книгу в хорошем полиграфическом исполнении тиражом до 1 тысячи экземпляров. Но что с таким тиражом делать?.. Не хотелось бы, чтобы вопрос этот стал риторическим.

Людмила Ильина

своё «совершенное согласие» как на сооружение памятника, так и на открытие для этого повсеместной подписки, а в Академии художеств – конкурса на лучший проект монумента.

Бытует мнение, что участие Николая I ограничивалось лишь разрешением на сооружение памятника и объявлением всероссийской подписки. Однако роль императора в этом деле была гораздо шире. Он вносил изменения в его проекты, утверждал окончательные варианты и тексты надписей на них, по предоставляемым ему министрами ежемесячным отчётам строго наблюдал за возведением.

Надо отдать должное Николаю I, ни один царь не сделал в области установки памятников столько, сколько он. До начала 1820-х годов российских памятников ставилось немного, основная их часть была сосредоточена в дворянских усадьбах близ Москвы и Петербурга, особенно богаты монументами были царские резиденции – Царское Село и Павловск. В городах памятников было мало: на 1820 год в Петербурге их имелось четыре, в Полтаве – два, в Москве, Киеве и Риге – по одному. Они в это время прославляли в первую очередь собственную эпоху. Большая их часть ставилась в память визитов Екатерины II, Павла I или Александра I, в ознаменование побед над турками и шведами, в честь лучших полководцев того времени – П.А. Румянцева, А.В. Суворова, А.Г. Орлова. Ряд памятников посвящался Петру I и его победам (в частности, «Медный всадник» – первый российский скульптурный монумент, открытый в Петербурге в 1782 году), а два прославляли героев далёкого прошлого – Святого Владимира в Херсонесе, Минина и Пожарского в Москве.

Знаменитый монумент Кузьме Миничу Минину и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому замечателен тем, что он был первым памятником, идея установки которого была предложена не властью, а обществом, и на который был проведён конкурс проектов. К истории сооружения этого памятника имеет прямое отношение Н.М. Карамзин.

В 1802 году Карамзин опубликовал в декабрьском номере издававшегося им журнала «Вестник Европы» статью «О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом Художеств», на самом деле представляющую собой письмо «к Господину N.N.». Под адресатом подразумевался знаменитый меценат, коллекционер и любитель художеств граф

Из фондов Музея-заповедника «Ролина В.И. Ленин».

*Nikolai Michailowitsch Karazin,
Russischer Reichshistoriograph.*

Й.Г. Франке. Портрет Н.М. Карамзина. С оригинала В.А. Тропинина. Литография. Рисунок на камне. Дрезден. Около 1830 года

Александр Сергеевич Строганов. Будучи назначенным 30 января 1800 года на должность президента Академии художеств, разрабатывая новые направления в организации её деятельности, он обратился за советом к Карамзину: какие образы деятелей отечественной истории достойны благодарной памяти соотечественников. Карамзин, в свою очередь, отвечая на его вопрос, указывал, что древняя отечественная история и литература чрезвычайно богаты героическими образами, представляющими для художников и скульпторов благодатный материал. Считая, что «не одне столицы должны быть сферою благословенных действий художества» и «во всех обширных странах Российских надобно питать любовь к отечеству и чувство народное», Н.М. Карамзин предлагал в виде примера для скульптора образы исторических личностей Минина и Пожарского. «В Нижнем Новгороде, – писал он, – глаза мои ищут статуи Минина, который, положив одну руку на сердце, указывает другою на Московскую дорогу. Мысль, что в Русском отдаленном от столиц городе дети граждан будут собираться вокруг монумента славы, читать надписи и говорить о делах предков, радует мое сердце. Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолубие возрастают в России с новыми поколениями».

Следствием печатного выступления Карамзина явилось то, что в 1803 году была впервые высказана мысль

о сооружении памятника «Гражданину Минину и князю Пожарскому», и в этот же год начались работы над его созданием. Поддержавший это предложение скульптор Иван Петрович Мартос уже в следующем году представил на выставке свой эскиз памятника. Однако тогда эта идея развития не получила. Только в 1808 году по инициативе жителей Нижнего Новгорода был объявлен конкурс проектов памятника, в котором победила несколько изменённая скульптурная работа Мартоса. Однако решено было памятник установить в Москве, а для Нижнего Новгорода изготовить обелиск. Модель памятника скульптором И.П. Мартосом была завершена в 1815 году, торжественное открытие состоялось 20 февраля 1818 года.

Установленный на Красной площади в Москве памятник несколько напоминает описанный Карамзиным в журнальной статье сюжет и представляет собой композицию, где стоящий Минин правой рукой указывал на Московский кремль, левой подавал Пожарскому меч в ножнах; сидящий в задумчивости князь правой рукой принимал меч, левой придерживал круглый щит с изображением Спасителя.

По мнению Карамзина, созданием произведений искусства, прославляющих историческое прошлое России и его героев, «должно приучать Россиян к уважению собственного; должно показать, что оно может быть предметом вдохновений Артиста и сильных действий Искусства на сердца. Не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма. Если исторический характер изображён разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее; мы любопытствуем узнать источник, из которого художник взял свою идею, и с большим вниманием входим в описание дел человека, помня, какое живое впечатление произвёл в нас образ. Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи, или не занимается ими; надобно знать, что любить; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем».

Император Николай I, как и Н.М. Карамзин, вероятно, хорошо понимал чрезвычайную важность монументального искусства, оказывающего влияние на формирование у граждан России патриотического чувства. По сравнению с прошлыми правлениями Екатерины II и Александра I при Николае I значительно увеличилось число памятников.

Он основательнее своих предшественников увековечивал далёкое прошлое России – при нём появились памятники Дмитрию Донскому на Куликовом поле, Ермаку в Тобольске и Сусанину в Костроме. Особенно прославлены были недавняя Отечественная война 1812 года и её герои. По повелению императора и под его руководством в 1835 году был разработан проект, по которому предполагалось установить около 30 монументов на местах сражений войны 1812 года – в Бородино, Малоярославце, Красном, Ковно, Клястицах, Смоленске, Полоцке и других населённых пунктах. Семь перечисленных здесь монументов были открыты в период с 1839-го до начала 1850-х годов. Этот проект явился первой крупной программой по установке единого комплекса памятников.

Из фондов Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

Николай I.
Из серии «Русские современники».
Художник и гравёр – Т. Райт.
Гравюра на стали. Петербург. 1839

Результатом такой целенаправленной политики Николая I в области монументального строительства явилось то, что в стране сформировалась чёткая система монументов; были увековечены наиболее выдающиеся события и лица русской истории: памятник из необычной диковинки превратился в почитаемую и охраняемую святыню, украшавшую теперь многие русские города и места сражений.

Кроме того, в эпоху Николая I появились монументы, которые были сооружены в честь «мирных подвигов» наших великих соотечественников, совершённых ими не на поле брани, а на поприще науки, культуры и просвещения.

Одним из них и явился памятник Н.М. Карамзину в Симбирске. Он вошёл в четвёрку первых памятников, возведённых благодаря общественной инициативе на средства, собранные по всероссийской подписке.

Самым первым опытом установки памятника деятелям культуры и просвещения являлся монумент, установленный в городе Архангельске уроженцу этой губернии, действительному члену Петербургской Академии наук, учёному-энциклопедисту, «прославившемуся в российской словесности и обогатившему оную образцовыми творениями», Михаилу Васильевичу Ломоносову (открыт 25 июля 1832 года). Памятник Н.М. Карамзину в Симбирске по стечению обстоятельств оказался вторым открытым памятником. Хотя одновременно с ним в Академии художеств велась работа по созданию в Казани памятника поэту, «стяжавшему бессмертную славу на поприще поэзии», воспевшему в своём творчестве царствование Екатерины Великой, Гавриилу Романовичу Державину. Этот памятник был открыт 22 августа 1847 года, в день коронации императора Николая I. Замыкает четвёрку памятников монумент Ивану Андреевичу Крылову – поэту, действительному члену Российской Академии наук и знаменитому русскому баснописцу, установленный в 1855 году в Петербурге, в Летнем саду.

Памятник К.М. Минину и князю Д.М. Пожарскому в Москве.
Почтовая карточка. Москва. 1910-е

Оценивая роль симбирян в деле сооружения памятника Н.М. Карамзину, следует признать, что она была значительна. Конечно, на них лежала основная ответственность за благополучное окончание предприятия, которое они сами же инициировали. Вклад симбирян в сооружение памятника в денежном выражении выглядит внушительно. С 18 августа 1833 по 1 октября 1835 года жители Симбирской губернии пожертвовали 4345 руб. ассиг. и 9673 руб. 60 коп. монетой; в 1842 году местные дворяне возместили недостачу на покрытие издержек по сооружению памятника в размере 5626 руб. 16 коп. серебром и на свои средства (479 руб. 93 коп.) устроили фундамент под памятник; на следующий день после открытия памятника дворянство на общем собрании постановило: принять на себя совершенное покрытие издержек, употреблённых при сооружении памятника в размере 1280 руб. Несомненно, подавляющая часть средств, необходимых на памятник, легла на дворянство. Но и духовенство Симбирской епархии, а также 7 купцов и 38 «мещан из купечества» Симбирска внесли свои посильные денежные вложения.

Но как не был значителен вклад дворянства и в целом симбирского общества в дело сооружения памятника Карамзину, всё-таки деятельность министра внутренних дел Д.Н. Блудова заслуживает особого внимания, поскольку он сыграл в этой истории значительную, если не сказать более точно, определяющую роль. Дмитрий Николаевич Блудов принадлежал к кругу передовых людей александровского и николаевского времени, он близко знал Карамзина, который избрал его своим последователем и приемником по изданию XII тома «Истории государства Российской».

Граф Блудов был ревностным и безусловным почитателем Карамзина при его жизни и после его кончины стал основным и фактическим организатором всей деятельности по сооружению ему памятника в Симбирске. Будучи министром внутренних дел, он всецело поддержал инициативу дворян Симбирской губернии по созданию памятника историографу. Однако имеются основания предполагать, что именно он вместе с Д.В. Дашковым и был автором идеи. Он лично организовывал сбор пожертвований на памятник, направляя циркулярные и личные письма разным учреждениям, должностным и частным лицам, своим друзьям и знакомым.

Из фондов Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

Именно в петербургском доме Д.Н. Блудова на Невском проспекте были принесены первые пожертвования на памятник. Это происходило 14 июля 1833 года во время обеда, устроенного хозяином дома вместе с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, братьями Виельгорскими, П.А. Плетнёвым и другими петербургскими приятелями И.И. Дмитриева по случаю приезда последнего в Петербург и его отъезда в Дерпт. Внеся на этом обеде 500 руб., он и потом, являясь симбирским помещиком, не отказывался от поступающих к нему просьб сделать денежные взносы на памятник, назначаемые общим собранием дворян губернии. По сведениям на 1820 год, в Ставропольском уезде Симбирской губернии он имел 55 душ мужского пола, а его жена Анна Андреевна (урожд. Щербатова) – 100 душ.

Д.Н. Блудов сумел сорганизовать на подписку всю Россию. 8 июля 1833 года им по всем губерниям и областям было разослано циркулярное предписание к гражданским губернаторам. В нём он предлагал начальникам во вверенных им губерниях и под их непосредственным руководством «открыть подписку на добровольные приношения для сооружения памятника Карамзину». Подобные указания были им отправлены генерал-губернаторам, губернским предводителям дворянства, а также градским главам. Начальство всех губерний должны были направлять пожертвования на памятник в Симбирск, в особый комитет, созданный там для этой цели.

Самая большая сумма была собрана жителями Петербургской губернии – более 14 тысяч рублей. В этой губернии наиболее отличилось Санкт-Петербургское купеческое общество, поскольку ещё 5 августа 1833 года Д.Н. Блудов обратился к Санкт-Петербургскому градскому главе Антипу Петровичу (фамилия в документах не указана) с личной просьбой принять участие в подписке на памятник Н.М. Карамзину.

Второе место по количеству средств занимала Московская губерния, пожертвования её жителей составили чуть больше 11 тысяч рублей. Здесь в подписке, подобно Петербургской губернии, участвовали члены Московского купеческого общества: купцы Лепёшкин, Третьяков, Колесников и другие. Однако А.И. Тургенев с сожалением находил, что «Москва, где «История» начата и полунаписана, не отличалась рвением к историографу».

Не отставало от них население княжеств Молдавии и Валахии, собрав достаточно большую сумму, около 4500 рублей. Вызывает удивление, что столь территориально отдалённые от поволжского города княжества собрали значительную сумму. Причина этого кроется в том, что Д.Н. Блудов обратился в частном письме к наместнику княжеств Молдавии и Валахии Павлу Дмитриевичу Киселёву, который до назначения на эту должность был начальником штаба 2-й армии, базирующейся в этих местах.

Ф. Кирхнер.
Портрет графа Д.Н. Блудова.
Литография. Середина XIX века

Подобное частное письмо Д.Н. Блудов отправил и нижегородскому губернатору Михаилу Петровичу Бутурлину, в котором он излагал возникшую у него идею воспользоваться Нижегородской ярмаркой. По мнению Блудова, ярмарка всегда привлекает к себе наибольшее число торгующих и иногородних посетителей. Если губернатор устроит между приехавшими на ярмарку людьми подписку на добровольные приношения на памятник Карамзину, то найдутся многие, которые пожелают принести дань уважения памяти историографа. Мы не располагаем сведениями о том, воспользовался ли советом М.П. Бутурлин, но из ведомости следует, что губернатор Нижегородской губернии в ноябре 1833 года, после закрытия ярмарки, выслал симбирскому губернатору А.М. Загряжскому около 1200 рублей.

Соседствующая с Симбирской Казанская губерния вложила в общую казну на памятник около 500 рублей.

Сумма недостаточно большая, но нужно учитывать, что это происходило в то время, когда там шёл сбор средств на сооружение памятника Г.Р. Державину.

Жители Оренбургской губернии пожертвовали 195 рублей, в том числе разными лицами Бузулукского уезда 25 рублей. К этому уезду относилась деревня Михайловка (Преображенское тож), которую некоторые оренбургские исследователи считают местом рождения Карамзина.

Практически все губернии России приняли участие в сборе денежных средств. Лишь некоторые из них не смогли внести своих пожертвований. Но это объяснялось не игнорированием всеобщего дела, а тяжёлым положением и неурожаем в этих местах.

Благодаря пожертвованиям российских граждан на памятник историографу Н.М. Карамзину составилась значительная сумма – более 70000 рублей. Можно утвердительно сказать, что имя человека, заслуженного перед всею землею, вызвало подъём гражданской инициативы, объединившей практически все слои общества.

В заключение хочется привести слова, которые произнёс академик М.П. Погодин 23 августа 1845 года перед собравшимися дворянами в зале губернской гимназии в день торжественного открытия в Симбирске памятника одному из величайших наших земляков: «Карамзин принадлежит России, но вам, Милостивые Государы, принадлежит он преимущественно. Здесь он родился, здесь получил начальное образование и обогатился впечатлениями детства и юношества <...>; вы, наконец, предупредили всех своих соотечественников в благом намерении воздвигнуть общественный памятник знаменитому согражданину и приняли самое деятельное участие в исполнении этой мысли. <...> Пусть памятник, теперь ему <...> соизволением императора Николая здесь поставленный, <...> одушевляет ваших детей, все следующие поколения, в благородном стремлении к высокой цели Карамзина!

Пусть дух его носится в России! Пусть он останется навсегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека, – по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой».

Елена Беспалова,

заведующая
научно-исследовательским отделом
Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

Портрет Николая Михайловича Карамзина.
Эскиз. 1805

Два портрета

В Ульяновском областном художественном музее хранится один из немногих прижизненных портретов Николая Михайловича Карамзина, 250-летие которого широко отмечается в России и за рубежом. Автор портрета – известный итальянский художник Дамон Ортолани Джованни Батиста (1750–1812), работавший в Риме, Флоренции, Вене. В 1800-х годах он оказался в Москве, где написал немало портретов русской аристократии.

В 1805 году Дамон Ортолани, по словам Н.М. Карамзина, «лучший здешний живописец», работал над его портретом, который предназначался для отправки в Симбирск брату историографу Василию Михайловичу. В своём письме от 20 ноября 1805 года Николай Михайлович сообщал: «Портрет мой уже написан: теперь жена моя списывает с него копию. Через несколько почт отправим к вам оригинал». В течение XIX века портрет находился сначала у брата, а после его смерти перешёл к дочери Василия Михайловича Ольге Васильевне Ниротморцевой, обладавшей, кстати, способностями живописца-любителя.

В конце 1890-х потомки Ниротморцевых передали этот портрет в историко-археологический музей Симбирской губернской учёной архивной комиссии. Как известно, художественная коллекция, собранная Архивной комиссией, положила начало Симбирскому-Ульяновскому художественному музею. К числу подлинных шедевров музея всегда относился и портрет Н.М. Карамзина кисти Дамона Ортолани. В собрании Государственного музея А.С. Пушкина в Москве находится меньший по размеру вариант портрета 1805 года (37х31). В Ульяновске давно утвердилось мнение, что наш портрет Карамзина – первый из выполненных Ортолани. Этому убеждению способствовало экспертное заключение известного московского исследователя Иоланты Евгеньевны Ломизе, участвовавшей

во всестороннем изучении портрета из Ульяновска в апреле 1991 года.

На открывшейся в сентябре 2016-го в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова юбилейной выставке «Карамзин на все времена» экспонируется вариант портрета Н.М. Карамзина работы Дамона Ортолани из Пушкинского музея. И вновь возник вопрос о первенстве того или иного варианта. Я решила связаться с Иолантой Евгеньевной, чтобы уточнить аргументы в пользу нашего портрета. Эксперт твёрдо ответила на мой вопрос: «Я ошибалась».

Новый аспект в изучении портретов Карамзина был продиктован комплексным изучением наследия Дамона Ортолани, предпринятым И.Е. Ломизе. Выяснилось, что существует несколько пар типологически сходных портретов, анализ которых позволил сделать вывод о том, что художник в большинстве случаев сначала делал подготовительный портрет-эскиз, затем приступал к главному варианту. Хотя по репродукциям «малого» портрета можно было предположить, что он является более поздней репликой Ортолани, где художник, не скованный условиями заказа, мог быть более свободным в поисках средств выразительности.

Иоланта Евгеньевна предложила проанализировать оба портрета и убедиться в правоте её версии. Такой редкой возможностью, которую предоставила выставка в Гончаровском музее, нельзя было не воспользоваться.

С первого взгляда портрет из Музея А.С. Пушкина удивил своими маленькими размерами. Однако на небольшом

пространстве холста предстала уже сложившаяся, найденная в основных своих параметрах композиция. Поворот фигуры, жест руки, посадка головы, основные цветовые акценты были определены. Широко раскрытые глаза Карамзина смотрели мимо зрителя, и этот уходящий в пространство взгляд излучал открытость всему богатству мысли, разнообразию философских картин мира, которые разворачивались перед молодым писателем и журналистом, историком и философом. Автор первой публикации, посвящённой произведению Дамона Ортолани в России, Г.Д. Кропивницкая в 1975 году писала, имея в виду портрет из Пушкинского музея, об «уважительном и внимательном отношении художника к модели, значительность которой он сумел передать». Казалось, образ был найден.

Но обратимся к законченному портрету из ульяновского собрания. Первое, на что стоит обратить внимание – полуфигура писателя решительно приближена к первому плану, её силуэт стал более определённым и чётким, ушла некоторая мешковатость и излишняя объёмность в соотношении с фоном, имеющаяся в «малом» портрете. Уже применённое освещение в законченном варианте становится более интенсивным, образуя светящийся ореол, слегка развевающиеся волосы создают впечатление непринуждённости, готовности к общению. Взгляд, направленный на зрителя, чуть приподнятая бровь, слегка приоткрытые губы – выразительные приметы открытости, доверительной обращённости к собеседнику. Левая сторона лица в тени,

Портрет
Николая
Михайловича
Карамзина.
1805

однако яркий блик света подчёркивает склонность к мгновенной реакции, отзывчивости, обнаруживая остроту мысли, способность Карамзина к равному общению с собеседником, будь это прославленный философ, мыслитель, известный писатель или сокровенный друг юности.

Яркий акцент жёлтого воротника оттеняет холодноватую сдержанность лица, которая внезапно проявляется при малейшем отдалении от портрета. Уже небольшая дистанция даёт возможность иного прочтения образа. Усиливается впечатление некоей отстранённости, закрытости, углубленной сосредоточенности героя. Писатель, создавший образ «Бедной Лизы», никогда не был «сентименталистом жизни». Ю.М. Лотман писал: «Внутренняя сфера личности Карамзина герметична. Почти никого из своих современников и друзей он не впускал в святая святых своей души. Парадоксально, но один из самых нуждавшихся в дружбе русских писателей, писатель, создавший подлинный культ дружбы, всегда окружённый учениками и поклонниками, не только был глубоко одинок – это удел слишком многих, но и был чрезвычайно скуп на душевные излишества и ревниво хранил душу от внешних, даже дружеских вторжений. Но все современники чувствовали, что за этим опущенным забралом таится трагическое лицо, холодно-спокойное выражение которого говорит лишь о силе воли и глубине разочарования».

На портрете мы встречаемся с Карамзиным, который уже сделал свой выбор: в конце 1803 года именным указом Александра I он становится историографом, и Карамзин готов к этой сложнейшей миссии. За его плечами колоссальный путь. Он – свидетель событий Великой Французской революции, он слушал в Национальном собрании речи О.Г. Мирабо, М. Робеспьера и других выдающихся политических деятелей, был знаком, беседовал с И. Кантом, И.К. Лафатером, Ж.Ф. Мармонтелем и иными знаменитостями. Его «Письма русского путешественника» уже стали подлинным бестселлером своего времени. В течение десятилетия как журналист и издатель Карамзин подготовил и предвзял публике уникальные журналы и альманахи «Московский журнал», «Вестник Европы», «Аглая», «Пантеон иностранной словесности». За этот короткий срок он воспитал российского читателя, обновил литературный язык. Главной его идеей было просвещение народа. Он верил, что, несмотря на все превратности истории, идеи просветительства приведут людей к благоденствию, человека к совершенству. Другая ведущая нить его духовной биографии – сохранение личного независимости. Чувство собственного достоинства никогда не покидало его, сколь бы сложные ситуации не подбрасывала ему судьба. Он, будучи собеседником императора Александра I в течение последних десяти лет своей жизни, сумел сохранить право

отстаивать свою точку зрения на важнейшие проблемы современности.

В 1805 году, когда Дамон Ортолани приступил к работе над портретом, Карамзину нет ещё и сорока лет, однако качества характера историографа уже сформировались. Художник сумел отчётливо передать их именно в большом портрете, завершая начатые в эскизе поиски. Внешняя закрытость в позе, выдвинутом вперёд плече, словно прикрывающем героя, готового к словесной дуэли, к спору. Энергичные всплески света на воротнике и манжете сюртука, трепещущие блики на кончиках шейного платка – отзвуки поисков и открытий, ярких впечатлений, забываемых встреч.

Чрезвычайно важен в композиционном строе портрета жест руки, прижатой к груди. В портретах Ортолани он встречается редко. И значение этого простого жеста изменчиво и всегда символично. В нём невероятная сложность натуры писателя – родоначальника сентиментализма, для которого открытость чувств, сердечная интонация – важнейшие качества в творчестве. Но личная жизнь, собственное «я» – terra incognita. Можно обратить внимание, как изменилось изображение руки от эскиза к законченному портрету. В жесте стало больше собранности, энергии, и вместе с тем мы отчётливо слышим внутренний глубокий и сосредоточенный монолог героя.

Бесспорно, Иоланта Евгеньевна как многоопытный эксперт права. Ульяновский портрет появился позже как результат серьёзной и вдумчивой работы художника, который за время общения сумел многое понять в характере Карамзина.

Только с одним утверждением И.Е. Ломизе позволим себе не соглашаться. Исследователь увидела стремление Дамона Ортолани применить в работе над нашим портретом готовые, отработанные приёмы. Но внимательно вглядываясь в полотно, мы смогли убедиться, что главной задачей итальянского художника было стремление постичь сложную, неоднозначную, поражающую глубиной мысли, богатством внутреннего мира натуру выдающегося русского историка и писателя.

Именно этот завершённый мастером портрет в начале 1806 года был отправлен в Симбирск.

Луиза Баюра,

зам. директора Ульяновского областного художественного музея,
кандидат искусствоведения

Николай Михайлович Карамзин и его таинственный Женевский почитатель

Впервые эта статья была опубликована в швейцарском сетевом издании «Наша Газета». Нашему журналу её предоставил автор **Иван Грезин** – историк и журналист, живущий в Швейцарии.

В центре старого города Женевы, на Grand-Rue, то есть на «Большой», когда-то центральной улице всей Женевы тех времён, когда в середине XIX века ещё не были снесены старинные городские укрепления, на доме под номером 14 размещена мемориальная доска в память о Николае Михайловиче Карамзине. Надпись по-французски гласит: «Николай Карамзин, знаменитый русский историк и писатель, жил в этом доме со 2 октября 1789 г. по 1 марта 1790 г.». И действительно, зимой 1789–1790 годов Н.М. Карамзин провёл в этом доме, номер которого в конце XVIII века был иным – 17, несколько месяцев («Не помню, писал ли я к вам, чтобы вы адресовали письма свои à la Grande Rue, № 17.» – уточняет русский путешественник своему корреспонденту). Здесь он снимал у некоей мадам Лажье описанную в тех же знаменитых «Письмах русского путешественника» комнату: «За десять рублей в месяц я нанял себе большую, светлую, изрядно прибранную комнату в доме, завёл свой чай и кофе; а обедаю в пансионе, платя за то рубля четыре в неделю. Вы не можете вообразить себе, как приятен мне теперь новый образ жизни и маленькое завёденное мною хозяйство!».

Отмечающееся в этом году 250-летие со дня рождения великого историка пробудило интерес ко всему, что связано с его именем. А история карамзинской

мемориальной доски в Женеве оказалась поистине детективной, наполненной загадками.

О том, что Н.М. Карамзину в Женеве, важной точке в передвижениях русского путешественника по Европе, установлена памятная доска (кстати, интересно было бы узнать, установлены ли где-нибудь ещё на маршруте путешественника подобные доски?), на родине историка не ведали вообще. Но самое поразительное, что, находясь в самой Женеве, докопаться о том, кто, когда и по какому случаю её разместил, было так же трудно, как если бы вы пребывали на берегах Волги или Невы.

Автор провёл полномасштабное исследование о памятной карамзинской доске, попутно выяснив, каким образом в городе Женеве вообще можно установить какую бы то ни было мемориальную доску. Действия, которые следует предпринять, сильно различаются, если речь идёт о частном или о муниципальном владении. В первом случае все переговоры должны идти только с владельцами здания, которые единолично, что естественно, решают все вопросы об установке. Городские власти могут вмешаться только в случае, если размещаемый – хоть и на частном владении, но в публичном пространстве – текст будет содержать какую-то недозволённую законом информацию (оскорбления по расовому или национальному признаку, порнографию и т. п.). Если хозяйка технически не в состоянии самостоятельно установить доску (или, что для

властей равнозначно – требования те же – вывеску, рекламный стенд и т. п.), на помощь приходит Service du génie civil/Гражданская инженерная служба. В ведение этой же службы входит проверка того, чтобы устанавливаемый объект (досок это, само собой, в меньшей степени касается, но вот стендов или вывесок вполне) не мешал, например, движению пешеходов и транспорта.

Если же памятная доска устанавливается на муниципальном владении, то всё решается на уровне Административного совета – законодательного городского органа, который выносит соответствующее решение и, если надо, проводит вместе с городским правительством официальную церемонию открытия.

Итак, первым делом автор этих строк выяснил, что дом под номером 14 является частным владением и, кстати, пребывал таковым уже в карамзинские времена. Сейчас это совладение: в земельном реестре Женевы у дома значатся 27 собственников, как физических, так и юридических лиц – надо понимать, владельцев квартир и расположенного на первом этаже кафе-бара. Представляет их интересы компания по недвижимости, причём их даже две: первым этажом, т. е. кафе-баром, ведаёт одна компания – «Комтуар Иммобилье», а всем остальным зданием – другая, «Режиссёр дю Леман». Причём до начала 2012 года первая компания ведала всем зданием. После запросов и встреч в обеих фирмах выяснилось: ничего по установке доски в архивах

Год Карамзина

ни там, ни тут не имеется, что, кстати, оказалось весьма странным. Выяснилось также, что примерно до 1988 года зданием владели не хозяева квартир, а некая компания по недвижимости «Гранд Рю Гранж», но она прекратила своё существование в 2003 году, архивов её тоже не сохранилось.

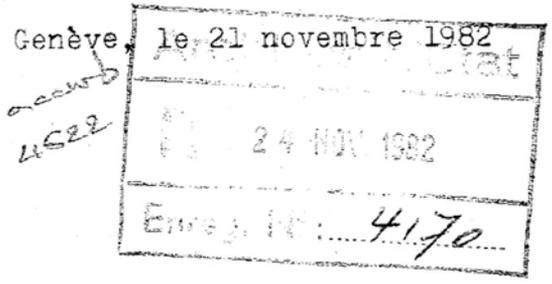
Ничего по истории доски не оказалось и в инженерной службе – это значило, что владельцы установили её самостоятельно, без технической помощи города. Наконец первую зацепку дали в Службе безопасности и общественного пространства (это как раз там доска и её содержание проверялись на благонадёжность): в их реестрах остался след, что какое-то решение по установке принималось в январе 1983 года. Но какое именно решение принималось и, главное, по чьему ходатайству, оставалось неизвестным. Одно было хорошо: примерное время установки доски прояснилось. И ранее, по её внешнему виду можно было определить, что она не очень старая – не XIX века и не начала XX точно. К тому же автор этих строк уже мог лицезреть её при первом своём приезде в Женеву осенью 1989 года, кстати, по забавному совпадению – ровно через двести лет после Карамзина. И не к этому ли юбилею была приурочена установка доски?

Наконец, после двух месяцев поисков, совместными усилиями Государственного архива Женевы и архива городского Департамента строительства были отысканы дополняющие друг друга письма, которые пролили свет на историю памятной доски.

21 ноября 1982 года в Государственный архив написал некий Леонид А. Гран. Он напоминал о пребывании в доме № 17 знаменитого историка и писателя, выражал желание установить там мемориальную доску и спрашивал, под каким номером этот дом существует сейчас и в какую инстанцию должно обратиться за разрешением. Архив ответил через месяц, накануне рождественского перерыва, сообщил нынешний номер дома, дал адреса Службы расследований и надзора (ныне Служба безопасности и общественного пространства) и уже упоминавшегося тогдашнего владельца «Гранд Рю Гранж». 17 января 1983 года компания по недвижимости «Краммер», представитель владельца, сообщила в Административный совет о своём согласии на установку доски, проект которой Гран им успел представить. 31 января 1983 года Административный совет ответил, что возражений не имеет (Archives d'Etat de

Фрагмент письма
Леонида А. Грана

Государственный архив
Женевы

Monsieur,

Nicolas Karamzine, célèbre historien
et écrivain russe séjourna à Genève du 2 octobre
1789 au 4 mars 1790; son domicile se trouvait
à la Grand' Rue N° 17.

Genève (AEG), Archives C 110, 874-785). Так как всё касалось частного владения, ни в архивах различных служб, ни в архивах женевских газет о точной дате установки, которая, видимо, случилась тут же, в первой половине 1983 года, никаких данных, к сожалению, нет.

Кем же был Леонид Гран? Обрывочной информации о нём вроде бы много, в Женеве продолжают жить люди, которые его помнят, но не всё остаётся ясным. Никакого портрета этого таинственного почитателя Карамзина, пусть даже на групповой фотографии, найти так и не удалось. В приводимых ниже биографических сведениях, почерпнутых в Сети и в архивах ЗАГС Женевы, слова «вероятно» или «наверное» будут, к сожалению, появляться очень часто.

Фамилия «Гран» вполне могла встречаться в России, однако в нашем случае она не была исконной. Свою фамилию наш герой изменил в эмиграции, подтвердил эту перемену при натурализации в Соединённых Штатах, а при рождении в Санкт-Петербурге 2 сентября 1910 года (по какому стилю, неизвестно) его, вероятно, звали Леонид Александрович Клячкин или Клячкин – все встречавшиеся автору написания были сделаны латиницей, и восстановить подлинную орфографию пока невозможно. Отца Леонида в сохранившихся в Женеве документах писали почему-то на венгерский манер «Шандор», то есть Александр, а мать звали Фанни Златогорова. Во времена революции и Гражданской войны семья каким-то образом оказалась в Китае, и в 1934 году двадцатитрёхлетний «Леонид Арнольд Гран», бывший русский подданный, окончательно покинул Шанхай и переехал в Америку, где с 1929 года он уже обучался социальным наукам в Университете Беркли (кстати, полутора веками раньше именно своё двадцатитрёхлетие встретит

Николай Михайлович Карамзин на берегу Женевского озера, о чём упомянет в «Письмах»). В Америке же в 1935 году Гран скоропалительно женился на некоей Маргарет Лидерс, но этот первый брак долго не продлился и к 1940 году распался. В составе американской армии Леонид Гран воевал потом на европейском фронте. Дослужился, между прочим, до звания майора. А примерно с 1952 года Гран уже в Женеве, где стал штатным переводчиком-синхронистом в ООН – недаром он свободно владел английским, русским, французским и немецким языками. Гран активно участвовал в жизни русской колонии в Женеве, являлся прихожанином православной церкви, в течение многих лет состоял в правлении Русского кружка при Женевском университете. Проживал он по адресу: авеню Криг/avenue Krieg 36 и тут же в Женеве скончался 10 июля 1985 года. Похоронен был на кладбище Сен-Жорж, где много лет спустя, 5 июня 2011 года, обрела последнее пристанище и его вторая жена Мария Магдалина, урождённая Харгитай/Nargitay, родившаяся 13 октября 1918 года, по происхождению венгерка из Трансильвании, уроженка города Арада. Их единственная дочь Мария, родившаяся в женевском кантоне 5 июля 1952 года, жила во Франции, где скончалась бездетной раньше матери, так что никаких потомков у семьи Гранов больше не осталось. Все личные вещи и документы, как подтвердил автору этих строк человек, занимавшийся ликвидацией имущества после смерти Марии Магдалины Гран, были уничтожены... История семьи Гран закончилась.

Но памятная доска в честь Карамзина, установленная на Гранд Рю по влечению души Леонида Грана, остаётся памятником не только Николаю Михайловичу, но и его таинственному женевскому почитателю.

Главная страница виртуальной реконструкции

Дом Карамзиных на Венце: виртуальная реконструкция

В 2010 году вышел Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина», в 2011 году Правительство Российской Федерации приступило к формированию «Плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина». Тогда же министерство искусства и культурной политики Ульяновской области обратилось к гражданам России с призывом о поддержке Всероссийского Карамзинского движения. В обращении к работникам культуры, деятелям искусств, творческим союзам была поставлена задача сохранить и преумножить историческую память и культурное наследие страны, вовлечь как можно больше людей в культурный и творческий процесс.

Централизованная библиотечная система города Ульяновска, обладающая богатым информационным краеведческим ресурсом, считает своим вкладом в юбилейные события проект компьютерного воссоздания симбирского дома Василия Михайловича Карамзина, старшего брата историкографа.

Двухэтажный каменный особняк, сооружённый в XVIII веке на пересечении улиц Большой Саратовской (ныне бульвар Пластова) и Верхней Набережной (в настоящее время — ул. Пролетарская), принадлежал отцу Николая Карамзина — М.Е. Карамзину. После его смерти усадьбу с домом, хозяйственными постройками и садом унаследовал старший брат писателя и историкографа — коллежский асессор В.М. Карамзин.

В начале XIX столетия В.М. Карамзин продал особняк казне. До 1840 года в бывшем доме Карамзиных располагалась резиденция вице-губернатора. Дом пережил симбирский пожар 1864 года, но был снесён в конце 1960-х годов. Долгое время на этом месте был пустырь, и это вселяло надежду на возможность его реконструкции.

Наши краеведы много раз поднимали вопрос о необходимости воссоздания исторического здания. Кандидат исторических наук, почётный гражданин Ульяновской области Жорес Александрович Трофимов разыскал в Центральном государственном историческом архиве планы особняка Карамзиных, выпустил книгу «Николай Карамзин и Симбирск», в которой подробно описывает, где находилось здание, как оно выглядело. Жорес Александрович неоднократно выступал за «...восстановление его в первоизданном виде и дальнейшее использование как мемориального музея автора всемирно известной «Истории государства Российского».

Известный архитектор, краевед, почётный гражданин Ульяновска Борис Васильевич Аржанцев, автор ряда книг и статей о памятниках истории и культуры города, также исследовал историю дома В.М. Карамзина. Борис Васильевич подготовил документацию для воссоздания исторического здания по чертежам и планам 1803 года. Изучением архивов Б.В. Аржанцева мы занимались совместно с нашим партнёром Государственным архивом Ульяновской области. Консультировали нас и специалисты Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина».

Почему мы взяли за этот проект? Во-первых, есть архивные документы, чертежи, которые позволяют воссоздать точные пропорции этого дома. Во-вторых, это широкий пласт просветительской работы для наших библиотек. Мы продолжаем тему архитектурного, исторического облика города Симбирска XIX века; говорим о доме, как об элементе дворянской культуры и городской среды.

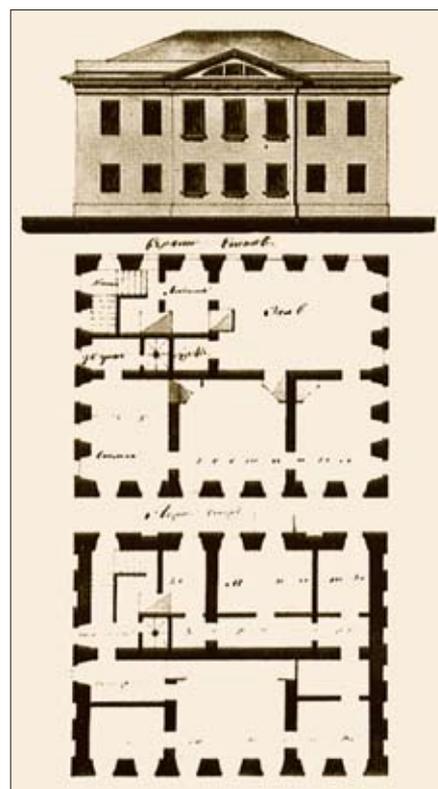
Скорее всего, само здание уже не восстановить, а вот современные технологии позволили нам его реконструировать в виртуальной реальности. Реализовать задуманное помогли специалисты компании «ITECH.group».

Виртуальная реконструкция дома Карамзиных на Венце состоит из трёх разделов и 3D-модели. Раздел «Симбирск» даёт зрителю представление об архитектурном облике города XVIII–XIX веков, об одной из самых красивых его улиц. Раздел «В.М. Карамзин» рассказывает о старшем и любимом брате писателя – Василии Михайловиче Карамзине: кем служил Василий Михайлович, сколько имел детей, где умер и захоронен хозяин дома на Венце. Раздел «Дом» знакомит с элементами дворянской, бытовой культуры. Мы объединили имеющиеся письменные источники и репродукции работ художников, в том числе Джона Огастеса Аткинсона (английского художника-акварелиста и гравёра).

Воссозданный в 3D-модели дом В.М. Карамзина представлен в виде городской усадьбы с надворными постройками и садом, типовыми для XVIII–XIX веков в провинциальном городе.

Перед нами стояла большая задача – за короткий срок дать максимум информации и задействовать все каналы восприятия зрителя. Инсталлировав проект на сайте библиотеки, мы многократно увеличили охват читательской аудитории. Человек в любой точке мира может зайти на сайт Центра краеведческой информации им. Бориса Васильевича Аржанцева, детской библиотеки № 25 и погрузиться в историю. Присоединяйтесь и вы, пройдя по адресу www.25.mukcbs.org.

В книге «Н.М. Карамзин. Письма к братьям. 1786–1826» (составитель В.А. Сукайло, литературовед, обладатель почётной награды правительства Ульяновской области «Медаль Н.М. Карамзина») представлены письма Николая Карамзина к братьям. В них Николай Михайлович Карамзин даёт

План и фасад дома В.М. Карамзина. 1803

брату Василию Михайловичу советы по оформлению интерьера дома, пишет о том, какими отделочными материалами воспользоваться, какой мебелью обставить новый дом. Наш проект может иметь дальнейшее развитие: дом можно «наполнить» предметами, чтобы у нас была возможность ещё глубже почувствовать жизнь симбирян XVIII–XIX веков.

Казалось бы, виртуальная реконструкция дома Карамзиных на Венце – это ресурс о безвозвратно утраченном. И всё же наш проект созидательный, ведь виртуальная реконструкция преодолевает все барьеры – и географические границы, и даже границы времени.

Ольга Слепова

Фото из личного архива Олега Бахарева

Нижегородская дача Карамзиных

Сироты-воспитанники Карамзиных на фоне барского дома

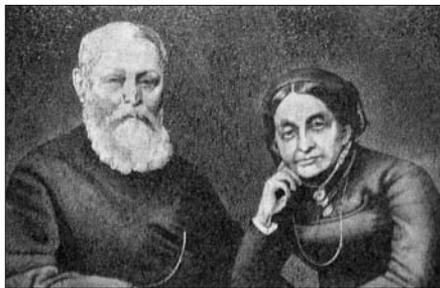

Фото автора

А.Н. Карамзин и Н.В. Оболенская.
Портреты на надгробном памятнике

В окрестностях сёл Большой и Малый Макателёмы Первомайского района Нижегородской области есть удивительное место – посёлок Рогожинский, который хранит память о семье Николая Михайловича Карамзина. Точнее – о деятельности его сына Александра Николаевича Карамзина (1815–1888), превратившего малопродуктивные земли в сильное и стабильное поместье, известное как ардатовская усадьба Карамзиных. Автор этого «экономического чуда» – Александр Карамзин – до сих пор почитается в этих краях как святой.

«Ардатовская Камчатка»

Так Карамзины называли эти места. В 1797 году Павел I подарил сёла Большой и Малый Макателёмы в Ардатовском уезде Нижегородской губернии наместнику Нижегородско-Пензенского наместничества князю Андрею Ивановичу Вяземскому, дочь которого Екатерина в 1804 году вышла замуж за Николая Карамзина. После смерти князя

в 1807 году эти земли стали карамзинскими, но внимания своих владельцев они удостоились лишь в 1812 году, когда Наполеон сжёг Москву.

Николай Карамзин трижды приезжал в Рогожку – в период с 1812-го по 1814 год (в это время он жил в Нижнем Новгороде). Хозяйственная деятельность здесь тогда не велась, хотя при даче числилась контора. К слову, само слово «дача» – напоминание о том, что

эти земли, по тем временам расположенные в невероятной глуши, владельцы не выбирали, а их «дал» император. Дарёному коню, как известно, в зубы не смотрят. Местность получила название по старинному ремеслу крестьян, которые в липовых оврагах драли лыко и плели рогожи. Поправить финансовое положение за счёт такого промысла было просто невозможно. И на долгие годы Карамзины теряют интерес к этим местам.

Фото из личного архива Олега Бахарова

А.Н. Карамзин играет в крокет

Смерть Пушкина

После смерти историографа длительное время делами имения всерьёз никто не занимался. Переломным в жизни «ардатовской Камчатки» стал 1837 год – год трагической гибели Александра Пушкина. Дело в том, что Александр Сергеевич был близким другом семьи Карамзиных и всегда давал литературно-политического салона Екатерины Андреевны Карамзиной. Сын Карамзина Александр участвовал в дуэли Пушкина, и смерть поэта произвела на 22-летнего гвардейского офицера неизгладимое впечатление: Александр Николаевич покинул высший свет и уехал в деревню – в Ардатовский уезд Нижегородской губернии.

Здесь Александра ожидало ещё одно потрясение: жизнь местных крестьян, далёкая от идиллии и поэзии. Настоящей катастрофой было неконтролируемое увеличение женской и детской смертности, вызванное голодом вследствие неурожая, и масштаб-

ные эпидемии. Карамзин сразу начал борьбу с социальным злом. Он берётся за перо и создаёт рассказ «Небесный Бог», в котором описывает несовершенное устройство быта макателёвских крестьян глазами человека, спустившегося с небес на землю. Поняв, что литературным даром дело с мёртвой точки не сдвинуть, Александр начал активную деятельность со строительства больницы и школы.

Социальный проект Александра Карамзина

Самых одарённых крестьян Карамзин отправил в Нижний Новгород изучать медицину, а над местными повивальными бабками взял шефство личный врач Александра Николаевича. В результате в каждом карамзинском селе появились свои медицинские работники, а их дома превратились в бесплатные пункты приёма больных. Особый уход был предусмотрен для рожениц, которые приходили в созданные

приюты до родов. Ситуация со смертностью и рождаемостью коренным образом изменилась. Чтобы обеспечить местных жителей заработком, Александр Николаевич принял решение заложить в Рогожке грандиозный парк (территория – 31 га, в т. ч. собственно парк – 12,75 га, пруды – 2,65 га).

О том, что Карамзин сам испытывал финансовые трудности, свидетельствуют архивные документы. Получив от матери доверенность на управление имением в 1839 году, Александр неоднократно его закладывал под кредитные займы. Причём денежные средства были необходимы Карамзину вовсе не для строительства роскошного усадебного особняка. Две избы, соединённые сенями, – вот и весь «господский дом». Чуть позже сени превратились в переднюю, а над избами надстроили две комнаты. Займы Александр Николаевич направлял на воплощение в жизнь разработанной им экономической модели. Здесь появился скотный двор, сырный и винокуренный заводы, мельницы.

Во владениях Карамзина добывались бутовый камень и глина, обжигался кирпич, гасилась известь. Кроме того, в усадьбе появились и другие сооружения. Определялись они словом «службы»: каретный сарай, конюшня, различные флигели и оранжереи.

Карамзинский парк
в посёлке Рогожинский

Заводчик и благотворитель

Вскоре после женитьбы Александра Николаевича на княгине Наталье Васильевне Оболенской в 1850 году Карамзин принимает решение построить рядом с Рогожкой чугунолитейный завод. В этом деле на помощь пришёл брат Андрей Николаевич. Женатый на вдове богатейшего заводчика Демидова – Авроре Карловне Шернваль, он был управляющим знаменитых демидовских заводов в Нижнем Тагиле.

30 июля 1853 года состоялась первая плавка, положившая начало выпуску сковородок и чугунок. Основой для производства стала местная болотная руда, содержащая железо. В лучшие годы завод выпускал до 620 пудов чугуна. Вокруг него выросли поселения, названные в память родителей Александра Николаевича: Николаевка, Екатериновка, Карамзиновка. Самое большое село Ташино (сейчас это Первомайск) назвали в честь Натальи Васильевны, а самую красивую аллею в усадебном парке в Рогожке – в честь жены брата, Авроры.

Заработанные деньги пришлось как нельзя кстати. В 1853 году Александр Карамзин собирает ополчение для Крымской войны и уходит в район боевых действий вместе с женой. Наталья

Васильевна была сестрой милосердия. После возвращения у себя в усадьбе на берегу пруда Карамзины основали палату для солдат-инвалидов, где безвозмездно оказывалась помощь раненым. В распоряжение больных был предоставлен и усадебный парк. Впоследствии Александр Николаевич открыл ещё одну больницу и богадельню для инвалидов войны и престарелых, затем – приюты для калек и детей-сирот. Своих детей у Карамзиных не было, но они воспитали 40 крестьянских сирот, которые жили вместе с ними в господском доме.

Александр Карамзин был лично знаком с декабристом Александром Муравьевым, ставшим после манифеста 1856 года нижегородским губернатором. В октябре 1858 года, когда в Нижний Новгород прибыл писатель Александр Дюма, Карамзин в качестве почётного гостя был приглашён в Губернаторский дом на приём в честь знаменитого француза.

После отмены крепостного права управление хозяйством Александр Николаевич передал губернской земской управе (не случайно ей было присвоено имя Карамзинской). До конца жизни Карамзина земство избирало его попечителем уездных учреждений. Был он и предводителем дворянства Ардатовского уезда и пользовался огромной

Карамзинская больница в Рогожке
(ныне посёлок Рогожинский
Первомайского района
Нижегородской области)

Электростанция в Рогожке

любовью и уважением всего местного населения. В день его смерти, чтобы проститься со своим благодетелем, простые люди шли в Рогожку пешком за десятки верст. Панихиды по нему служились во всех ардатовских храмах. Наталья Васильевна пережила мужа на четыре года. Когда она умерла, её похоронили рядом с супругом – у алтаря Большемакателёмской церкви.

Возвращение памяти

В советское время захоронение Карамзиных, как и большинство дворянских могил, подверглось разорению. «Золото» тогда искали все: и представители НКВД, и жители окрестных сёл. Серьёзной добычей считались даже пуговицы с мундира, не говоря уже об оружии и украшениях именитых мертвецов! Так, в 1929 году была осквернена могила Карамзиных. Не найдя ничего, кроме двух тонких обручальных колец, вандалы надругались над останками. Именно тогда исчез череп Александра Николаевича. Говорят, что местный учитель забрал его для «опытов», чтобы не допустить той ужасной участи, которую ему уготовили «расхитители гробниц». По их замыслу, череп Карамзина должен был стать... футбольным мячом. Непогребённые останки до 2001 года хранились в алтаре бывшей церкви при Карамзинской больнице в Рогожке.

Своеобразный акт покаяния состоялся лишь в 2006 году, когда по инициативе бывшего главного врача Карамзинской больницы Олега Бахарева, собравшего по крупицам историю усадьбы в Рогожке, супружеская чета была торжественно перезахоронена на берегу усадебного парка. Находки, сделанные в Первомайске несколько лет назад, помогли установить точные даты захоронений: в литейке Первомайского тормозного завода, созданного на базе Карамзинского чугунолитейного завода, нашёлся крест, а подпорка при входе на машинно-тракторную станцию оказалась надгробием из чёрного гранита с высеченными годами жизни Александра Николаевича и его жены Натальи Васильевны. Благодаря Олегу Бахареву и его семье сегодня проводятся Карамзинские чтения в Большемакателёмской школе и благоустроен старинный парк, где установлены мостики и беседки, а также расчищена аллея Авроры.

Галина Филимонова

ВЫСТАВКА
ГИМН
РОССИИ

Российские гимны времен Карамзина

Инструменты
рогового оркестра
с выставки
в Ленинском
мемориале.
2016

Фото Лилии Янушевской

На интерактивной выставке в Ленинском мемориале «Гимн России», работавшей в 2016 году, ульяновцы могли ознакомиться с историей Государственного гимна РФ и всех его музыкальных предшественников. Организаторам «музыкальной исторической прогулки» удалось соединить современные мультимедийные технологии, подлинные документы разных эпох и редкие экспонаты. Посетив выставку, созданную при участии больше 20 федеральных музеев, архивов, библиотек и частных коллекционеров, можно было услышать мелодии старых гимнов России, в том числе и тех, что слышал Н.М. Карамзин.

Основоположник русского сентиментализма Н.М. Карамзин жил во времена правления нескольких российских императоров: Екатерины II, Павла I, Александра I и скончался в начале правления Николая I, при каждом из которых в России существовал свой гимн.

Моду на гимны открыла Великобритания, официально утвердившая свой гимн «Боже, храни короля!» в 1743 году. В русском государстве со времён Петра I роль гимна выполнял «Преображенский марш». Поскольку в юности Карамзин непродолжительное время служил в Преображенском гвардейском

полку Санкт-Петербурга, наверняка он отлично был знаком с этой мелодией.

Среди редких экспонатов, привезённых в Ульяновск, был роговой оркестр времени царствования Екатерины II. Такие оркестры были популярны исключительно в России. Каждый рог издавал только одну, свою, ноту. В качестве гимна музыканты, играющие на таких экзотических инструментах, самые большие из которых крепились на специальных опорах, исполняли полонез «Гром победы, раздавайся» композитора Осипа Козловского на стихи патриарха русской литературы Гавриила Державина:

*Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потрёс!*

Впервые он прозвучал 28 апреля 1791 года в Петербурге на торжествах по случаю взятия крепости Измаил. Эту музыку тогда называли русским победным гимном.

Религиозным гимном, отмечавшимся в нотных изданиях как «национальный русский гимн», просуществовавшим с 1797-го по 1816 год, принято считать сочинение «Коль славен наш господь в Сионе». Автор музыки Д.С. Бортнянский, стихи М.М. Хераскова. Он появился в эпоху императора Павла I. Посетители ульяновской выставки не только могли послушать его, но и воочию увидеть камерные духовые инструменты, выбранные императором для исполнения гимна: две валторны, два кларнета и фагот. Также в витрине был представлен театральный костюм для роли императора Павла I в спектакле «Суворов» 1939 года.

В 1801 году на престол взошёл Александр I. «Благословенный, великодушный держав восстановитель» стал

покровителем литератора, мыслителя и путешественника Н.М. Карамзина. Осенью 1803 года императорским указом он был назначен историографом «для сочинения полной Истории Отечества». Как особа, приближённая к высочайшему двору, Николай Михайлович, вероятно, должен был присутствовать на торжественных приёмах царствующей семьи и в самые важные моменты государственных и военных церемоний, когда звучал гимн страны.

В 1816 году император Александр I на параде в Варшаве пришёл в восторг от исполненного в его честь английско-го гимна God save the King на русском языке. Тогда он повелел сделать эту музыку гимном России, получившим название «Молитва русских» (вольный перевод В.А. Жуковского, музыка Генри Кэрри в обработке Антонио Лаоста). «Молитва русских» исполнялась до 1833 года.

Так совпало, что тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина стали выходить из печати вместе с появлением гимна – с 1816 года. За восемь лет вышло 11 томов этого грандиозного сочинения. Книги имели огромный успех в русском обществе. Император повелел разослать «Историю» по министерствам и посольствам. В сопроводительном письме было сказано, что теперь все государственные мужи и дипломаты обязаны знать свою национальную историю. Можно сказать, что «История государства Российского» наряду с гимном, флагом и гербом стала своего рода символом Российской империи. 12-й том своего огромного труда Николай Михайлович закончить не успел. После Декабрьского восстания 1825 года он тяжело заболел и умер в 1826 году.

Вероника Михайлова

Естественно-научный фон «Писем русского путешественника»

Визит Лессинга
и Лафатера
к Мозесу
Мендельсону.
Гравюра
Морица
Даниэля
Оппенгейма.
1856

В Карамзинской библиотеке хранятся редкие книги конца XVIII века – книги, воспитавшие Карамзина. Медицинские и звёздные атласы, гороскопы и календари, травелоги и альбомы, трактаты и навигации – по этим изданиям вполне можно представить круг идей и картину мира того времени.

Беседы с Кантом

Николай Михайлович Карамзин целенаправленно и внимательно создавал личную картину мира – собственно, для того он и отправился в европейское путешествие. Молодого исследователя (а Карамзину тогда было 22 года) интересовали прежде всего виды посещаемых территорий, нравы жителей, политическое и общественное устройство, бытовые мелочи, а также и научные моменты.

В Кёнигсберге Карамзин встречался и беседовал с Иммануилом Кантом («... был я у славного Канта, глубоко-мысленного, тонкого метафизика...»). Прежде всего Кант – знаменитый философ, но не будем забывать, что Кант – и очень яркая фигура в тогдашней космологии.

В трактате «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755) Кант высказал несколько замечательных новаторских соображений, в том числе:

Иммануил Кант.
Картина Иоганна Готлиба Беккера.
1775

о замедлении вращении Земли из-за приливов, вызванных Луной; о структуре колец Сатурна (по его мнению, кольца состоят из отдельных фрагментов (камней, пылинок), причём кольца разделены промежутками); об образовании планет из газопылевых околозвёздных дисков (тут он был одним из пионеров общепринятой сейчас теории); о наличии в древности кольца вокруг Земли (из него могла бы образоваться Луна); о возможном нахождении планет за Сатурном, в том числе и о существовании на краю Солнечной системы тел с очень вытянутыми орбитами, которые можно причислить скорее к кометам, чем к планетам (Уран был открыт Уильямом Гершелем в 1781 году). Несомненно, Карамзин имел какое-то представление не только о философских работах Канта, но и космогонических идеях певца «звёздного неба надомной» (кстати, именно Кант заговорил о Млечном пути как о Галактике).

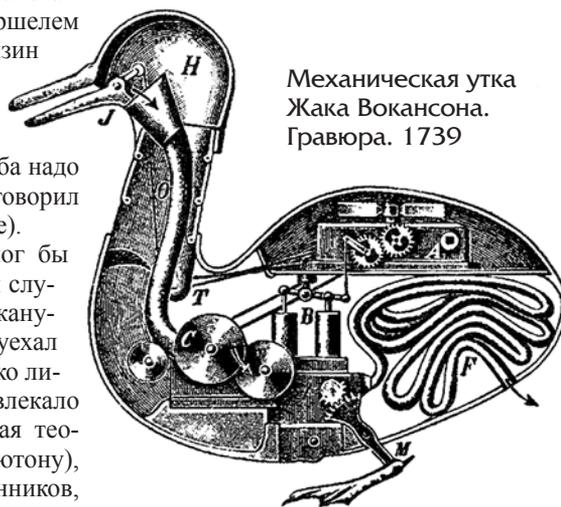
Собеседником Карамзина мог бы стать и Гёте (не стал по чистой случайности – Карамзин видел накануне хозяина в окне, но тот утром уехал из города). А Гёте – это не только литература (что прежде всего привлекало Карамзина), это и оригинальная теория цвета (созданная в пику Ньютону), вызвавшая внимание современников, развенчанная ходом истории, но до сих пор нет-нет да привлекающая серьёзных комментаторов.

«Движущаяся анатомия»

Если от физики перейти к физиологии, то и тут Карамзин показывает осведомлённость в современных теориях и подходах. На первых страницах описания лондонского этапа путешествия Карамзин пишет об англичанах: «Я спросил салату, но мне подали вялую траву, облитую уксусом: англичане не любят никакой зелени. Ростбиф, бифтекст есть их обыкновенная пища. Оттого густеет в них кровь, оттого делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и нередко самоубийцами. К сей физической причине их сплина можно прибавить ещё две другие: вечный туман от моря и вечный дым от угольев, который облаками носится здесь над городами и деревьями».

Тут мы видим отсыл сразу к трём естественно-научным концепциям, обсуждавшимся в то время. Что касается питания, то именно к середине XVIII века относятся попытки построения

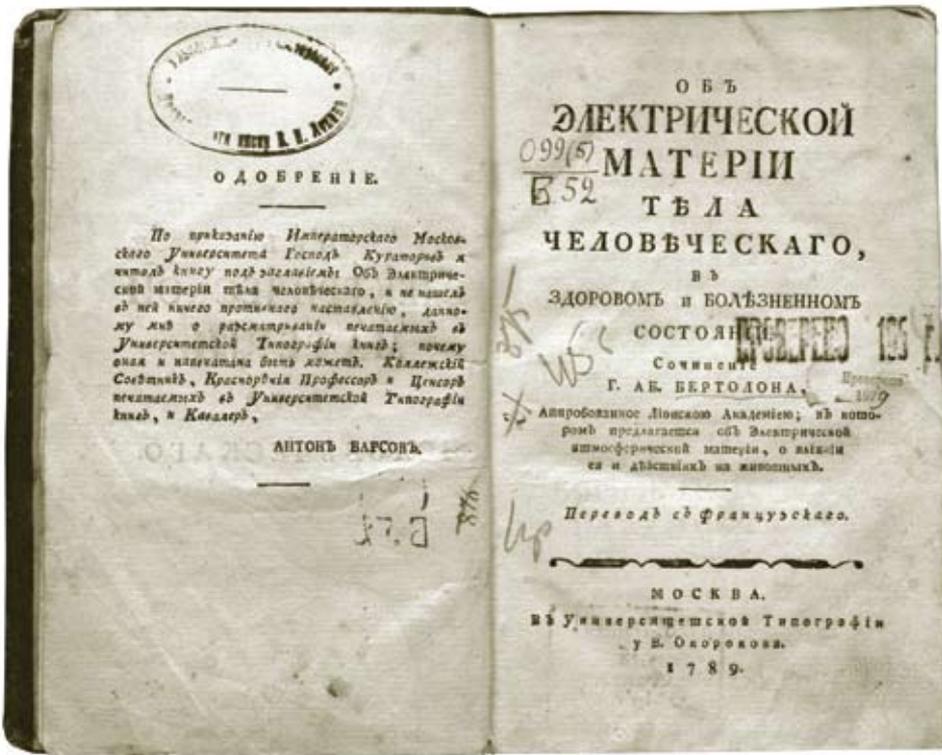
искусственных аналогов физиологических систем, в том числе и системы пищеварения. Француз Жак де Вокансон в 1738 году представил автоматическую фигуру музыканта-флейтиста, а до того мастерил механических уток, которые могли (по утверждению конструктора) двигаться, есть, пить и даже переваривать пищу и испражняться. При этом основным замыслом Вокансона была «движущаяся анатомия», которую он описывал как машину, «состоящую из нескольких автоматов, и в которой физиологические процессы нескольких животных воспроизводятся движением огня, воздуха и воды».

Механическая утка
Жака Вокансона.
Гравюра. 1739

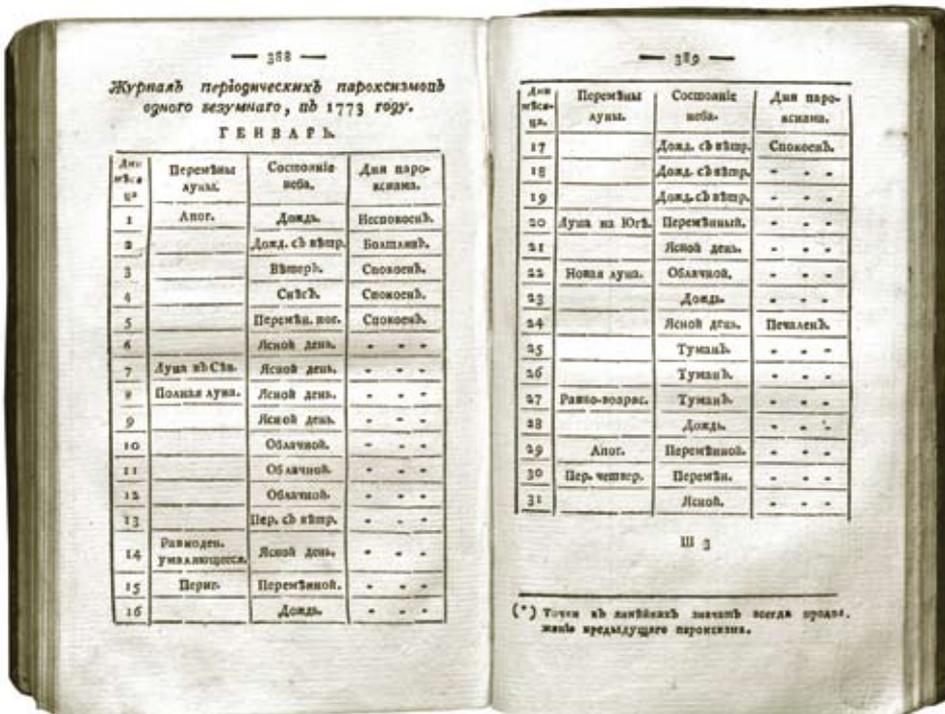
В 1741 году Вокансон предложил Лионской академии «создать автоматическую фигуру, движения которой будут воспроизводить все процессы в теле животного, как то: кровообращение, дыхание, пищеварение, движение мускулов, сухожилий, нервов и т. д. Используя этот автомат, мы сможем осуществлять опыты по физиологии животных и... делать из них выводы, позволяющие нам распознавать разные состояния человеческого здоровья». Задача оказалась, по-видимому, непосильной для механика-самоучки, через двадцать лет (в письме к Людовика XV) Вокансон ставит для себя более частную задачу создания гидравлической модели кровеносной системы, для чего он предполагал устройство сложной системы каучуковых трубок.

В 1749 году на докладе в Руанской академии хирург Клод-Николя Ле Ка предложил создать искусственного человека. Один из слушателей доклада записал: «Месье Ле Ка поведал нам о замысле создать искусственного человека. Его автомат будет обладать кровообращением, дыханием, квази-пищеварением, выделением, а также

Титульный разворот книги Бертолона «Об электрической материи...». Фото автора

Записи в журнале наблюдений за поведением «одного безумного». Из книги Бертолона «Об электрической материи...»

сердцем, лёгкими, печенью, мочевым пузырем и, прости Господи, всем, что оттуда исходит. Если он подхватит лихорадку, мы пустим ему кровь, дадим ему слабительного, и он будет совсем как человек – даже слишком».

В описании своего посещения лондонского собора Святого Павла Карамзин делает небольшое отступление, подтверждающее, что он знаком с попытками представления живых существ машинами: «Декарт, который всех животных, кроме человека, хотел признавать машинами, не мог слушать соловьёв без досады: ему казалось, что нежная филомела, трогая душу, опровергает его систему, а система, как известно, всего дороже философу...».

«Концепция миазмов»

Но приведённый нами ранее карамзинский пассаж о сплине англичан касается ещё двух тем. Первая – влияние погоды и климата на психическое здоровье, вторая – популярная в XVIII веке «концепция миазмов», связывающей различные заболевания (вплоть до эпидемий) с дымами и запахами. В течение XVIII века в рамках общей программы просвещения, которая касалась и социальной гигиены, были созданы различные классификации запахов, газов и образцов атмосферы, более того, именно тогда появились первые устройства и методы для определения состава воздуха, в том числе и содержания в нём углекислого газа (ещё в 1754 году Джозеф Блэк выяснил, что открытый им углекислый газ может быть удалён из атмосферы, например, при обжиге извести).

В русский язык слово «миазм» проникло в 1780-х годах, сама же «концепция миазмов» приписывала возникновение различных болезней (от горячки до чумы) действию дурных запахов, вызванных брожением, гниением и порчей воздуха. Теория миазмов была опровергнута лишь столетие спустя работами Коха и Пастера. Поэтому совершенно естественно для Карамзина объяснять недомогания и психические расстройства англичан вездесущим дымом от сжигания «земляного угля».

Ещё любопытнее связывание Карамзиным душевных расстройств англичан с климатическими факторами («вечный туман от моря»). В трактате французского физика и медика Пьера Бертолона «Об электрической материи тела человеческого в здоровом и болезненном состоянии», опубликованном на русском языке в 1789 году, приводится

уникальный «Журнал периодических пароксизмов одного безумного» 1773 года, где месяц за месяцем тщательно фиксируются изменения погоды (ясно, облачно, дождь, туман и проч.), лунные фазы и соответствующее им состояние пациента: «печальное молчание», «беспокоен и болтлив», «бешен» или «спокоен». По итогам исследования приводится таблица, на основании которой читатель должен убедиться в несомненном влиянии на психическое состояние «безумного» как фаз луны, так и состояния атмосферы. Так что замечание Карамзина о связи «вечного тумана от моря» с меланхолией англичан вполне в духе времени: «Мрачный флегматичный британец с жадностью глотает солнечные лучи, как лекарство от его болезни, сплина».

Природа электричества

Отметим, что конец XVIII века – время увлечения электричеством. Аббат Бертолон размышлял об электрической материи, находящейся в атмосфере и в человеческом теле, о влиянии её на человека, давал читателю рекомендации «как электризовать недостатком, или отрицательно, и электризовать избытком, или положительно». Напомним, что в 1791 году Гальвани продемонстрировал опыты с животным электричеством, а ещё раньше, в 1789 году с лёгкой руки Месмера начался бум животного магнетизма.

Опыт Гальвани с лягушачьей лапкой. Гравюра. 1731

Но и полувеком раньше электричество было модной темой, и им пытались объяснять многое. Наш великий соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов предполагал, что многие болезни связаны с повреждением «соков» в теле и с нарушением вследствие этого способности воспринимать атмосферное электричество. Он не только объяснял всё тем же атмосферным электричеством полярные сияния, но

Джозеф Бэнкс.
Гравюра. XIX век

и утверждал электрическую природу свечения хвостов комет, что уже тогда встречало заслуженные возражения многих физиков.

В Лондоне Карамзин посетил заседание Королевского общества, где присутствовал при разборе переписки англичан с французскими коллегами под председательством президента Общества господина Бэнкса. «Человек тихий и для англичанина довольно приветливый». Джозеф Бэнкс был фигурой весьма незаурядной. Натуралист и ботаник, он участвовал в нескольких морских экспедициях, в том числе в Австралию, из которых привёз множество образцов растений. По просьбе короля Бэнкс курировал реорганизацию королевских ботанических садов Кью, вскоре ставших крупнейшим в мире собранием живых образцов флоры, а также гербариев и художественных изображений растений. «Я один раз был в славном Кьюском саду, Kew-Garden, месте, которое нынешний король старался украсить по всей возможности... Там китайское, арабское, турецкое перемешано с греческим и римским. Храм Беллоны и китайский павильон; храм Эола и дом Конфуциев; арабская алгара и пагода!» – запишет Николай Карамзин.

Веточка на память

В 1799 году Бэнкс стал одним из организаторов Королевского института – вместе с Генри Кавендишем и другими видными учёными. Бэнкс был приверженцем и пропагандистом систематики Карла Линнея, человеком очень широкого кругозора и самых прогрессивных для своего времени взглядов на биологию. Так что совершенно по праву, как указывает в «Письмах...» Карамзин, на заседании «перед ним лежал золотой скипетр, в знак того, что просвещённый ум есть царь земли».

«Я умствую: извините, – писал Карамзин. – Таково действие английского климата. Здесь родились Невтон, Локк и Гоббес!». Посетив Вестминстерское

аббатство, Карамзин описывает «памятник Невтона» и скрупулёзно переводит латинскую надпись с перечислением ньютонových заслуг: «определил движение и фигуру светил небесных, путь комет, прилив и отлив моря, узнал разнообразие солнечных лучей и свойство цветов...».

Сын своего времени, Карамзин впитал дух сентиментализма Стерна – и позже сам привлёк этот дух к родным просторам. Вот он посещает дом, «где умер философ и стихотворец Поп»: «Я видел его кабинет, его кресла – место, обсаженное деревьями, где он в летние дни переводил Гомера, – грот, где стоит мраморный бюст его и откуда видна Темза, – наконец, столетнюю иву, которая чудным образом раздвоилась и под которой любил думать философ и мечтать стихотворец; я сорвал с неё веточку на память».

Непрестанное стремление Карамзина – наблюдать «разнообразные картины человеческого труда и природы», его идеал – «счастье сельского жителя, любителя наук и любимца муз». Однако при всей элегической устремлённости «Писем...» внимательный читатель увидит на их страницах и приметы становления естественно-научного мировоззрения, разнообразные следы влияния на молодой ум «русского путешественника» научных концепций, дискуссий и практик.

Евгений Стрелков

А.А. Кирмалова –
сестра И.А. Гончарова.
С фото 1860-х.

Новые страницы семейного летописца

Дом Кирмаловых
в с. Хухорево
Ардатовского уезда
Симбирской губернии.
Конец XIX века

В преддверии 205-летия со дня рождения И.А. Гончарова хотелось бы вспомнить об одном не менее значимом для почитателей творчества прославленного романиста и профессиональных гончаро-ведов юбилее. В честь 200-летия сестры писателя А.А. Кирмаловой в рамках Года литературы в Российской Федерации и Года национальной памяти и славы в Ульяновской области в музее И.А. Гончарова была создана выставка «Новые страницы семейного летописца».

Общий вид выставочного зала с размещённой экспозицией «Новые страницы семейного летописца (к 200-летию сестры писателя А.А. Кирмаловой)»

В структуре музея И.А. Гончарова экспозиция «Потомки» по праву занимает отдельный зал. Здесь на столике-консоли представлен сенсорный киоск с электронной версией гончаровского хронографа – старинной рукописной книги рода Гончаровых, известной в научной среде как «Летописец семьи Гончаровых». Ещё один зал музея украшает широко известное посетителям родословное древо Гончаровых. В этом же разделе экспозиции размещён напольный сенсорный киоск, дающий посетителям возможность изучать семейное древо писателя сквозь увеличительное стекло, а также находить более подробную информацию о всех ныне известных представителях рода Гончаровых.

В домашней рукописной книге семьи Гончаровых, датированной 1725–1889 годами, о рождении Александры Александровны Кирмаловой (урожд. Гончаровой) (1815–1896) свидетельствует запись: «1815 года мая 14 дня родилась дочь Александра».

Младшая сестра писателя А.А. Кирмалова была владелицей земли во Вла-

димирской губернии, а также в селе Хухорево Ардатовского уезда Симбирской губернии. Она была замужем за Михаилом Максимовичем Кирмаловым – капитаном 15 Егерского полка, надворным советником, владельцем имения в селе Сыромьяс Пензенской губернии. В их браке родилось шестеро детей: Николай (умер в раннем возрасте), Виктор (1834 г.р.), Софья (1837 г.р.), Владимир (1840 г.р.), Екатерина (1844 г.р.) и Варвара (1848 г.р.).

Обстоятельства жизни Александры Александровны были нелёгкими. В 1850 году её муж, надворный советник М.М. Кирмалов, был убит крепостными крестьянами. Сестра И.А. Гончарова осталась вдовой с пятью детьми.

После смерти М.М. Кирмалова писатель окружил сестру вниманием и заботой. Он, проживая в Петербурге, всегда был в курсе всех событий, происходивших в её семье.

Знаковыми экспонатами выставки стали два письма Ивана Александровича своей сестре от 26 февраля и 13 октября 1861 года из фондов краеведческого музея. Александра Александровна была постоянным адресатом писем И.А. Гончарова, в которых писатель

Письма
И.А. Гончарова
А.А. Кирмаловой.
26 февраля
и 13 октября
1861 года

рассказывал ей о жизни и службе её взрослых сыновей в Петербурге, давал советы житейской направленности. Старейший сотрудник музея Ю.М. Алексеева в статье «Три письма И.А. Гончарова к сёстрам» отмечала следующее: «И.А. Гончаров переписывался с родственниками всю жизнь. <...> К сожалению, учёные до сих пор не заинтересовались письмами Гончарова к сёстрам. ... А между тем они... необычайно интересны. Они открывают новые грани личности писателя и страницы его биографии, рассказывают много нового о людях из его окружения. Можно даже сказать, что они открывают нам неожиданного Гончарова. Ведь главная особенность этих писем – в предельной открытости, а Гончаров не очень-то раскрывался окружающим, особенно в бытовой области – личной, домашней и т. д. С другой стороны, письма Гончарова к родственникам трудно отнести к разряду чисто бытовых, так как события, в них описанные, или материал писем, так или иначе рано или поздно отражается или сопрягается с художественным миром романиста». Эти письма явились своеобразным кульминационным моментом всей экспозиции: расположенные в центре зала на полукруглом подиуме в отдельной витрине, они сопровождались дубликатами на бумаге большого формата.

Не менее уникальным документом, представленным на выставке, стала «Грамота Пензенской губернии, данная губернскому регистратору Максиму Трофимовичу Кирмалову (отцу М.М. Кирмалова. – **И.М.**) о внесении его рода в I часть дворянской родословной книги. 14 января 1794 г.». Эта Грамота скреплена печатью дворянства Пензенского наместничества. Настоящая реликвия была передана нашему музею Ростиславом Львовичем Кирмаловым, сыном Льва Александровича Кирмалова, правнучатого племянника писателя по линии племянника Виктора Михайловича, в 1983 году. Следующим ценным экспонатом стало фото барского дома в селе Хухорево. В сентябре 1849 года Иван Александрович несколько дней гостил у Кирмаловых в Хухорево, сделав остановку по дороге в Петербург после четырёхмесячного отпуска, проведённого в Симбирске. Известный ульяновский краевед П.С. Бейсов назвал Хухорево одним из мест, где писатель наблюдал деревенскую жизнь, уклад и быт помещичьей усадьбы. Хухоревские впечатления действительно могли быть использованы им при описании Обломовки

и жизни обломовских крестьян. В Хухорево постоянно жила Анна Михайловна – старая няня романиста, его брата Николая и сестёр Александры и Анны. Она пришла в дом Гончаровых ещё будучи молодой девушкой. Позднее растила детей и внуков Александры Александровны и проживала в её имении. Иван Александрович не забывал об Анне Михайловне. В письмах к младшей сестре передавал поклоны, спрашивался о здоровье. В очерке «На родине», описывая свой приезд в Симбирск в 1834 году, также не забыл о ней: «... старые слуги, с нянькой во главе, смотрят в глаза, припоминают мои вкусы, привычки...». В свой последний приезд в Симбирск летом 1862 года И.А. Гончаров попросил привезти из Хухорева старую полуслепую няню, которую в доме Гончаровых называли всегда просто и ласково – Аннушкой. Тогда и была сделана единственная фотография Анны Михайловны, которую Иван Александрович хранил как дорогую реликвию. По замечанию М.Ф. Суперанского, «образ Аннушки нашёл ... воплощение в няне Обломова, которая так ласково ухаживала за Илюшей и рассказывала чудные сказки».

Украшением экспозиции, безусловно, стал комплекс материалов, посвящённый детям Александры Александровны и Михаила Максимовича, а также современным представителям рода Кирмаловых.

Своё продолжение род получил по линиям двух сыновей Александры Александровны – Виктора и Владимира. В настоящее время их потомки проживают в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Калининграде, Берлине, Мюнхене. Они внесли большой вклад в формирование коллекции музея И.А. Гончарова в Ульяновске и уже многие годы являются почётными гостями Гончаровских торжеств на родине писателя.

Нина Борисовна Кирмалова (1913–1990) – старшая дочь Бориса Владимировича Кирмалова, старшего сына племянника И.А. Гончарова Владимира Михайловича Кирмалова – побывала в Ульяновске дважды (в 1984-м и 1985 годах). Она передала в дар музею фотографии своего деда, его жены Александры Глебовны (в девичестве – Персениновой) и детей – Бориса, Анатолия и Павла, а также японские полочки, привезённые И.А. Гончаровым из путешествия на фрегате «Паллада» и подаренные племяннику Владимиру Михайловичу.

Кроме материалов, посвящённых семье Гончарова, на выставке можно

Н.Б. Кирмалова в экспозиции музея И.А. Гончарова у портрета младшей сестры писателя А.А. Музалевской. Сентябрь 1984 года

было узнать о способах сохранения памяти в разные периоды истории, начиная с летописей и рукописных семейных летописцев и кончая личными страничками в Интернете.

Постоянной интерактивной зоной экспозиции на протяжении всего времени её работы стал уголок «Родословное древо моей семьи», где можно было под руководством сотрудника музея попробовать силы в составлении генеалогии своего рода.

Кроме того, каждый посетитель имел уникальную возможность вписать пером своё имя в летопись экспозиции, поделиться эмоциями от увиденного в стилизованном рукописном «Свитке» или оставить видеообращение на память, воспользовавшись размещённой в зале Web-камерой.

Выставка получилась разнообразной, насыщенной, интересной. Она не только познакомила аудиторию с биографическими подробностями жизни А.А. Кирмаловой, её потомков, на основе воспоминаний и мемориальных коллекций которых и была создана настоящая экспозиция, но и укрепила внимание к мощному духовному потенциалу, заложенному в романном, эпистолярном творчестве писателя.

Ирина Маршалова,

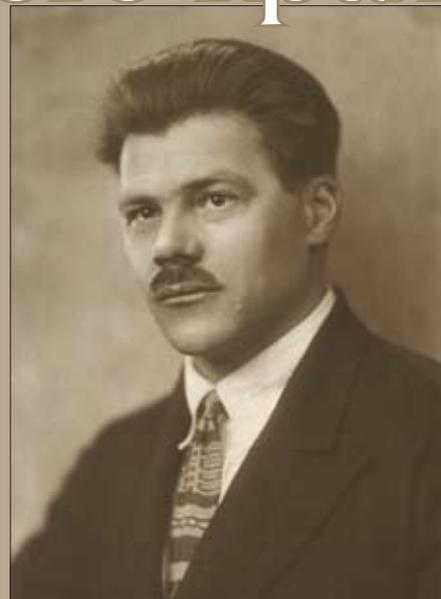
заведующая сектором научно-исследовательской работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова

Фото из фондов УОКМ

Я всегда был патриотом Симбирского края

Богоявленская церковь в селе Ведянцы. 1970-е

В.Ф. Семенов. 1930-е

Титульный лист учебника. 1949

Симбирская земля подарила России много выдающихся творческих личностей. К числу известных историков, рождённых на Симбирской земле, относится видный советский медиевист и крупный специалист по истории Англии, профессор, доктор исторических наук Виктор Фёдорович Семенов.

Виктор Фёдорович Семенов родился 28 апреля 1896 года в селе Ведянцы (Богоявленское) Тархановской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии (сейчас Ичалковский район Республики Мордовия) в семье диакона Богоявленской церкви Фёдора Стефановича Семенова. По семейному преданию, основателем рода Семеновых был обладавший огромной физической силой симбирский татарин Магометка, сын которого Нигматулка был муэдзином, потом принял православие с именем Семён и стал псаломщиком. Потомки Семёна стали православными священнослужителями. Семья Фёдора Стефановича часто переезжала на новые места службы по северо-западу Симбирской губернии – уездные города Алатырь, Курмыш, села Мальцево, Семёновское и Порецкое.

Фёдор Стефанович как служитель культа получал незначительное содержание и, чтобы прокормить большое семейство, был вынужден заниматься хлебопашеством, проявляя незаурядный

пример трудолюбия. Особенно в его хозяйстве выделялся жеребец по кличке Мишель породы брабансон, который был таким красивым и умным, что, по шутке земского начальника, «говорил человеческим голосом». В с. Порецком Алатырского уезда Фёдор Стефанович построил на Большой горе краснокирпичный дом рядом с учительской семинарией. В гостеприимном доме Семеновых часто засиживались учителя, агрономы и художники, учёные разговоры которых серьёзно повлияли на мировоззрение подраставших детей.

Детские годы Вити Семенова прошли в окружении весеннецветущих и осеннедогорающих садов и лесов, перед зеркалом очаровательной реки Суры. Витя рос любознательным и искренне религиозным ребёнком. Любил ходить с отцом в храм и помогать при службе.

Дети священнослужителей могли получить бесплатное образование только в духовных учебных заведениях. В 1906 году, десяти лет отроду, Витя поступил в подготовительный класс Алатырского духовного училища, где получил форменную фуражку, тужурку

тёмно-серого сукна с синим кантом на вороте и рукавах. Особой гордостью был форменный кожаный ремень с выбитыми на большой медной пряжке буквами А.Д.У. – Алатырское духовное училище. Первое время жил на съёмной квартире, а потом в общежитии для воспитанников. Занятия в училище велись шесть дней в неделю, по четыре или пять уроков в день. Учебный день начинался и заканчивался молитвой. После завершения учебного года Витя уезжал на каникулы к родителям в с. Порецкое. После отдыха нужно было прибыть в училище строго в назначенный срок и при себе иметь отпускной билет с подписью отца о времени отправления из дома. В Алатыре Витя жил очень скромно, одежду и обувь чинил самостоятельно, письмами и открытками сообщал отцу, что у него всё в порядке и в деньгах он не нуждается. Как отличника обучения и поведения его каждый год награждали книгами, причём книги подбирались с учётом возраста и меняющихся интересов. Все пять лет учёбы в Алатырском духовном училище Витя был самым лучшим учеником. В 1911 году он окончил курс учения по первому разряду и был признан достойным перевода в 1 класс духовной семинарии.

Жарким летом 1911 года пятнадцатилетний Виктор Семенов на попутной телеге из с. Порецкого приехал в Симбирск, чтобы учиться в Симбирской духовной семинарии.

Духовная семинария – единственное в дореволюционном Симбирске учебное заведение, где большое внимание уделялось историческому краеведению. Сотрудником семинарии был патриарх симбирского краеведения Капитон Иванович Невоструев. Преподаватели семинарии Александр Космич Яхонтов и Сергей Дмитриевич Сотин являлись активными членами созданного в 1914 году Симбирского епархиального, церковного, археологического общества.

Симбирские семинаристы жили более вольготно, чем ученики Алатырского духовного училища. Они практически не подвергались телесным наказаниям, более того, позволяли себе дерзить преподавателям. Большинство из них были отпетыми атеистами и учились в семинарии за неимением иной возможности получить бесплатное образование. Многие семинаристы имели такие вредные пристрастия, как курение, пьянство и азартные игры. Всё свободное время они проводили в пустых разговорах и развлечениях, уроки готовили непостоянно и совсем бы

бросили учиться, да только знали, что «не учёных в попы не ставят».

Первый учебный год в Симбирской семинарии для Виктора начался, как это было заведено, молебном в семинарском храме. Ректор семинарии протоиерей Андрей Васильевич Стернов обратился к учащимся с глубокопрочувствованным словом о высшем священном уроке, который должен господствовать над всеми остальными уроками – об уроке страха Божия. На молебне присутствовал находящийся в Симбирске в отпуске выпускник Симбирской духовной семинарии, известный историк церкви, председатель учебного комитета при Священном синоде, протоиерей Дмитрий Никанорович Беликов.

Форменная одежда симбирских семинаристов мало отличалась от формы духовного училища: те же тёмные тона и строгий покрой, а на пряжке ремня была выбита аббревиатура С.Д.С. – Симбирская духовная семинария.

Пряжка Алатырского духовного училища

Пряжка Симбирской духовной семинарии

В Симбирске Виктору приходилось жить и на квартире, и в семинарском общежитии. Квартиры он снимал самые дешёвые: небольшие комнаты, зимой холодные и угарные, с убогой мебелью и тусклыми лампами.

Утреннее время семинаристы проводили в обычных классных занятиях, а вечером – в приготовлении уроков

и чтении. В послеобеденные часы в особо отдалённой мастерской желающие занимались столярным и переплётным ремеслом. Вечерами младшие классы с удовольствием занимались гимнастикой под руководством бравого участника войны с Японией штабс-капитана Закатальского полка Якова Александровича Селяво.

В семинарии действовал литературный кружок, руководителем которого был преподаватель словесности и истории русской литературы Леонид Иванович Крылов. Виктор был активным участником кружка, заседания которого напоминали защиту современных диссертаций. Каждому выступающему назначался обязательный критик. Реферат выступления должен был содержать ссылки на использованные источники и заблаговременно передаваться оппоненту.

В 1912 году в Симбирске с широким размахом отмечалось столетие со дня рождения писателя И.А. Гончарова. Виктор присутствовал на всех торжественных мероприятиях. Больше всего ему запомнилась праздничная закладка Гончаровского дома (ныне здание краеведческого и художественного музеев), на которой он был в составе торжественного крестного хода. Своими глазами юноша видел, как настоятель Алатырского Свято-Троицкого монастыря, архимандрит Назарий (выпускник Алатырского духовного училища и Симбирской духовной семинарии), окропив место закладки святой водой, положил первый камень в основание здания.

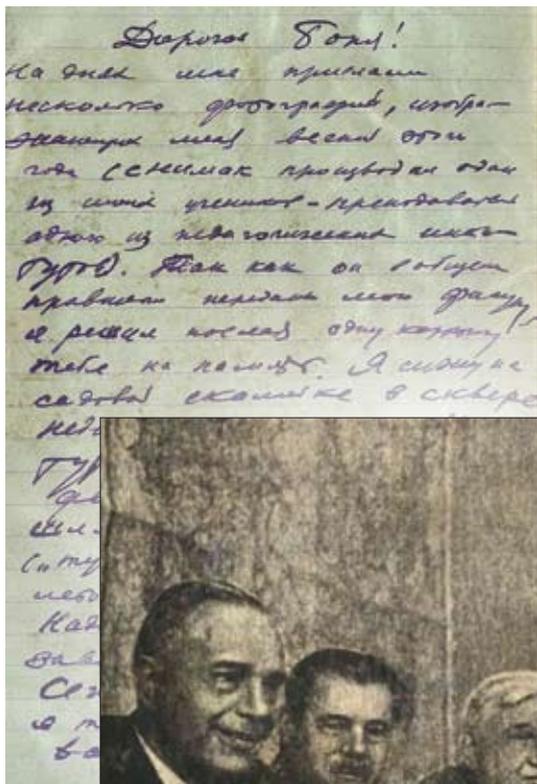
Вместе с членами литературного кружка Виктор присутствовал на торжественном открытии беседки-памятника И.А. Гончарову на южной окраине деревни Винновка. После завершения церемонии литкружковцы посетили Винновскую рощу и прошли по местам, которые И.А. Гончаров описал в романе «Обрыв», побывали и в загадочной часовне «Статуйка». Винновская роща и её мистическая атмосфера настолько очаровали литкружковцев, что каждый последующий год, вплоть до окончания семинарии, они проводили в ней майёвки – так тогда называлось первое майское воскресенье, когда симбиряне отправлялись отдыхать на лоно природы. У винновских крестьян покупали свежайшие продукты, арендовали самовар и под обсуждение литературных новинок пили чай на свежем воздухе.

По обязанностям семинариста и по велению души Виктор посещал все важные церковные мероприятия. Большое впечатление на него произвела

В.Ф. Семенов
отдыхает после лекций.
Июнь 1957 года

Письмо В.Ф. Семенова
брату Борису.
5 сентября 1957 года

В.Ф. Семенов
принимает государственный экзамен.
1964

закладка в 1913 году храма во имя святого Великомученика Пантелеимона на Пушкинской площади около железнодорожного вокзала (сейчас на месте храма находится многопрофильный лицей № 11 имени В.Г. Менделеева). Торжественную службу проводил епископ Симбирский и Сызранский Вениамин. Все присутствующие испытали большое религиозное воодушевление и дружное молитвенное единение.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война существенно повлияла на жизнь семинаристов. Некоторые из них ушли добровольцами на фронт. В действующую армию был призван любимый преподаватель гимнастики штабс-капитан Я.А. Селяво, который осенью 1914 года получил ранение и был отправлен на излечение в Симбирск, где его с большим восторгом и почётом встречали семинаристы.

Симбирскую духовную семинарию 21-летний Виктор Семенов окончил в 1917 году по первому разряду с наилучшим из всех учеников результатом и был признан окончившим курс семинарии со званием студента семинарии, которое считалось почётным и давало право поступать в духовную академию. Виктор мечтал продолжить образование в Казанской духовной академии. Летом 1917 года на Симбирской пристани он сел на пароход, идущий в Казань.

Начавшаяся Гражданская война и борьба с религией помешали осуществиться планам. Пришлось поступить

на историко-филологический факультет Казанского университета, который Виктор успешно окончил в 1921 году. В Казани он учился у таких прославленных историков, как Николай Павлович Грацианский и Митрофан Васильевич Бречкевич, которые тоже были выпускниками духовных семинарий.

В Казани Виктор Фёдорович женился. В молодой семье родилась дочь, которая, к несчастью, вскоре умерла. В 1922 году переехавший в Москву Н.П. Грацианский пригласил Виктора Фёдоровича работать вместе с ним и учиться в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1924 году в Москве родился сын Игорь. В 1929 году Виктор Фёдорович окончил аспирантуру при этом институте, где его научными руководителями были выдающиеся советские историки: академики Вячеслав Петрович Волгин, Дмитрий Моисеевич Петрушевский, а также члены корреспонденты Евгений Алексеевич Косминский и Александр Дмитриевич Удальцов.

Работая по окончании аспирантуры в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), Виктор Фёдорович участвовал в издании первого собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, что в дальнейшем послужило своеобразной охранной грамотой от политических репрессий.

С 1935 года и до последнего дня жизни Виктор Фёдорович вёл педагогическую работу в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1941 году защитил докторскую диссертацию, в 1949 году опубликовал её отдельной монографией «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века», на которую получил положительные отзывы маститых британских историков Ричарда Генри Тоуни и Родни Говарда Хилтона.

1 марта 1944 года при освобождении от фашистских захватчиков Калининской области погиб его единственный сын Игорь – рядовой отдельного гвардейского истребительного противотанкового дивизиона. Виктор Фёдорович тяжело переживал гибель горячо любимого сына, который, по мнению академика Сергея Даниловича Сказкина, был чрезвычайно похож на отца.

После трагической гибели друга и учителя Н.П. Грацианского в 1945 году Виктор Фёдорович приступил к заведению кафедрой истории средних веков. По слухам, за две недели до гибели

Н.П. Грацианский был вызван на приём к Иосифу Виссарионовичу Сталину, но по какой-то причине не дождался аудиенции и ушёл. Через две недели, когда Н.П. Грацианский возвращался с дачи на железнодорожную станцию, он был убит двумя выстрелами в спину. Вещи и шубу убийцы не тронули. Многие коллеги-историки считали, что его убили сотрудники Госбезопасности.

В 1945–1948 годах Виктор Фёдорович был деканом исторического факультета, а с 1950 года и до последнего дня жизни – заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков.

Благодаря хорошей языковой подготовке в духовном училище и семинарии, Виктор Фёдорович быстро изучал иностранные языки. Читал и бегло говорил почти на любом европейском языке. За одно лето он выучил сложнейший венгерский язык и написал классическую научную статью «Венгерская Золотая булла 1222 года».

Ещё семинаристом Виктор Фёдорович принял за правило самостоятельно оценивать готовность к занятиям и вёл специальную тетрадку, где выставлял себе оценку в зависимости от степени готовности к конкретному уроку и предмету. Эта привычка закрепилась у него на всю жизнь и, даже будучи маститым учёным и известным педагогом высшей школы, он после каждой проведённой лекции выставлял себе в дневник оценку, причём оценивал критически – чаще всего это были тройки и четвёрки, иногда с минусом или плюсом.

К студентам Виктор Фёдорович относился более чем благожелательно и старался не ставить плохие отметки, в основном выставлял четвёрки и пятёрки. Делал он это не из-за мягкого характера или желания прослыть добрым, а из стремления психологически подбодрить студентов – не вызвать у них разочарования в своих силах и способностях и привить тем самым будущим учителям пример душевного отношения к ученикам.

Для каждой лекции Виктор Фёдорович готовил новый конспект, иногда почти полностью перерабатывая предыдущий. Всячески старался сделать лекцию живой и запоминающейся. Знал много исторических анекдотов, которые иногда рассказывал на занятиях для повышения тонуса студентов. Умел освещать религиозно-исторические события средневековья объективно и реалистично. По возможности старался объяснить студентам, что религия и наука не противопоставлены друг другу.

С 1949 года Виктор Фёдорович благодаря написанному им учебнику для педагогических институтов «История средних веков» стал известен всем советским студентам-историкам. Учебник со значительными доработками переиздавался в 1951, 1956, 1961, 1970 и 1975 годах. По мнению многих преподавателей, в советские годы учебники Виктора Фёдоровича были лучшими по этой тематике.

Никто и никогда не видел Виктора Фёдоровича раздражённым. Он всегда был доброжелателен и расположен к собеседнику. В 1950–1970-е годы из-за скрытого антисемитизма евреям было сложно защищать научные работы, особенно докторские, и только в диссертационном совете, который возглавлял Виктор Фёдорович, евреи успешно защищались.

Отличительной особенностью Виктора Фёдоровича была его щедрость. Младшему брату Борису, который отбыл заключение по политической статье, он дал деньги на строительство дома, а в 1950–1960-е годы каждый месяц лично, несмотря на огромную занятость, присылал брату денежный перевод на 100 рублей, что равнялось зарплате высококвалифицированного специалиста. Помогал финансово и другим своим братьям и сестре, находил время для регулярной переписки с ними и присылал книги. Одной своей аспирантке, которая вовремя не защитилась, втайне от неё, через кассу почти год из своего кармана платил стипендию.

Виктор Фёдорович был беспартийный. По этой причине, несмотря на неоднократные ходатайства коллег и учеников, он не получил почётное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Всю жизнь Виктор Фёдорович был истинным православным христианином, никогда этого не стеснялся и не боялся пострадать из-за своих убеждений. Часто в деканат поступали доносы, где сообщалось, что профессор Семенов участвовал в крестном ходе или был замечен молящимся в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове.

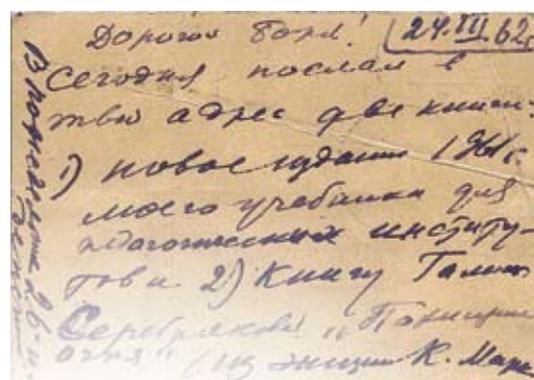
Научную и педагогическую работу Виктор Фёдорович вёл до последнего дня жизни. Утром 11 марта 1973 года в библиотеке «Ленинке» он встретился с аспиранткой, потом работал с заказанной литературой. Из библиотеки поехал в Патриархию за «Журналом Московской Патриархии» и на обратном пути домой в троллейбусе умер от инфаркта.

Под научным руководством Виктора Фёдоровича защищено более 40 кандидатских и докторских диссертаций,

В.Ф. Семенов на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. 1970

Письмо В.Ф. Семенова брату Борису. 24 марта 1962 года

тем самым сформирована уникальная научная школа, которая действует до настоящего времени. В Московском педагогическом государственном университете ежегодно проводятся «Семеновские чтения» – Всероссийская научная конференция памяти профессора Виктора Фёдоровича Семенова, а в 2011 году кафедре и кабинету истории древнего мира и средних веков было присвоено его имя.

Живя полвека в Москве, Виктор Фёдорович мечтал посетить город своей юности – Симбирск–Ульяновск, вдохнуть свежий волжский воздух, насыщенный ароматами садов и степных трав. В зрелые годы осуществиться этой мечте не позволила интенсивная работа, а в старости – уже не было сил, да и не было уже церковного Симбирска, который уступил место пролетарскому Ульяновску. В письмах брату Виктор Фёдорович просил сообщать ему обо всех новостях малой родины, а в одном из последних писем написал: «Я всегда был патриотом Симбирского края».

Дмитрий Семенов,
методист Центра
детского творчества № 6

Дом купцов
Крыловых
в октябре 2016 года.
Фото автора

Истории старого дома

Родиной Н.М. Карамзина и городом-дворянином на Волге называли Симбирск в XIX веке. Дворянский город – это значило: город европейской, классицистической архитектуры. Строгие фасады, прямоугольные окна, дорические колоннады заставляли вспомнить столичный Санкт-Петербург, эталонный город-дворянин Российской империи.

С конца XVIII века классицистическая архитектура усиленно и повсеместно внедрялась в российскую провинцию через использование «образцовых», или типовых, как говорят теперь, проектов. Впрочем, к типизации в ту эпоху подходили с большой гибкостью и фантазией. В изданном в 1809–1812 годах «Собрании фасадов, Его императорским Величеством Высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи» содержалось две сотни проектов жилых, хозяйственных, промышленных и торговых

зданий и семь десятков проектов заборов и ворот для этих домов. При воплощении «образцов» в конкретные строения никто не возбранял видоизменять его, сообразуясь с конкретными условиями местности, вкусом и кошельком заказчика.

Памятник архитектуры, дом купцов Крыловых на Большой Саратовской, ныне Гончарова, улице типичен для своей эпохи и архитектурного стиля. Прежде чем его владельцами стали братья Матвей и Михаил Яковлевы – наследники Крыловы, дом построил и им владел их отец Яков Крылов. В цокольном, или подвальном, этаже дома располагалось трактирное заведение, которым

Дом купцов
Крыловых на фото
1983 года

вполне могли пользоваться постояльцы расположенной здесь же гостиницы. Одним из них на исходе 1820-х годов был надворный советник Фёдор Иванович Корбелецкий (ок. 1776–1837), младший современник Н.М. Карамзина, российский литератор.

Французский пленник

«Поэт в России – больше, чем поэт». Эта максима нашего современника Евгения Евтушенко совершенно особым образом звучала во времена Российской империи, в эпоху Державина, Дмитриева, Карамзина. Поэтический талант открывал почти безграничные карьерные возможности. И Державин, и Дмитриев достигли министерских постов, а мнения Карамзина оказывались решающими для самого абсолютного монарха Александра I. Чем-то это напоминало средневековый Китай, где поэзия считалась обязательной для каждого чиновника; уж если человек способен складывать слова в стихотворение, он запросто одолеет составление самых прозаических отчётов, отношений, приказов.

Потомство позабыло труды Ф.И. Корбелецкого. А ведь когда-то император Павел I жаловал Фёдора Ивановича золотыми часами «за лирическое стихотворение». Император Александр I одарил его бриллиантовым перстнем «за издание пчеловодственной книги и за старание об улучшении пчеловодства».

Так бы и минула в трудах и вдохновении жизнь Фёдора Корбелецкого, не нагрянь в 1812 году на Русь грозный Наполеон. Служившего чиновником в Министерстве финансов литератора снарядили в город Калугу с важной миссией. Фёдор Иванович должен был вывезти отсюда, из-под самого носа французских гренадёр, обоз, гружённый «полумиллионом рублей в медной монете»!

На самом деле, уверяет современный московский историк, знаток событий наполеоновских войн Георгий Владимирович Ляпишев, миссия Ф.И. Корбелецкого была куда более скрытой и важной. Министр финансов Российской империи граф Дмитрий Александрович Гурьев, пользуясь служебным положением, отправил лично преданного ему чиновника в своё прославленное калужское имение Большие Вязёмы, чтобы Фёдор Иванович присмотрел за ним.

На другой день после Бородинской битвы, 27 августа 1812 года Ф.И. Корбелецкий попал в плен к французам. С литератора стащили справные сапоги и новую «зелёного сукна» шинель. А потом, понукая увесистым прикладом, пешком погнали господина Корбелецкого в пылающую Москву.

Русские дворяне тогда почти поголовно владели французским языком. А вот французы по-русски говорили не очень. И потому образованного пленника повели напрямик в Кремль,

к самому Наполеону! Каждый день теперь созерцал Фёдор Иванович императора французов, повелителя и кумира половины Европы. Но плен оттого не становился слаще: есть французам и самим-то было нечего. На ночь пленника загоняли в сырой и холодный подвал. «Быть близ Наполеона, значит – быть близ смерти», – написал Фёдор Иванович.

Рассказ Ф.И. Корбелецкого богат на живописные детали. «Каждый конный солдат, едущий в караул, вёз с собою для корму лошади сноп или два немолоченной ржи, которая заменяла у них сено и овёс».

«11 сентября Наполеон в предшествии двух камер-пажей, в сопровождении своего генералитета, придворных чинов и нас, трёх русских пленников и конвоя, ... в первый раз выезжал из Кремля осматривать разорённую Москву, и в первый раз ... показался в мундире ..., простом армейском тёмно-зелёного сукна, с красным воротником, без всякого шитья ... и в низенькой треугольной на распах связанной шляпе с небольшою кокардою, и ехал на простой польской лошади, под генералами же и придворными чиновниками были англинские, а под нами русские крестьянские, довольно изморённые голодом».

Наполеон не слишком стеснялся присутствием пленника и частенько выкладывал при нём такие военные тайны, что любая разведка мира обзавидовалась бы. Однажды Наполеон выложил собравшимся генералам, что твёрдо намерен отступить из разорённой первопрестольной столицы в более приличные и хлебные края.

И вот, когда пару дней спустя император французов со свитой перебрался из Кремля в Петровский дворец, Фёдор Иванович сбежал. По лесам и оврагам двинулся чиновник-патриот в Петербург, чтобы сообщить всё, что видел и слышал высшему начальству. Обрадованный вестями царь Александр I будто бы распорядился вручить смельчаку орден. Но награда напрасно искала героя. По подозрению в измене завистливые генералы упрятали писателя в Шлиссельбургскую крепость!

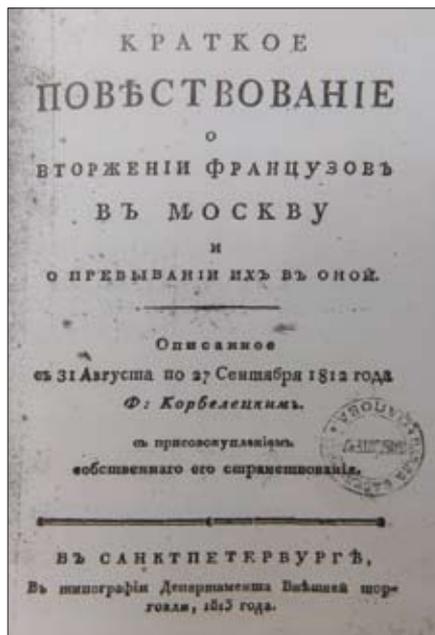
Конечно, у военных были свои зоны не доверять слишком складным рассказам Фёдора Ивановича, а у того — не слишком распространяться о действительной сути своего вояжа к линии фронта, опасаясь «подставить» всемогущего и мстительного министра финансов. Не один месяц скоротал герой в каземате, а выйдя на свободу, при помощи признательного графа, издал мемуары о своём пребывании во французском плену.

«Краткое повествование о вторжении французов в Москву и пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования», если и не стало бестселлером, то всё равно претендует на исключительность и уникальность. Её писал россиянин, пленник, человек, в достаточной степени владевший пером, оказавшийся совсем рядом с предводителем неприятельского войска, самим Наполеоном, в самые напряжённые и драматические дни Отечественной войны 1812 года. Сколько раз в нашей литературе, в изобразительном искусстве возникала тема Наполеона, взвизгивающего на пожар Москвы, сколько гениев пера и кисти пытались увидеть эту картину своим мысленным взором — а Фёдор Иванович видел всё своими глазами!

В феврале 1814 года Фёдор Иванович письменно обратился к отважному казачьему атаману графу Матвею Ивановичу Платову, предложив собственное средство «для истребления от лица Земли ненавистного всему роду человеческому властелина Франции» — 50 собственноручно нарисованных по

Портрет Наполеона, нарисованный Ф.И. Корбелецким для поимки супостата

Титульный лист книги Ф.И. Корбелецкого

памяти и отравированных художником А. Шелковниковым портретов Наполеона.

«Портреты эти, по мнению многих, полезно было бы раздать войскам Вашего Сиятельства на тот конец, чтоб они, будучи всегда в авангарде, и следовательно имеющие случай скорее всех встретиться с Наполеоном, заметив его по оному, пригласили в свой стан

и в главную квартиру союзных Государей; а буде добровольно не согласится, то притащить его на аркане или для поднятия славы корсиканца поднять его на пики!»

Судьба заносит в Симбирск

Отгремели битвы. Грудь Фёдора Ивановича украсила вполне заслуженная медаль в память Отечественной войны 1812 года, с которою писатель никогда не расставался. Жизнь пошла своим чередом и, казалось, вполне успешно. Господин Корбелецкий служил на Украине по ведомству Министерства финансов, на прибыльной должности правительственного ревизора по винокуренным и питейным заведениям.

Злополучным вечером 25 июня 1822 года в ревизуемое Фёдором Ивановичем где-то под Киевом питейное заведение заглянул молодой человек. Обряженный в калмыцкую бурку, молодец имел заливхватски закрученные усы и «клочок волос на нижней губе, носимый Гишпанцами и иноземными шарлатанами». Юноша держался развязно, что совсем не понравилось порядком уже «наревизовавшемуся» Фёдору Ивановичу. Указывая пальцем на блестящую медаль, он потребовал должного уважения к своей персоне.

На это развязный молодец (цитата по документу) расхохотался: «Это г.но, я нас.ть на нее хотел!» «Крути его!», — зычно призвал Фёдор Иванович троих своих собутыльников, и стайей соколов налетели они на гостя. Юноша опешил, перепугался и пробовал по-французски объяснить Корбелецкому своё имя и звание.

«Чрез это, он решительно сочтён был за иностранного шпиона и, следовательно, тем менее уже мог быть уважен», — объяснялся потом наш писатель. Молодца хорошенько помяли, связали по рукам и ногам и отвезли к полицейскому исправнику, где посадили на цепь! При допросе в полиции оказалось, что молодой человек не просто офицер, российский дворянин — он ещё и служит в жандармах!..

Фарс обернулся жизненной драмой. О карьерном росте и финансовом благополучии пришлось позабыть. Впрочем, сохранившиеся связи и существовавшая корпоративная этика требовали не оставлять без помощи пострадавшего коллегу. Именно таким образом, надо полагать, Фёдор Иванович оказался в Симбирске. Из дома Крылова по Большой Саратовской слал он покаянные прошения на высочайшее имя.

В 1829 году Ф.И. Корбелецкий поступил на службу в Пермскую межевую контору. Но отношения с новым начальником не складывались. В 1833 году писатель-патриот был уволен от службы и предан суду Пермской уголовной палаты. В который раз он оказывается за тюремной решёткой, но на этот раз ему не суждено было обрести свободу. 21 октября 1837 года Ф.И. Корбелецкий скончался, находясь в заключении, так и не дождавшись решения по своему затянувшемуся делу...

Симбирский банкрот

С 1881-го по 1886 год двухэтажным домом на Большой Саратовской улице владела крестьянка А.Ф. Шанина. Распространённый обычай записывать на жену свой бизнес или часть недвижимости существовал и в Российской империи. Фактическим же владельцем двухэтажного особняка на главной улице города-дворянина был крестьянин села Копышовки Симбирского уезда Иван Прохорович Шанин (1851–1884).

Почти три четверти века, с середины XIX столетия и вплоть до революции, в нашем краю гремела крестьянская торговая династия Шаниных. Несмотря на свой недолгий личный век, Иван Прохорович стал, пожалуй, самым ярким представителем этого, пока ещё не слишком изученного рода.

В Симбирске торговец Шанин слыл «милёнщиком». Зримый знак успехов – собственный дом на Большой Саратовской улице. Крестьянин Шанин занимался оптовой и розничной торговлей «мануфактурным товаром», ситцами различных фактур и расцветок. Его приказчики бойко торговали изделиями знаменитых Даниловских, Иваново-Вознесенских, Шуйских текстильных мануфактур не только по всей Симбирской губернии, но и в половине губернии Самарской.

«И.П. Шанин вёл своё торговое дело солидным образом и с давнего времени пользовался значительным кредитом, что указывает на заслуженное им доверие», – отзывались о «молодом» крестьянском сыне «старожилые» симбирские купцы.

Могила И.П. Шанина
на Воскресенском кладбище
Симбирска-Ульяновска.
Октябрь 2016 года.

Фото автора

Особенно бойко пошла шанинская торговля после 1881 года. В России как раз воцарился новый император, Александр III. К торжеству коронации всякий норвилл справить обнову, красивую кофту, рубаху, сарафан. И.П. Шанин заключал всё новые подряды, брал кредиты, нанимал приказчиков, заказывал рекламу в «Ведомостях» доброй полдюжины поволжских и центральных губерний и даже мечтал о магазине в первопрестольной!

Но в 1883 году, на фоне довольно сильного неурожая, в России неожиданно разразился экономический кризис. Народу не хватало денег на хлеб – невостребованными пылились тюки яркого ситчика в шанинских магазинах...

На Иване Прохоровиче повис громадный долг – 231215 руб. 18 коп. В бесконечном и мрачном списке кредиторов соседствуют прославленные и подзабытые «Товарищество Даниловской мануфактуры» – 8000 руб., «Торговый Дом Сергея Оконошникова с сыном» – 4701 руб. 41 коп., «Торговый Дом под фирмой Михаила Серикова» – 3616 руб. 28 коп., Московская 1-й гильдии купчиха Глафира Петровна Кашеверова – 3065 руб. 60 коп. ... Денег же, не влезая в новые долги, выручить было негде.

На коммерческие неурядицы навалилась семейная трагедия. Летом 1883 года умерла его единственная, горячо любимая 5-месячная дочь Машенька. Жизнь потеряла смысл. Иван Прохорович тяжело заболел. На фоне болезни он принял ещё более тяжёлое решение:

объявить себя несостоятельным должником, банкротом. По понятиям того времени это был неслыханный позор – платить долги для купца дело чести. Но сил на борьбу более не оставалось.

Не осталось их и для самой жизни. 22 февраля 1884 года Ивана Прохоровича не стало. Он просил похоронить себя вместе с дочерью. 6 июля 1884 года окружной суд официально признал умершего купца Шанина банкротом.

«Хотя большая часть его долгов представляется безнадёжной по взысканию, но обстоятельство это не может быть поставлено в вину Ивану Прохоровичу Шанину, а должно быть всецело отнесено к крайне затруднительному экономическому положению в настоящее время и к всеобщему безденежью.»

И.П. Шанин сам себя объявил несостоятельным, вынужденный к тому не столько особой стеснённой дел, сколько болезненным состоянием, окончившимся смертью, и опасением, чтобы одни из кредиторов не получили удовлетворение более других. Признано считать несостоятельность купца И.П. Шанина несчастною», – значилось в представленном суду заключении Конкурсного управления по делам несостоятельного должника.

Покойный сохранил своё светлое имя. Ровно как хранит его надгробный камень, сохранившийся на старом симбирском Воскресенском кладбище:

«Иван Прохорович Шанин умер 22 февраля 1884 г., 33 лет и 4 месяцев».

Иван Сивопляс

Е.И. Голенко. Мемориал. Первомайская демонстрация.
Графика. 1971

Архитекторы советской эпохи: Александр Бросман, Евгений Голенко, Николай Медведев

Город как символ

19 сентября 1946 года Советом Министров РСФСР был утверждён генеральный план Ульяновска, разработанный специалистами ЛЕНГИПРОГОРА (Ленинградского государственного института по проектированию городов) архитекторами В.А. Гайковичем и Н.В. Кашкадамовой. Чуть позже были приняты два важнейших для судьбы Ульяновска постановлений: «О мерах по развитию г. Ульяновска 1949–50-х гг.» и о включении Ульяновска в число 43 важнейших городов Советского Союза. Корректировка плана произошла

в 1959–1960-х годах, с перспективой до 1980 года. Однако к 100-летию со дня рождения Ленина план вновь был пересмотрен, и в 1965 году был утверждён новый план, рассчитанный на развитие города до 500 тысяч человек.

Авторы генплана бережно отнеслись к историческим зданиям и памятникам города, стремясь сохранить исторический облик Ульяновска «в знак памяти о родине вождя революции». Архитектурными средствами была выражена идея центральной части города «как символа города исторического значения...

Осенью 2016 года в музее «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска» открылась выставка «Уходящая советская архитектура». Её открытие приурочено сразу к нескольким юбилейным датам: 100-летию со дня рождения ульяновских архитекторов Евгения Ивановича Голенко (20 февраля) и Александра Ивановича Бросмана (21 сентября). 14 января 2017 года, в день закрытия выставки, исполняется 95 лет со дня рождения Николая Николаевича Медведева.

в сочетании с образом Ульяновска как высоко индустриального и административно-политического центра». Выражением этой идеи стал проект площади В.И. Ленина с её застройкой мемориальными, общественными зданиями.

С учётом роста числа жителей Ульяновска до 350 тысяч приоритетной задачей стало строительство жилья. Жилищный фонд с 1939-го по 1959 год увеличился в два раза. Прокладывается канализация, водопровод, строится засвияжская ТЭЦ, идёт газификация домов.

На срезе времени

С расширением территории города остро встал транспортный вопрос. Укладка трамвайных рельсов началась 11 ноября 1949 года, к 1953 году их протяжённость достигла 14 км, а в 1969 году уже 83 км. Перестроен волжский мост (введена автодорожная линия). Город был обеспечен достойными «въездными воротами»: в 1952 году открыт новый железнодорожный вокзал, в 1957 году построен речной порт (перестроен в 1965 году), с 1970 года начал принимать рейсы новый аэропорт.

Активно продолжалось промышленное строительство: введены в строй корпуса УЗТС, приборостроительного завода, завода «Контактор», завода малолитражных двигателей.

Наибольшие изменения в застройке и планировке исторического центра Ульяновска произошли в ходе подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Окончательный проект детальной планировки города с размещением в его центре объектов Ленинского мемориального комплекса был разработан группой архитекторов проектных институтов ЛенНИИП и «Ульяновскгражданпроект». В утверждённом проекте реконструкции центральной части города нашли своё отражение идеи увековечения имени В.И. Ленина на его родине. В соответствии с этим планом были построены гостиница «Венец», здание школы № 1, учебный корпус педагогического института, гостиница «Советская», Дворец профсоюзов и другие здания, сегодня представляющие собой образцы советского модернизма.

Реализацией генплана занимались в том числе А.И. Бросман, Е.И. Голенко, Н.Н. Медведев.

Ульяновск, ул. К. Маркса.
Жилые дома,
построенные
по проекту А.И. Бросмана

**А.И. Бросман
(1916–2006)**

Ульяновск, ул. К. Маркса.
Здание УВД,
построенное по проекту
А.И. Бросмана. 1951

Родился в Днепропетровске (УССР) в семье инженера-строителя. Окончил Киевский инженерно-строительный институт (архитектурный факультет) в 1940 году. Участник Великой Отечественной войны. В 1946 году назначен руководителем проектно-сметного бюро в Ульяновске, занимал разные должности от архитектора до главного инженера областного проекта. С 1959-го по 1969 год был главным архитектором области. В 1969 году назначен главным архитектором ГПИ-10, проработал там до 1981 года.

За эти годы была проведена полная архитектурно-строительная, транспортно-строительная и инженерно-техническая реконструкция всей центральной части Ульяновска. Александр Иванович – автор проекта административного здания областного УВД и прилегающих к нему жилых домов по обе стороны от улицы Гагарина до улицы Марата, проекта планировки северной части города, реализованного в 1950-е, пристроя поликлиники и клуба к зданию КГБ на улице Л. Толстого, многоквартирного жилого дома с клубом приборостроительного завода. Кстати, впервые в истории города

при А.И. Бросмане введена должность городского художника.

Работая главным архитектором ГПИ-10, Александр Иванович принимал участие в разработке проектов и проведении авторского надзора крупных союзных объектов: коврового комбината в Бресте, хлопчатобумажного комбината в Уфе, а также в проектировании второй очереди самого здания ГПИ-10 вдоль улицы Железной Дивизии.

На пенсии А.И. Бросман оставался активным членом градостроительного совета и экспертом многих проектов. Одна из последних его экспертиз – проект генерального плана Ульяновска до 2000 года.

Коллеги по работе, вспоминая А.И. Бросмана, отмечают его высокий профессионализм, чуткое восприятие изменений, происходящих в городе, тонкий художественный вкус, интеллигентность. В.Н. Филимонов в своей книге «Это было, было, было...» считает большой заслугой Александра Ивановича работу с молодёжью: он проявлял себя как мудрый наставник, щедро отдающий свой богатый опыт. Ему принадлежит идея о создании музея

истории развития города. Эта мысль была им реализована в чертежах жилого дома, запроектированного на улице Ленина, где под музей отводился весь первый этаж со светлым композиционным залом.

А.И. Бросман поддержал идею историка и краеведа С.Л. Сытина о создании Ленинского заповедника, героически отстояв её в Госстрое РСФСР как самостоятельную историко-мемориальную зону.

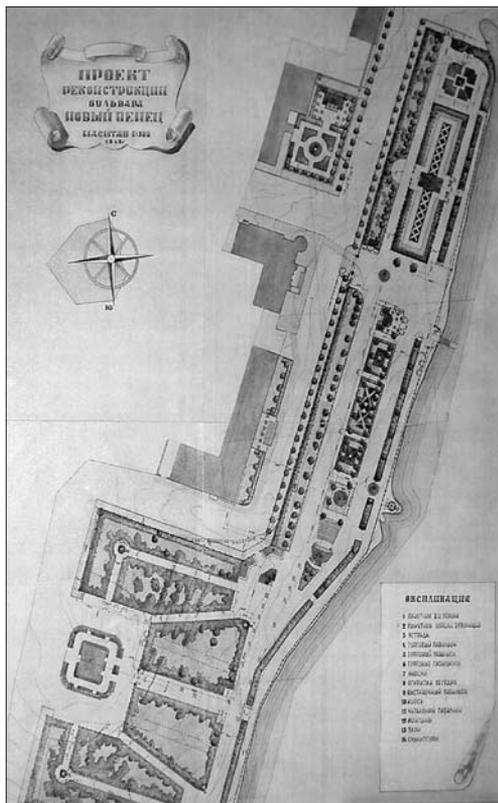

Е.И. Голенко
(1916–1976)

Родился в городе Владимире Московской губернии (ныне Владимирская область). В 1921 году семья переехала в Симбирск. Здесь в 1927 году Голенко окончил 9-ю ульяновскую советскую школу 1-й ступени, поступил в Ульяновский строительный техникум. Там он учился с сентября 1931-го по июнь 1935 года на факультете жилищного и гражданского строительства, получил диплом техника-строителя. В числе отличников был командирован в Казанский строительный институт, где поступил на факультет промышленного и гражданского строительства. В июне 1940 года Евгений Иванович окончил институт, получив звание инженера-строителя.

По распределению Евгений Иванович был направлен в Пензенскую областную проектную контору архитектором, однако проработал там всего месяц – с августа по сентябрь 1940 года. После этого почти на шесть лет его жизнь была связана с армией. Как участник Великой Отечественной войны награждён орденами и медалями.

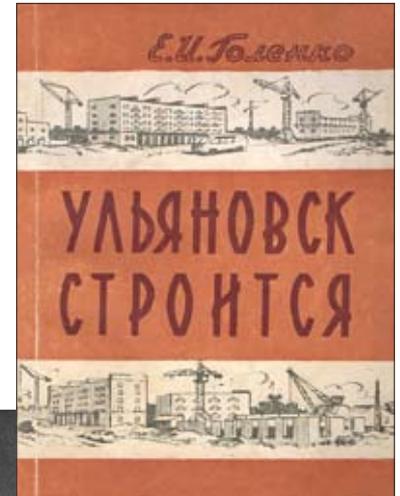
Евгений Иванович писал в автобиографии: «В апреле 1946 года я был демобилизован из армии как специалист-архитектор и направлен в распоряжение управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР». Он получил назначение в Ульяновск и с 1946-го до 1965 года возглавлял областной

Проект реконструкции
бульвара Новый Венец
Е.И. Голенко

Брошюра
1961 года

Чугунное ограждение
на Новом Венце,
выполненное по проекту
Е.И. Голенко. 1950-е

отдел по делам архитектуры и строительства. Параллельно, до 1950 года, он также был главным архитектором города Ульяновска, занимался детальной доработкой, корректировкой и воплощением генерального плана города, утверждённого Советом Министров РСФСР в 1946 году.

Только за один неполный год работы Е.И. Голенко на посту городского архитектора было сделано немало. Воплощены проекты благоустройства бульваров, скверов, садов и парков, реконструированы здания филармонии и речного вокзала, произведён учёт памятников архитектуры. Из семи объектов старого списка, утверждённого управлением по делам архитектуры

при Совете Министров РСФСР, оставался лишь Дом-музей Ульяновых. Е.И. Голенко поднял вопрос об утверждении памятниками архитектуры ещё восемь объектов: здания Дворца книги, Гостиного двора, исторического музея имени И.А. Гончарова, кинотеатра «Художественный», здания горисполкома (Дома Шатрова), памятника Н.М. Карамзину, обелиска на Новом Венце, памятника Карлу Марксу.

С 1965-го по 1976 год Евгений Иванович занимал пост главного инженера института «Ульяновскгражданпроект», одним из первых занялся историей градостроительства и архитектуры Симбирска-Ульяновска и издал ряд работ по этой теме.

Н.Н. Медведев
(1922–2002)

Проект Н.Н. Медведева
192-квартирного жилого
дома на углу улиц
Гончарова и Минаева

Родился 14 января 1922 года в деревне Березняки Ивановской области. Участник Великой Отечественной войны. В 1951 году окончил с отличием Новосибирский инженерно-строительный институт. По окончании института приехал в Ульяновск, преподавал в областной школе строительных мастеров. Затем перешёл в институт «Ульяновскгражданпроект» на должность начальника областного отдела по делам строительства и архитектуры.

С 1971-го по 1978 год – главный архитектор Ульяновска. Дважды, в 1965–1971 и 1978–1985 годах, Н.Н. Медведев занимал должность начальника Ульяновского областного отдела по делам архитектуры и строительства – главного архитектора Ульяновской области.

По проектам Н.Н. Медведева в Ульяновске и Ульяновской области построены: областной драматический театр (1963–1965), здание гостиницы «Советская» (1967–1969), жилой дом на углу улиц Гончарова и Минаева (1961–1964), жилой дом на ул. Гонча-

рова (1958–1961), жилой дом на углу улиц Гончарова и Ленина (1958–1960), высотные жилые дома около кинотеатра «Рассвет» (1958–1960), детская инфекционная больница в северной части Ульяновска (1954–1956).

Н.Н. Медведев награждён почётной грамотой облисполкома «за участие в сооружении обелиска-памятника в ознаменование 30-летия Победы». В составе авторского коллектива выполнил генеральный план нового левобережного района Ульяновска (1979), стал автором таких городских проектов, как дамба через реку Симбирку (1958), кинотеатры в северном и заволжском районах города (1954–1955), реконструкция гостиницы «Россия» (1954–1955). По авторским проработкам Н.Н. Мед-

Н.Н. Медведев.
Проект реконструкции
Ульяновского областного
драматического театра.
1960-е

ведева выполнены генеральные планы и застроены общественные центры в районных центрах Новоспасское, Старая Майна, Тереньга, Николаевка, Радищево, Карсун, Кузоватово.

С 1956-го по 1965 год Н.Н. Медведев возглавлял Ульяновскую организацию Союза архитекторов СССР. Награждён правительственными наградами. Почётный гражданин Ульяновска.

Материалы, посвящённые творчеству ульяновских архитекторов, продолжают храниться в семьях, музеях и архивах. Большое количество документов – рабочие и семейные фотографии, графические работы, личные вещи, профессиональные документы-свидетели творческого пути – хранятся в фондах Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Именно они формируют экспозиции музея, представляются на тематических выставках.

Образ города изменился в соответствии с представлениями советской эпохи. Глядя на открытки и фотографии того времени, мы с уверенностью можем говорить: планировался этот город удобным и красивым. Ширь Волги, красота природного ландшафта и благоустроенные городские улицы, просторные бульвары, зелёные скверы и парки создавали дух современного и ухоженного провинциального города, в котором можно мечтать и строить планы на будущее, растить детей и быть уверенным в завтрашнем дне. Идеи, хранящиеся в дневниках и проектах, семейных и архивных фотографиях, продолжают нас вдохновлять.

Наталья Зубкова,
старший научный сотрудник
музейного комплекса «Градостроительство
и архитектура Симбирска-Ульяновска»
Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

Линии истории Панской Слободы

Панорама села Панская Слобода. Октябрь 2016 года

Красивое название населённого пункта «Панская Слобода» в Ульяновске слышали немногие. Однако некоторые горожане всё же знают, что село это стоит на невысоком живописном берегу Волги, недалеко от него есть пруд и сосновый бор. Вот где хорошо было бы приобрести дачные участки, чтобы отдохнуть в экологически чистой атмосфере, не отказываясь от благ цивилизации: в селе есть электричество и газ. Да и от города оно недалеко. С 2004 года Панская Слобода входит в состав городского округа с административным центром в Новоульяновске.

Прибрежная полоса
в районе с. Панская Слобода

Мало кто бывал здесь, а уж историю этого старого поселения знает ещё меньшее число людей. Да и не мудрено, ведь в Панской Слободе не наберётся и полторы сотни постоянных жителей. Осталось здесь пять улиц с названиями, отражающими вехи советской истории: Горького, Ленина, Рыбака, Новая Линия и Коммунаров. А было когда-то всё совсем по-другому...

Дореволюционная жизнь села

От прежней истории осталось лишь название населённого пункта «польского происхождения». Дело в том, что летом 1663 года в Симбирск прибыли поляки, взятые в плен под Смоленском во время русско-польской тринадцатилетней войны. Часть их поселилась в самом городе на улице позже названной Панской (с 1918 года – ул. Энгельса), а другие обосновались на свободных землях недалеко от города между Кремёнской и Криушинской дворцовыми слободами. Вновь образованную на берегах речки Змеевки деревню называли Панской Слободой. Землепашцами вновь прибывшие не были, они защищали край от внешних врагов. Очень скоро переселенцы смешались

с местными русскими, и по прошествии полувека кроме названия уже ничто не напоминало о поляках.

Поселение, добавленное изначально к арбугинским слободам, было небольшим. «И в Панской деревне – всего 32 двора, людей в них: иноземцев 84 человека, да захребетников 10 человек и 6 дворов русских бобылей, в которых жило 12 человек», – пишет о состоянии села на 1678 год в начале XX века симбирский краевед П.Л. Мартынов в своей книге «Селения Симбирского уезда». И продолжает: «Панская слобода ... и в настоящее время значительно уступает, в этом отношении (размере. – Ред.), соседним сёлам. В ней 253 двора и 1435 жителей (692 муж. и 743 жен.). При освобождении крестьян от крепостной зависимости, общество с. Панской слободы получило в надел, на 402 ревизских души, 1289 дес. 600 саж. земли... и с тех пор делит эту землю по ревизским душам, при чём на одну приходится по десятине в каждом поле. Вследствие дурного качества земли, жители мало занимаются её обработкой, так как сколько её не удабривали она никогда хорошаго урожая не даст».

Вполне объяснимо, что сельчане занимались больше садоводством и огородничеством. Урожаи здесь выращивали знатные. Даже выставку садоводства, огородничества и пчеловодства

в июле 1913 года местное сельскохозяйственное общество в Панской Слободе организовало. Другой вид деятельности местных жителей – рыболовство. А ещё, конечно, бурлачество.

В 1913 году в селе, по сведениям Ульяновской-Симбирской энциклопедии, проживало 1850 жителей, было земское училище, две пароходные пристани. Мужчины работали матросами, лоцманами, грузчиками на волжских судах и пристанях.

Весной кормилицы семей собирались вместе и отправлялись пешком в Симбирск, неся в мешках за плечами свой нехитрый скарб, содержащий смену белья да небольшой запас еды. Ехать им предстояло в разные волжские города – туда, откуда получали они по почте приглашения. В марте симбирские транспортники, ожидая наплыва на вокзалах и пристанях бурлаков, шутили: «Грачи прилетели». В рассказе рабочего корреспондента Ивана Агуреева, обнаруженного краеведом Людмилой Дягиловой в фонде П.С. Бейсова, подробно описывается, как проходил длинный путь бурлаков от Панской Слободы и других близлежащих сёл до Симбирска. «Незаметно подошли до Винновки и стали подниматься в гору. Многие заходили в дома, брали молоко. Иван Матвеевич и другие выпили «аппетитных капель», так называли бурлаки водку. Немного попало и Всеручу (фамилия главного героя рассказа. – Ред.). Сам Всеручу ничего не заказывал, у него денег хватало только на билет на пароход. Шла мимо молодуха, завала в дом: «Вы как грачи – весной улетаете бедные, а осенью прилетаете богатые».

Когда замерзала Волга, бурлаки возвращались домой, заработав денег для своих многодетных семей на долгие зимние месяцы.

Девочки сидели по домам

Панская Слобода была селом далеко не самым отсталым. И даже как-то сумела отличиться: женская школа по документам здесь появилась раньше мужской! Однако приехавший в Панскую Слободу в начале 1871 года с инспекцией И.Н. Ульянов обнаружил, что всё это существует только на бумаге. В действительности оказалось, что девочки сидели по домам, а мальчики ходили учиться в школу соседнего села Криуши. С помощью Ильи Николаевича Ульянова 15 октября 1871 года, по сведениям майнского краеведа В.К. Воробьёва, в общественном доме села

открылось мужское училище, в котором священник Вознесенский обучал 19 мальчиков.

Новое кирпичное здание школы для сельских детишек было построено полвека спустя, в 1914 году, и прослужило ровно сто лет. Этот разрушающийся образец гражданской архитектуры конца XIX–начала XX века и сейчас можно увидеть в центре села на ул. Новая Линия, бесхозный и заброшенный, но ещё сохраняющий свои индивидуальные черты. Ведущий консультант Комитета Ульяновской области по культурному наследию Елена Бирюкова рассказывает: «Школа села Панская Слобода 1914 года постройки была включена в список объектов культурного наследия с 1999 года, но в 2015 году её из этого списка исключили. Из местных памятников истории в нём остались только три крестьянских дома в северо-восточной части села и памятники археологии – остатки древнего поселения и селища, относящиеся ко II тыс. до нашей эры и к I тыс. нашей эры».

Кадриль как визитная карточка Панской Слободы

Была у села своя культурная особенность, которая в отличие от крестьянских домов, увы, до наших дней не дожила. Это был танец, который, по мнению старожилов, существовал только в Панской Слободе и вёл свою историю чуть ли не от первых поселенцев. Многофигурную кадриль сначала танцевали на улицах. В первой половине XX века она постепенно перешла в помещение, в клуб, где в советское время бурлила культурная жизнь, не затихавшая даже в годы Великой Отечественной, когда в селе остались лишь молодёжь, женщины да старики. После тяжёлой работы жители села не унывали, пели жизнеутверждающие частушки, пронизанные верой в то, что их родные вернутся с победой и все трудности будут преодолены. Клуб как единственное место проведения досуга был важной составляющей жизни села.

Родившийся в Панской Слободе ульяновский художник Анатолий Иванович Солуянов хорошо запомнил те годы. В детстве он часто ходил в клуб и с удовольствием слушал песни и в исполнении сельчан, смотрел, как танцуют.

«Особенный интерес у меня вызывал «длинный» танец – кадриль. Его исполняли сравнительно редко, ибо в танце участвовало одновременно большое количество исполнителей. В 1953 году

был объявлен Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, поэтому общественной дом народного творчества обратил внимание на искусство наших плясунов. Как отмечали специалисты, панско-слободская кадриль манерой исполнения была совершенно не похожа на танцы, бытующие в нашей области. Ульяновские хореографы под руководством В. Хамитовой занялись её обработкой. Набрали сельчан от 20 до 38 лет. Для кадрили нужно было 8 девушек и 8 мужчин.

Крестьянский дом в с. Панская Слобода внесён в список объектов культурного наследия

Разрушающееся здание школы, построенное в 1914 году, на ул. Новая Линия

Жительницы Панской Слободы Анна Михайловна Суханова, Антонина Ивановна Суханова и маленькая Людмила. На заднем плане видны острова старой Волги. 1952

Вечерние посиделки. Панская Слобода. 1957

Однако восьмого танцора найти не удалось: одну из мужских партий отдали девушке».

Анатолий Иванович вспомнил всех участников того звёздного для села конкурса: председатель местного колхоза «Красный рыбак» Иван Суханов, братья Егор и Семён Цыбины (комбайнёр МТС и колхозник), медработник Зинаида Ильина, учительница Серафима Баранова, рабочие леспромхоза Галина Янина, Вера Калинина, Лидия Нахратова, Лидия Подмарёва, Валентина Декалина, Вера Цыбина, Николай Плаксин, Аркадий Маслоков, Константин Цыбин, зав. сельским клубом Виктор Марунов и работник школы Раиса Костина. Гармонист из Ульяновска Юрий Каткин им аккомпанировал.

Благодаря старожилам Панской Слободы участникам художественной самодеятельности удалось воссоздать очень красивые и давно забытые фигуры кадрили – «плетень» и «гулянье». Последняя фигура исполнялась на мотив плясовой свадебной песни «Никогда я таковая не бывала». Женские костюмы сшили, взяв за образец старинные кофту и юбку, найденные у пожилой сельчанки.

На областном конкурсе среди танцевальных групп сельчане из Панской Слободы заняли первое место и вошли в группу кандидатов на поездку в Москву.

19 марта 1954 года помещение центрального Дома работников искусства СССР, где проходил Всероссийский смотр, было переполнено. К неопишуемой радости ульяновцев жюри

включило панско-слободскую кадрили в программу концерта по Москве и отметило её в числе лучших народных танцев «как образец чистого воплощения народного фольклора». Все были награждены почётными грамотами, а танцевальной группе вручили баян.

«Тогда было кому ходить в клуб и радоваться за танцоров, – вспоминал Анатолий Иванович. – Местные жители работали в совхозе «Красный садовод». Яблоки из Панской Слободы славились по всему региону за свой вкус и богатые урожаи. С затоплением Волги жизнь села резко изменилась. Село пустело. Ликвидировали сельсовет, колхозы, библиотеку; а славный клуб, с которым у сельчан было связано столько радостных моментов в жизни, разобрали».

Мы будем жить теперь по-новому

Наступавшая эра электрификации входила в жизнь постепенно, но от этого не менее неотвратимо и стремительно. Для подготовки водохранилища вырубались тысячи гектаров леса, переселялись целые деревни.

Анатолий Иванович Солуянов рассказывал нам, как за месяц до начала заполнения водохранилища в ноябре 1955 года он ходил по будущему дну рукотворного моря и рассматривал, как рабочие заканчивали земляные работы по поднятию уровня берега для будущего Ульяновского речного порта.

Для очистки островов и побережья Волги от деревьев в зоне затопления

в 1952 году был создан леспромхоз с главной конторой в Кремёнках. В Панской Слободе работало его отделение, разместившееся в доме В.А. Декалина, председателя колхоза «Красный садовод» в 1943–1947 годах. На Застенном острове построили землянки для рабочих. Платили им хорошо. За полтора месяца можно было заработать 5000 рублей и приодеться. Бостонный костюм тогда стоил 1200 рублей. На работу лесорубов доставляли на барже от Мамахина взвоза.

Наверное, мало кто из них думал, что после подготовительных работ им придётся испытать огромный стресс, увидев, как огромная вода постепенно поглощает их кормилицу – старую Волгу.

16 ноября 1955 года было начато затопление котлована. Пожилые люди сердцем принять это не смогли. Всю оставшуюся жизнь им по ночам снилась старая Волга.

Ушли под воду огромные площади заливных лугов – пришлось сокращать поголовье скота. Личные подсобные хозяйства терпели удар. Тогда же прекратил работу колхоз «Красный рыбак». В Панской Слободе до заполнения водохранилища был самый лучший улов стерляди. Два сезона после затопления старой Волги коренные рыбаки ещё пытались заниматься рыболовством, но вскоре стало понятно: хороших уловов больше не будет. Вслед за рыболовством в небытие ушло и луговое пчеловодство.

Строительство ГЭС позволило электрифицировать многие сёла и повысить

энерговооружённость предприятий, но такие сёла, как Панская Слобода, пережили небывалую трагедию.

«Например, в соседних Криушах не было такой тесной связи со старой Волгой, – рассуждал Анатолий Иванович. – Большая часть жителей работала на судоремонтном заводе затона в двух километрах от села на прибрежной полосе Криушинской горы. А позднее завод построили непосредственно в селе, в образовавшемся большом заливе на месте речушки Тушёнка».

Мученики за веру

Была в истории Панской Слободы ещё одна знаменательная страница, которая не позволит пропасть селу в полном забвении. В конце XIX века здесь родилась девочка, которая православной церковью ныне объявлена пресвятой мученицей инокиней Екатериной (Декалиной). Она появилась на свет в ноябре 1875 года в селе Панская Слобода Симбирского уезда Симбирской губернии в крестьянской семье. Среди детей отличалась особой набожностью. Уже в 15 лет Катя приняла твёрдое решение посвятить себя служению Богу. Не сразу, но родители приняли это. Ноябрьским утром 1890 года местный крестьянин Дмитрий Декалин, отец Екатерины, отвёз дочь в симбирский Спасский женский монастырь. Двадцать три года она была в нём воспитанницей и трудницей. В 1913 году указом Симбирской духовной консистории стала насельницей монастыря и трудилась при часовне.

В 1920 году обитель власти закрыли и организовали на её территории концентрационный лагерь. Куда было податься монахиням? Кто-то из них вернулся в родные деревни. Монахини Екатерина Дмитриевна Декалина и Анастасия Степановна Фокина остались в Симбирске: они купили небольшой домик с садом на ул. Степана Разина.

Сосновый лес у Панской Слободы подходит к самому берегу

Какое-то время работали в «Техлесем-культуре», затем их уволили. Тогда они стали зарабатывать себе на жизнь шитьём. И вот неожиданно женщин арестовали. Племянники Е.Д. Декалиной были в недоумении. Долгое время они ничего не знали о судьбе своей тётки. Правда обнаружилась гораздо позже.

В 1937 году в ульяновском НКВД открыли дело о «контрреволюционной церковно-монархической фашистско-повстанческой организации». Руководителями этой несуществующей в действительности организации были указаны обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский), архиепископ Митрофан (Гринев) и григорианский митрополит Иоанникий Соколовский. Целью заговорщиков, по мнению НКВД, было свержение советской власти.

По этому сфальсифицированному делу были осуждены десятки верующих мирян и представителей духовенства. В их числе оказались и бывшие сёстры-монахини Спасского женского монастыря Екатерина и Анастасия. Поздним вечером 18 декабря 1937 года их заточили в городскую тюрьму.

На допросе 62-летняя Екатерина Дмитриевна Декалина подтвердила, что она недовольна существующим порядком. Всё её преступление состояло в том, что она в разговорах с верующими людьми выражала настойчивое желание объединиться всем и потребовать у властей, чтобы опять открыли церкви.

29 декабря 1937 года в Куйбышеве по решению «тройки» при УНКВД по Куйбышевской области Е.Д. Декалина в числе других арестованных верующих была приговорена к расстрелу. Жизнь «заговорщиков» оборвалась поздней ночью 17 февраля 1938 года в подвале здания Ульяновского НКВД.

Поклонные крест и камень в память о преподобной Екатерине Декалиной на въезде в село Панская Слобода

Среди расстрелянных был ещё один уроженец села Панская Слобода Симбирского уезда священник Алексей Иванович Боголюбов (*Книга «Симбирская Голгофа. 1917–1938» / сост. священник В. Дмитриев. Ульяновск, 1996*). Его отец и дед служили в той самой сельской церкви Николая Чудотворца, в которую маленькая Катя Декалина ходила молиться вместе со всеми православными жителями села. Алексей Иванович продолжил дело династии священников Боголюбовых. С 1902 года он был рукоположен во священники Никольской церкви села Панская Слобода. Когда церковь в 1917 году закрыли, перебрался в Симбирск, служил священником в городе. Родился Алексей Боголюбов на три года позже Екатерины, а закончил свой земной путь в один с нею год – 1938-й.

Их место погребения не известно.

По инициативе жителей Панской Слободы, обратившихся за помощью в администрацию города Новоульяновска, 12 сентября 2016 года на въезде в село установлены поклонные крест и камень в память о преподобной Екатерине Декалиной. Большую помощь в этом оказал глава городского округа Г.П. Деникаев. День общецерковной памяти мученицы Екатерины инокини Симбирской установлен в день её кончины – 17 февраля.

Лилия Янушевская

Фото Ярославы Евдокимовой

Фото 1950-х годов из архива А.И. и Т.И. Гришаевых предоставлены Евгением Бурдиным

Предзимние заметки о летних впечатлениях

К 225-летию
С.Т. Аксакова

Усень-Ивановский пруд

Отправившись жарким летом в поездку по аксаковским местам Оренбуржья и Башкирии, наши землячки Нина Васильева и Елена Гиматова и не предполагали, каким интересным и удачным окажется их странствие. Дерзкий вояж за пределы нашего региона обе путешественницы, отличающиеся непреходящим интересом к истории и литературе, совершили на электричках, автобусах и даже автостопом.

Аксаковские места, связанные с жизнью писателя С.Т. Аксакова и его семьи, обласканные и созданные его горячей любовью, – это не только Симбирская губерния, но и Бугуруслан, Ново-Аксаково, Белебей, Надеждино, Усень-Ивановское, Уфа. Особое внимание нам захотелось уделить

башкирскому городу Белебей. Само название этого местечка как-то созвучно слову «Берендей» и навеивает образы сказочно красивых мест.

Белебеевские места не раз описываются в произведениях Аксакова в связи с охотой и рыбной ловлей.

Первые упоминания о Белебее относятся к 1757 году. Основателями города считаются чуваша, которые, спасаясь от насильственной христианизации, бежали в эти края из Чебоксарского уезда Казанской губернии. Уже в 1781 году Белебей – центр горнорудной промышленности с тремя медеплавильными заводами.

В 15 километрах от Белебея находится Аксаковский историко-культурный центр «Село Надеждино». Для людей, любящих творчество Аксакова, он имеет особую притягательную силу. Восстановленный храм во имя Димитрия Солунского и воссозданный усадебный дом писателя – прекрасная возможность прикоснуться к миру семьи Аксаковых.

При входе в усадьбу посетителей «встречает» хозяин – Сергей Тимофеевич Аксаков (автор памятника – скульптор Иван Миско). Патриарх русской литературы, вольготно расположившийся в кресле, внимательно оглядывает свои

владения, радуясь простору и благоденствию семейного гнезда. Прильнувший к ногам писателя охотничий пёс – свидетельство мира и душевного покоя, которые так были дороги Аксакову и его семье.

В произведениях С.Т. Аксакова село Надеждино имеет название Парашино. «С плоской возвышенности дорога пошла под изволок, и вот наконец открылось перед нами лежащее на низменности богатое село Парашино с каменной церковью, с небольшим прудом в овраге». В Надеждино молодые супруги Аксаковы приехали в 1822 году с малолетними детьми Константином, Верой и Григорием. В этой усадьбе прошли их годы детства. В Надеждине родились Иван и Михаил.

В экспозиции музея представлено множество фотографий, родословное древо рода Аксаковых. Уголок гостиной XVIII века, портрет матери писателя – Марии Николаевны, «чудо ума и красоты». Дамский столик со старинной шкатулкой для рукоделия, образцы вышивки напоминают о любимом занятии Ольги Семёновны, жены писателя: «...семья эта, имеющая полное право на название образцовой, была создана больше всего любящим и замечательно выдержанным характером

Ольги Семёновны, её редким тактом, её умом и сердцем...». Ольга Семёновна «вся принадлежала русскому быту. Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа – всё это было её родное»

Один из залов посвящён сыновьям С.Т. Аксакова. Его украшают большой портрет писателя и портреты его сыновей Константина и Ивана. В витринах их статьи, книги, научные работы, свидетельствующие о многолетней работе выдающихся патриотов Отечества.

«Ах, если бы побольше было таких отцов у нас в России, как старик Аксаков, который сумел дать такое честное направление своим сыновьям, тогда бы можно было умереть спокойно, веруя, что новое поколение побольше нашего принесёт пользы России», – говорил В.Г. Белинский.

Иван Аксаков вспоминал: «Будучи старшим в многочисленной семье, Константин, конечно, давал направление всем своим братьям и сёстрам. Прочитав Карамзина, он тотчас же собирал в своей комнате наверху своих сестёр и братьев и заставлял их слушать его Историю. Она воспламеняла в нём патриотическое чувство... Когда ему минуло 8 лет, отец подарил ему в богатом переплёте том стихотворений И.И. Дмитриева. По этой книге, которую Константин скоро знал наизусть, Ольга Семёновна учила читать своих детей».

Один из залов посвящён Григорию Сергеевичу Аксакову и его семье. Служебная деятельность его была связана с Симбирском. С весны 1847 года он исполнял должность прокурора в нашем городе. В одном из писем он делится впечатлениями о симбирском служилом чиновничестве: «Сколько беспорядков, интриг, нарушений законов намеренно и ненамеренно, такое равнодушие к своим обязанностям... Отсутствие стремления ко всему благородному и живому и такие дикие понятия о чести, что приходишь в отчаяние».

8 января 1848 года Григорий Сергеевич женился на Софье Александровне Шишковой. В семье родилось четверо детей. Старшая дочь Ольга появилась на свет в Симбирске 26 декабря 1848 года. Она была любимой внучкой писателя. Ей Россия обязана сохранением огромного аксаковского архива. Недалеко от с. Надеждино Ольга Григорьевна со временем открыла кумысолечебницу для туберкулёзных больных. Ныне это санаторий имени С.Т. Аксакова.

Многие факты из жизни большой семьи Аксаковых были нам, конечно,

известны, но само присутствие в атмосфере начала XIX века, яркий рассказ директора музея Галины Гайнуллиной – всё это пробуждало желание понять глубже природу творчества писателя и подтолкнуло нас к более подробному знакомству с трудами его знаменитых сыновей.

После экскурсии сотрудники музея угостили нас чаем с башкирским мёдом. За чаепитием делились впечатлениями. Было интересно послушать, как проходят Международные аксаковские праздники, познакомиться с работами детей, которые занимаются в Доме ремёсел.

Мы были безмерно благодарны за удивительно душевную встречу, которую нам организовала редактор газеты «Белебеевские известия» Любовь Михайловна Иванова, человек широкой эрудиции и большой знаток своего края.

Белебей нам был интересен ещё и потому, что летом 1911 года здесь побывали Марина Цветаева и Сергей Эфрон. После знакомства в Коктебеле они отправились в Уфимскую губернию, надеясь укрепить здоровье Сергея целебным кумысом, в село Усень-Ивановское, которое находится в 18 км от Белебея.

Знакомство с цветаевскими местами мы начали с Девичьего родника. Здесь издавна собирались на гуляние девушки. Место очень живописное, ухоженное. Вода в роднике кристально чистая, вкусная, по поверью обладающая приворотной силой. Здесь любила бывать Марина Цветаева: читала стихи, наслаждалась красотой и богатством огромного лесного царства: «Деревья, которые люблю больше всего на свете... Пусть меня не любят люди,

но деревья пусть меня любят». Ариадна Эфрон, дочь Марины Ивановны, писала Б. Пастернаку: «Верующие служат панихиды по умершим, а я в память мамы хожу в лес, и там, живая среди живых деревьев, думаю о ней, живой, даже «не думаю», а как-то сердцем, всей собою, близко к ней».

Оказавшись возле Девичьего родника, где проводятся Цветаевские костры, мы ощущали незримое присутствие поэта. Извилистая лесная трасса уходила куда-то вверх, казалось, сразу в предгорья Урала... Невозможно было надышаться запахом трав, хвои.

Здесьние места – территория Усень-Ивановского лесничества. В 1899 году в честь 100-летия со дня рождения Пушкина здесь был заложен сосновый бор, а в 1992 году высажена Цветаевская аллея голубых елей и открыт памятник Марине Цветаевой – первый в России! (Автор – уфимский скульптор Ю.Ф. Солдатов.)

Окружающий ландшафт: небесный покров, любимые Цветаевой сосны, словно пронзающие небеса, голубое здание лесничества – удивительно созвучен облику Цветаевой. С высоты постамента вглядывается Марина в раскинувшееся перед ней село, словно пытаясь отыскать домик, в котором она и Сергей Эфрон начинали совместную жизнь в счастливое лето 1911 года.

Здесь есть улица Марины Цветаевой. Мы шли по дороге, любуясь заводей реки, на берегу которой в ожидании клёва застыли в безмолвии рыбаки, повторяя путь, по которому ходили столетие назад молодые влюблённые – Марина и Сергей. С изумлением разглядывали своеобразный памятный знак, указывающий, что здесь стоял дом, в котором жила Марина Цветаева.

Таким видела Барский пруд Марина Цветаева со двора дома в Усень-Ивановском

Л.М. Иванова – редактор газеты «Белебеевские известия»

«Хозяйки» Музея семьи Аксаковых и гости из Ульяновска

23 июля 1911 года Сергей сообщал «милой сестре Лиле»: «Громадное село, в котором мы живём (5 тыс. жит.) не очень приветливое и грязное, но зато виды вокруг роскошные. Наш домик стоит на берегу озера, с прекрасными мшистыми берегами».

В этом же письме Цветаева писала: «Серёженька здоров, пьёт две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока ещё не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берёз и сосен, небольшое озеро, мельница, речка... Когда начинается тоска по Коктебелю, роемся в узле с камушками...»

Узел с камушками, собранными в Коктебеле, возможно, пополнялся и в Усень-Ивановском. Одна из нас, химик, сразу обратила внимание на блеск и сверкание «камушков», густо устилавших дорогу. Это были остатки отработанной медной руды – шлак. Естественно, мы стали выискивать наиболее интересные экземпляры, и у каждой из нас получился свой узелок с разноцветными сувенирами на память.

Такие же камушки в детстве собирал С.Т. Аксаков

Надо заметить, что когда-то и Серёжа Аксаков был неравнодушен к камешкам: «Я не имел о них понятия и пришёл в восхищение, когда отец отыскал мне несколько прекрасных, гладких, блестящих разными цветами камешков, из которых некоторые имели очень красивую, затейливую фигуру. Я успел набрать целую кучу чудесных, по моему мнению, камешков. В нашей карете

было много дорожных ящиков, один из них мать опростала и отдала в моё распоряжение, и я с большим старанием уложил в него свои сокровища».

...Вскоре мы увидели спешащую к нам Татьяну Егоровну Пыжьянову, руководителя музея Марины Цветаевой. Творчеством Цветаевой пронизана вся её жизнь. Наш экскурсовод не ограничилась рассказом в музее: вместе мы обошли развалины знаменитого медеплавильного завода, печей и плотины – ведь местный пруд, которым так любовались Цветаева и Эфрон, был создан именно для нужд завода.

Т.Е. Пыжьянова

Родоначальниками всей южно-уральской металлургии является клан симбирских купцов Твердышевых. Село Усень-Ивановское основано в 1741 году староверами. В 1761 году известный промышленник Иван Петрович Осокин на речке Усень построил медеплавильный завод. Так родилось название села – Усень-Ивановский завод. Торжественное освящение завода состоялось 7 июля, в день Рождества Иоанна Предтечи.

И.П. Осокин соединял в себе качества удачливого купца и просвещённого дворянина, любителя изящных искусств и поэта. С ним был хорошо знаком наш земляк И.И. Дмитриев, он читал его «пастушеские песни», а Г.Р. Державин был благодарен Осокину

за то, что тот в молодые годы «помогал ему в нуждах и нередко ссужал его деньгами».

День близился к полудню. Пора было возвращаться в Белебей.

В своё время Марина Цветаева и Сергей Эфрон не могли не заглянуть в Белебей. Из письма Марины: «На днях мы с С. были в Белебее. Это крошечный уездный городок совершенно гоголевского типа. Каторжники таскают воду, в будке сидит часовая, а главное – во всём городе нельзя достать лимонаду». Последние слова невольно вызывают улыбку и говорят о радости общения с любимым человеком, лёгкости и беззаботности бытия. Писать и переживать о лимонаде можно тогда, когда всё хорошо, когда всё озарено светом любви и нежности...

Наш день в Белебее завершился прогулкой в городской парк. Сказать просто – парк – ничего не сказать. Это обширная зона отдыха на берегу большого озера, с множеством аттракционов, кафе и пляжем. Место удивительно уютное, тихое и весёлое одновременно.

Походом в парк закончились наши странствия и встречи. В гостинице мы упали, сражённые небывалой усталостью. Но сколько замечательных людей довелось нам встретить в поездке! Они-то и есть драгоценные белебеевские «самоцветы»! Сколько доброты, внимания, бескорыстия пролилось на нас! Вспомнилось, что ещё Н.М. Карамзин, путешествуя, отмечал: «Гостеприимство, священная добродетель, обыкновенная в дни юности рода человеческого и столь редкая в дни наши!» Но мы должны сказать, что не исчезло в людях это светлое качество – гостеприимство. Вот потому и влекут нас новые пути-дороги.

**Нина Васильева,
Елена Гиматова**

Фото авторов

На открытии фестиваля
«Красного туризма».
Чанша. Ноябрь 2016 года

Соглашение
о сотрудничестве
между музеем Лю Шаоци
(КНР) и Ленинским
мемориалом (РФ)

们建设和谐大家园

Нам солнце светит, Мы
гармоничный родной дом
光昭耀我们建设和谐

Ульяновск – звено «Красного маршрута»

В начале XXI века в Китае родилась идея «Красного туризма», удовлетворяющая интерес огромного количества жителей Поднебесной к революционному прошлому наших стран. В 2013 году Ульяновская область подхватила эту идею.

В 2015 году губернатор провинции Хунань Ду Цзяхао и губернатор Ульяновской области С.И. Морозов заключили соглашение о сотрудничестве в сфере развития «Красного маршрута» между нашими регионами. В том же году международный проект «Волга и Янцзы – великие реки дружбы» материализовался в передвижную выставку с одноимённым названием, которая, начав свой путь в Ульяновске, за год побывала в нескольких городах Поволжья, а теперь перебралась в Китай. На её открытие в середине ноября 2016 года прибыла делегация из Ленинского мемориала, представившая наш регион в рамках фестиваля «Красного туризма» в городе Чанша – столице провинции Хунань, родины Мао Цзэдуна и Лю Шаоци.

В Чанша когда-то учился крупный государственный деятель КНР

Лю Шаоци. Имя Лю Шаоци, «человек редкостной, необычной судьбы», полностью задало сценарий его жизни. Учился Лю в педучилище Чанша недолго. Вскоре он увлёкся идеями Маркса, а в 1921 году уехал учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина. В Москве он вступил в компартию Китая, а затем вернулся на родину. Лю Шаоци был не только председателем КНР в 1959–1968 годах, сменившим на этом посту великого Мао, но и первым председателем общества китайско-советской дружбы.

14 ноября 2016 года Ленинский мемориал и музей Лю Шаоци заключили уже второе соглашение о сотрудничестве. Заместитель директора Ленинского мемориала Татьяна Данилина, представившая в Китае ульяновский музей как один из культурных центров «Красного туризма» в России, рассказывает: «Из Российской Федерации на фестиваль приехали представители туриндустрии, ведомств и министерств. Их приветствовали заместитель мэра города Чанша, директор управления по туризму и представители 18 городов провинции Хунань, входящих в Ассоциацию городов инновационного развития «Красного туризма». Нас и внука Лю Шаоци Алексея Федотова с семьёй гостеприимные хозяева встречали как самых почётных гостей. Важно, что в Чанша удалось обговорить дальнейшее сотрудничество с китайскими

товарищами. Пик нашего активного взаимодействия придётся на октябрь–ноябрь 2017 года – на 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Впереди всех ждёт большая работа: конференции, совместные публикации, ответный визит в Ульяновск делегации музея Лю Шаоци летом 2017 года, выставка в Китае в 2018 году, посвящённая В.И. Ленину и Ленинскому мемориалу».

И.о. директора Ленинского мемориала Лидия Ларина рассказала некоторые подробности жизни Лю Шаоци. Оказалось, что один из его сыновей был вывезен в Россию. Это было связано с преследованием семьи Лю Шаоци, попавшим в опалу в годы «культурной революции». Его внук Алексей Федотов (Лю Вэнин) собирается приехать в Ульяновск в 2017 году.

«Отрадно, что во время визита в Китай мы перешли от рамочных соглашений к непосредственным действиям. Мы – представители родины Ленина – будем сотрудничать с мемориалом Мао Цзэдуна провинции Хунань. УГАСО «Губернаторский» получил приглашение на гастрольный тур в КНР. 4 января 2017 года наш коллектив выступит с концертом для политической элиты в одном из лучших гуманитарных университетов Пекина», – рассказала Лидия Ларина.

Вероника Михайлова

Озёра Ульяновской области

Чомга

Фото Михаила Корепова

В 2016 году дан старт многолетнему партнёрскому проекту Ульяновского областного отделения Русского географического общества «Озёра Ульяновской области». Среди организаторов – Ульяновский педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновский государственный университет, областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова и Научно-исследовательский центр «Поволжье».

Задача проекта – комплексное экологическое изучение наиболее крупных, древних и ценных озёр нашего региона. Это логичное продолжение программы «Реки Ульяновской области», которая силами молодых исследователей Ульяновской области продолжалась четыре года (2012–2015) и завершена выходом одноимённой монографии. В отличие от рек, озёра гораздо лучше изучены, так как более доступны для исследователей. И всё же комплексное всестороннее изучение озёр нашего региона никогда ранее не проводилось, а те описания, которые имеются в наличии, носят односторонний характер и с каждым годом устаревают.

В весенне-летний (май, июнь, август) сезон 2016 года состоялось четыре экспедиции, в ходе которых обследовано восемь озёр в Барышском, Николаевском, Кузоватовском, Майнском районах. В первый год проекта внимание было уделено преимущественно памятникам природы областного значения: озёра Кряж, Светлое, Поганое, Зотово, Чекалинское и Белое. Эти водоёмы

считаются реликтовыми для нашего региона и характеризуются наличием осоково-сфагновой сплавины – одного из ключевых элементов таёжного ландшафта. Возраст таких сплавин может достигать двух тысяч лет, а толщина – до 120 сантиметров, благодаря чему по ним свободно передвигаются пешком как люди, так и крупные млекопитающие (лоси, косули и кабаны). На сфагновом ковре растут сосны и берёзы.

Кроме того, проведено обследование самого крупного озера в Ульяновской области – Белолёбяжьего, имеющего карстовое происхождение, и, для сравнения, озера Станового, где в прошлом столетии велись торфоразработки.

В полевых работах приняло участие более 26 человек, среди них доктор и кандидаты биологических наук, аспиранты и студенты профильных биологических специальностей. Проведены исследования по основным направлениям флористики и фаунистики, по ландшафтоведению, гидрологии и антропогенному воздействию на водоёмы. Особое внимание уделено состоянию редких видов водных и околоводных растений и животных, занесённых в Красную книгу Ульяновской области.

Фото Михаила Корепова

Обыкновенный
тритон

Поиски и находки

Хатка речного бобра на озере Кряж
Участники экспедиции на озере Кряж
Озеро Кряж

Фото Михаила Корепова

Основные результаты научных исследований ещё обрабатываются, но уже сейчас можно говорить о некоторых открытиях. На осоково-сфагновых сплавинах реликтовых озёр обнаружен целый ряд растений, находящихся в нашей лесостепной зоне на южной границе своего распространения (сфагновые мхи, росянки круглолистная и английская, клюква болотная, ива лапландская и др.). В окрестных лесах Белого озера отмечена новая для области точка обитания «краснокишечного» съедобного гриба – ежовика коралловидного. На озере Кряж энтомологами обнаружены два новых для области вида ночных бабочек. На Становом озере впервые для региона подтверждено обитание в естественной среде медицинской пиявки. Впервые в XXI веке орнитологами установлено гнездование редкой у нас утки – обыкновенного гоголя: выводок с 4 птенчиками встречен на Светлом озере. До этого единственное гнездо гоголей в Ульяновской области было обнаружено в 1977 году. А вот рыб в реликтовых озёрах оказалось мало, в большинстве из них преобладает по численности один вид – золотой карась. Эта рыба

не требовательна к содержанию кислорода в воде, поэтому отлично уживается даже в мелких заиленных водоёмах.

Фото Натальи Курочкиной

Ежовик коралловидный

Гидрологические исследования показали, что вода в большинстве озёр является «умеренно загрязнённой» и только на Белом озере (Николаевский район), несмотря на самую высокую рекреационную нагрузку, характеризуется как «условно чистая». А вот различные результаты обобщённых показателей и минерального состава воды находятся в пределах нормы СанПиН.

Проект по исследованию озёр Ульяновской области только стартовал, но

интересные результаты уже получены. В следующем году изучение будет продолжено: планируется расширение географии исследований, в том числе за счёт охвата заволжских озёр.

Михаил Корепов,
руководитель проекта
«Озёра Ульяновской области»,
доцент кафедры зоологии УлГПУ
им. И.Н. Ульянова

Станислав Стрюков,
научный сотрудник отдела природы
Ульяновского краеведческого музея

Фото Дарьи Кореповой

Экспресс-анализ состава воды

Пассажир четвёртого класса,

или Несколько эпизодов
из жизни
поэта Благова

Николай Благов в экспедиции

Литератор-документалист Геннадий Дёмочкин заканчивает работу над очередной, 35-й, книгой издательского проекта «Антология жизни». На этот раз его герой – большой русский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, наш земляк Николай Николаевич Благов (1931–1992). Геннадий Александрович любезно согласился предоставить журналу «Мономах» фрагмент будущей книги. Это рассказ близкого друга Благова, замечательного человека Виктора Степановича Шустова.

Биолог В.С. Шустов за работой

Виктор Степанович Шустов родился в 1926 году, офицер Северного флота, лётчик-истребитель, кандидат биологических наук, доцент Ульяновского пединститута, путешественник, художник, фотограф, музыкант, садовод и огородник. Недавно отметил своё 90-летие. Живёт с семьёй сына Михаила в Москве.

– В начале 60-х, когда мы подружались с Благовым, я работал над кандидатской диссертацией и мне нужно было обследовать леса, выяснить, как живёт в России ясень. Это, как известно, второе по крепости дерево после груши. Дуб уже на третьем месте. В Древнем Риме ясень получил название «великолепный». И поскольку он очень прочный, из него делали оружие: луки, копья, боевые дубинки. У нас в России это дерево тоже издавна занимает особое место. Потому что из ясени и дуба делали корабли.

Я выходил в лес со студентами, а некоторых брал и в дальние походы. Среди них был Володя Пырков, уже тогда известный поэт. Он-то Благову и рассказал: «Знаешь, Коля, там я за один день увидел столько, сколько не видел за всю жизнь...» Николай заинтересовался: «Я тоже хочу пойти». Володя ему говорит: «Ты с Виктором Степанычем сначала познакомься, а он тебе скажет, что нужно с собой брать». И Благов ко мне приехал. (Это была не первая наша встреча, шапочно мы были знакомы: он работал на радио, а у меня там работала жена Светлана.)

Я сказал Николаю: «Ну что ж, если хочешь – пойдём. Что брать с собой? Бери рюкзак, мешок, бери матрац, какой-нибудь головной убор, ну и продукты. Мы, конечно, будем там ловить рыбу, может, когда удастся подстрелить утку...»

Так у нас образовалась группа: Благов, Пырков, Алексей Астафьев (тоже очень интересный человек), Пётр Мельников (тогда он работал плотником, но тоже уже начинал писать – и стихи, и прозу) и я как руководитель. Стали мы ходить в разные места каждый год.

И вот наш первый поход на Суру: Благов, Пырков и я. Прихожу на вокзал, вижу, сидит Володя. Спрашиваю: «А где Николай Николаевич?» – «Да он тут где-то ходит». Смотрю, идёт к нам человек, нагруженный, как верблюд. «Мешок» он воспринял буквально, взял мешок, в каком возьмёт картошку. Матрац он снял дома с кровати и засунул его в мешок...

Я никак не стал это комментировать, чтобы не обидеть уважаемого человека, и только спросил: «Ну а головной убор? Солнце ведь...». Он: «Подождите меня, я сейчас». Сбегал в магазин и купил себе соломенную шляпу.

Стали садиться в автобус. Мы с Володей довольно легко протиснулись, а дальше Благов со своим багажом... Женщины на нас смотрят и вслух рассуждают: «Да, странно... Сразу видно – из заключения. Вон с какими мешками. А справный...» (Смеётся.)

Коля сразу перехватывает разговор и говорит: «Бабоньки, чего вы понимаете... У нас тут есть учёный... (Показывает на меня.) И у него помощник. (На Володю.) – «А чего же этот учёный делает?» – «Да он изучает растения и решает – у вас надо хлеб отнять, а вы будете кормиться из лесу: там и грибы, и ягоды, и трава всякая...» (Смеётся.) Женщины, конечно, напряглись, а Коля продолжает: «Я-то только что к ним примкнул. А этот помощник, он уже целый месяц с этим учёным ходит, питается только в лесу...» (На Пыркова показывает, а Володя худющий тогда был.)

Бабы как поднялись! «Да мы сейчас этого учёного вместе с помощником прямо в лесу и закопаем!...» (Смеётся.)

...Высадились, идём, подходим к Суре. Поймали мы там слово «урёма». Через Суру в этом месте был мост, но в половодье его снесло льдинами.

И там устроили паром: плот, канат через реку и мужик, которого Володя Пырков в одном из стихотворений называл потом «императором Суры».

Мы к нему подошли, просим: «Перевези нас на тот берег». Он спрашивает: «В урёмы?». Мы растерялись, слова этого мы не знали. А паромщик говорит: «Вот из урём придут доярки, я за ними поеду и вас туда заберу». Так и получилось. А урёмы – это, как оказалось, густые заросли, близкие к воде. Поэтому там всегда много черёмухи.

Поставили мы возле этих урём палатку, переночевали. Николай на своём матраце всё время мёрз, укрыться было нечем. Утром Благов говорит: «А если мы вот так пойдём?». И показывает направление. Я говорю: «Тогда попадём в Мордовию». Он говорит: «Это интересно, давайте пойдём».

Пришли в мордовское село и увидели там настоящих крестьян. Избушки-мазанки, крытые соломой, беднота. И девчонки идут с поля. Николай бросился с ними разговаривать и был в восторге...

Так мы ходили в походы не один сезон. На другой год я говорю: «Мне бы надо обследовать Верхнюю Волгу». Коля спрашивает: «А как ты её будешь смотреть?». – «Да также, пешком. Вот мы на Суру ходили, а теперь давайте пойдём в Кострому!». Коля ухватился

за эту мысль, а все остальные из моей группы отказались: «Пешком до Костромы?! Да вы тронулись!!!»

А мы не тронулись, мы пошли в этот большой поход вдвоём. Ко второму походу Николай уже знал, что такое надувной матрац, что такое спальный мешок. И вообще мы были экипированы как настоящие туристы.

Вышли на берег Волги, разбили палатку. Как всегда, Благов натаскал дров, зажгли костёр до неба (он любил большие костры), сидим. Николай говорит: «Послушай, я тебе прочитаю». И начинает мне читать стихи разных поэтов. Сколько он их помнил! Я говорю: «Коль, я ведь ботаник, не литератор». – «Ну понимать-то ты понимаешь?» – «Понимать-то понимаю...» То из Лермонтова, то из Пушкина, то из бог знает кого. А потом своё что-то прочитает...

Утром ухожу обследовать лес, беру с собой термос да кусок хлеба. Коля говорит: «А я тут побуду». К вечеру возвращаюсь к палатке, спрашиваю: «Ну как, написал что-нибудь новое?» – «Да с тобой тут напишешь... Без конца про свои леса рассказываешь...»

Дошли мы до Васильсурска, надо было пополнить запасы провизии. А с продуктами тогда было плохо. Коля говорит: «Пошли в райком партии!». Находим там управляющего делами, показываем мою бумагу, подписанную

ректором пединститута: «Просим оказывать всяческое содействие нашему сотруднику при обследовании лесов...»

Управляющий пишет записку, и мы идём к Волге, к дебаркадеру, в маленький магазинчик. Там в подвале мы всё что надо было закупили.

Пошли по лесу дальше, в посёлки не заходим. Дошли почти до Чебоксар, видим элеватор, ходят машины. Спрашиваем: «До города нас подбросите?» – «Подбросим, если поможет». Взяли лопаты, разгрузили зерно, сели в кузов, поехали. Был вечер, а тут стало совсем темно. Приближаемся к Волге, я говорю Коле: «Давай, стучи, нам этот лес надо посмотреть». Стучим, шофёр останавливается: «Чего вы?» – «Нам надо сходить». – «Ночью, в лесу? Да вы кто такие? С ружьём, с мешками, среди ночи в лесу выходите. Я приеду в Чебоксары, скажу милиции, что я вас здесь высадил...»

Прошли немного по лесу, дошли до озера, решили здесь заночевать. Разбили палатку, развели костёр, вскипятили чайник. Утром проснулись и видим: вода в озере красная. Оказывается, в нём мочат липу, чтоб потом делать мочало, мешки и прочее. Если помнишь, в Колином стихотворении это потом появится:

*Мочалом связанная хватким
Стоит избушка из корья!*

Идём дальше, доходим до дома лесника. В окнах света нет. Разбили рядом палатку, набрали из колодца воды, развели костёр, сидим, разговариваем. Собираемся уже спать, и Коля рассказывает очередной анекдот про Василия Иваныча. Посмеялись. И вдруг из полной темноты, из леса, выходит человек, протягивает нам руку и говорит: «Василий Иваныч». (*Смеётся.*) Мы давай хохотать, а он понять не может: «Чего вы хохочете?». Это был лесник...

И вот мы вошли в Кайбицкие корабельные дубравы. Их в своё время облюбывал Пётр I. За незаконный сруб дерева он приказывал человеку распустить живот и кишками примотать к стволу. Такая казнь. Сердитый был царь.

Когда мы вошли в этот лес, Коля ахнул. Потом, в стихотворении «Песнь великих лесов», которое мне очень нравится, он опишет это своё потрясение:

*И чьи-то,
Как ни повернитесь,
Сверлят затылок вам глаза.
Ну, братцы, что ни говорите,
Живут великие леса!*

Лесной экзерсис

У дерева,
в которое ударила
молния

Дубы высотой тридцать с лишним метров. Если трое возьмутся за руки – они не обхватят ствол. У Коли и это в стихотворении есть...

Пришли мы в костромские леса, встретились с тамошним лесничим, собрались с Николаем пойти посмотреть посадки ясеня. Но лесничий говорит: «Отпустить вас одних не могу». – «Почему?» – «Да потому что именно в наших, костромских лесах, Сусанин завёл поляков». (Смеётся.)

Леса, действительно, мощные, глубокие, там и медведи, и волки едят. И что интересно: просеки в лесу сделаны таким образом, что из любой церкви видно другую церковь – в следующем селе. К той подойдёшь, увидишь другую. Вот по этим сусанинским лесам мы с Колей и шастали. Но ясеня, какого я искал, не обнаружили.

Однажды разбили палатку возле небольшой речки. Коля опять со мной в лес не пошёл: «Хочу, чтобы вокруг моей головы, вокруг палатки текла река и бурлила». Я ушёл, он решил искупаться. А чтобы просохнуть, одеваться не стал (лес-то глухой) и как был, голышом, решил пройтись по просеке. А там девчонки грибы собирали.

(Смеётся.) Вот он схватился и обратно к палатке. А когда я вернулся – на меня с упрёками: «Ты чего не сказал, что тут грибники ходят?!» – «Да я откуда знал?!» (Смеётся.)

Обратно мы не пошли пешком, а поплыли на парохоме. Опять у нас палатка, рюкзаки, кирзовые сапожищи. Купили билеты в четвёртый класс, в самом трюме. Но внизу сидеть скучно, вышли на палубу, заглянули в каюткомпанию, а там шахматы. «Давай сыграем?» – «Давай». Только сели, заходит уборщица: «А ну-ка, выметайтесь отсюда!» – «Да ты что?! Дай нам посидеть, мы, чай, учёные!» – «Видно по сапогам, какие вы учёные!». И зовёт кого-то из команды. Тот приходит и так строго: «Граждане, в чём дело? Вы, вообще, кто такие?». И вот у нас с Колей руки одновременно потянулись к нагрудным карманам: у меня – за бумагой от ректора, у него – за удостоверением члена Союза писателей. Руки потянулись и одновременно замерли. Глянули мы друг на друга и говорим речнику: «Да мы, собственно, из четвёртого класса... Всё, уходим...».

Фото Виктора Шустова
и Николая Благова

Николай Благов

Песнь великих лесов

Прогоном выжженным,
Вдоль края
Ржаной жары,
Не чужа ног,
Бежит дорога,
Зарываясь
В леса,
Как жеребёнок в стог.
И сразу слышен затаённый
Земли исподний разговор.
Тропинкой, из корней сплетённой,
Пугливо прошнурован бор.
И чьи-то,
Как ни повернитесь,
Сверлят затылок вам глаза.
Ну, братцы, что ни говорите,
Живут великие леса!
Вдали от вырубков тотальных
Царит глухих вершин набат.
Здесь на торцах
 столбов квартальных
Веков замшелый циферблат.
Здесь и цветок
(На что уж скромнень:
Накрыл ладошкой –
И погас)

Вдруг ясно скажет:
Мир огромен!
Конечно
Он огромней нас.
Четыре лепестка,
Согретых
Дыханьем,
А на лепестках
Лежат четыре части света
С одной котомкой в головах.
И к небу вам глаза поднимет
Дуб.
И ещё поодаль дуб.
Берёзы кажутся под ними
Дымком из деревенских труб.
Бывало, мужики крестились,
Валили дуб,
А на пенёк
Обедать шестеро садились,
В серёдку ставя котелок.
И долго рухнувшая тяга
Рвалась,
Аукала в леса;
Была от облетевших ягод
Земля в малиннике красна,
Леса,
Где это эхо рыщет,
Ещё сам Пётр облюбовал:
Живицей склеенной ручицей
Он к топорищу прикипал.

Каким румянцем залихватским
Горели щёки топора!
И флот
Под ветер азиатский
Сходил со стапелей Петра!
Доньне памятно народу,
Как он моря разворотил:
Судами поднятую воду
Скупой Босфор не проглотил.
Но исполины,
Прежним впору,
В лесу остались на развод.
Иначе, потеряв опору,
Давно бы рухнул небосвод...
Ни сараюшки здесь,
Ни хатки,
И лишь,
Как будто в чём коря,
Мочалом связанная хватким,
Стоит избушка из корья!
Да уж не в этой ли сторожке
Невеста царская жила?
Разношенные босоножки
На ветке –
Босиком ушла...

Падёт ли на душу тревога,
В своей ли правде усомнюсь,
Приду я в этот лес –
И богу,
Неверующий, помолюсь.

СВЯТЫНЯ РОДИНЫ Аркадия Пластова

Пожар Богоявленской церкви
в с. Прислониха.
5 мая 2016 года

Фото Николая Пластова

5 мая 2016 года в Прислонихе, на родине великого русского художника Аркадия Александровича Пластова, произошло событие, потрясшее многих людей. Предположительно в результате поджога местного жителя сгорела церковь Богоявления Господня, непосредственно связанная с родом Пластовых, являющаяся объектом культурного наследия регионального значения.

Богоявленский храм был построен и расписан в 1878–1880 годах архитектором и иконописцем Григорием Гавриловичем Пластовым – дедом Аркадия Александровича. Дед и отец художника в разное время исполняли должность псаломщика в церкви Прислонихи, просфорнями были его мама Ольга Ивановна и сестра Надежда. В 1893 году 22 января по старому стилю в Богоявленской церкви был крещён сам будущий великий русский живописец. Весной 1908 года, наблюдая за работой в храме артели иконописцев, подновлявших росписи, пятнадцатилетний Аркадий Пластов дал себе клятву: «Быть только живописцем и никем более!»

Интересно отметить, что в молодости А.А. Пластов на Пасху становился звонарём. Анна Петровна Шарымова вспоминала: «Звонарь он был отменный – от его колокольной музыки душа воспаряла. Привозил из города бенгальские огни. Опояшет ими купола, а когда начинается крестный ход – зажжёт.

И, кажется, будто храм от земли оторвался и парит...» (Симбирские губернские ведомости. 22 апреля 1995 года.)

При советской власти весной 1936 года храм был закрыт, священник Григорий Порфирьевич Травин арестован. В 1954 году в преддверии масштабных хрущёвских гонений на религию были разрушены восьмёрки с куполами. А.А. Пластов, уже известный художник и академик, пытался отстоять храм перед властями, но это не помогло.

Когда после смерти А.А. Пластова в 1972 году в Прислонихе стал создаваться мемориальный музей, согласно решению Совета Министров СССР «Об увековечении памяти народного художника СССР А.А. Пластова» от 12 января 1973 года, сын художника – Николай Аркадьевич поставил вопрос о восстановлении храма, находившегося к тому времени в полуразрушенном состоянии. Долгое время вопрос восстановления церкви был камнем преткновения. Лишь когда область возглавил Г.В. Колбин, предложение о восстановлении здания церкви в Прислонихе было поддержано.

В 1989 году под руководством главного инженера проектов Средне-волжского филиала института «Спец-проектреставрация» Ю.В. Козлова (впоследствии один из авторов книги «Жизнь и судьба Аркадия Пластова») была подготовлена проектная документация для реставрации церкви. Неоценимую помощь в разработке проекта оказал Н.А. Пластов. К счастью, внешний облик храма был запечатлён на многих работах А.А. Пластова и фотографиях Н.А. Пластова.

Следует отметить, что в советский период здание церкви реставрировалось под выставочный зал музея «Усадьба народного художника СССР А.А. Пластова» в Прислонихе. Иных официальных поводов для начала восстановления храма на деньги государства было невозможно представить в тех общественно-политических условиях. Однако с такой идеей использовать здание церкви были не согласны жители Прислонихи. Они написали в конце 1989 года письмо в Ульяновский облисполком: «В селе Прислониха в связи с созданием музея художника А.А. Пластова реставрируется церковь, в которой предполагается выставить картины художника. Вместе с тем в церкви предполагается восстановить всё культовое имущество. Такое соединение церкви с художественным музеем противостоит естественному, и оно вызывает недовольство граждан с. Прислонихи. К тому же мы хорошо знаем, что А.А. Пластов был убеждённым верующим крестьянином и никогда бы не одобрил создание такого музея. В связи с этим просим вашего вмешательства в изменение плана реставрации церкви, сделать её действующим православным храмом». Письмо подписали 90 жителей Прислонихи.

После распада СССР финансирование реставрационных работ по церкви осложнилось. С 1993 года помогать восстанавливать храм взялся Николай Аркадьевич Пластов с семьёй. Вместе с церковной общиной, собранной Любовью Васильевной Гусёнковой, вычистили церковь от хранившихся там остатков старой пшеницы и яда ДДТ (складировался в порванных уже мешках в алтаре!). Деньги на восстановление церкви жертвовали многие жители сёл Карсунского, Майнского районов. Помогали деньгами, стройматериалами местные предприниматели, директор Языковской фабрики им. Калинина Ю.Н. Морозов. Помощь поступала по линии областной администрации Ю.Ф. Горячева, в частности

от зам. главы администрации области по экономике В.Т. Чае. В 1994 году Николай Аркадьевич совместно с епархиальным секретарём священником Владимиром Константиновичем Дмитриевым (художником по профессии) и художником из Сурского Александром Степановичем Гордеевым создали иконостас храма. Эскиз иконостаса был выполнен Н.А. Пластовым в традициях русской иконописи XV–XVI веков.

Первая служба прошла в 1995 году на Рождество Христово (по другим источникам – на Крещение). Священником в храме был определён отец Владимир Дмитриев, который там служит до сих пор. Возрождённый храм был увенчан спасёнными во время разрушения куполов крестами. Один из крестов хранился с середины 1950-х годов в доме няньки семьи Пластовых – Екатерины Васильевны Шарымовой (на время восстановления храма сейчас там проходят богослужения), другой был установлен на Лысой горе и был местом молитв и поклонений. Возвращено было деревянное распятие, спасённое председателем сельсовета Николаем Петровичем Лобановым и хранившееся в доме монахини Параскевы Гусевой. Некоторые старинные иконы были переданы в храм, в том числе «Вход Господень в Иерусалим» (1880-е) Григория Гавриловича Пластова. Всё это утрачено в пожаре 5 мая 2016 года. Произошла настоящая культурно-историческая трагедия. Храм полностью сгорел.

Храм загорелся во втором часу ночи 5 мая на пасхальной неделе. В тушении пожара участвовали пожарные из Карсунского района (Языково, Урено-Карлинское, Карсун), Майнского района (Тагай), тем не менее спасти храм не удалось. Настоящий подвиг совершили двое мужчин: Радик Зарифулович Ахмедшин (1977 г.р.) и Дмитрий Николаевич Лобанов (1981 г.р.), которые успели вынести икону Божией Матери из горящего храма и снять несколько колоколов.

Уже утром 5 мая в Прислонихе побывал митрополит Симбирский и Новоспаский Анастасий, а 11 мая – глава Ульяновской области Сергей Иванович Морозов. Церковь решено воссоздать в первоначальном виде. За восстановление храма в тех же архитектурных формах выступили С.И. Морозов, Н.Н. Пластов, замминистра искусства и культурной политики – директор департамента по культурному наследию области Ш.М. Хаутиев, председатель Союза краеведов области Ю.В. Козлов, заведующий музеем в Прислонихе

И.Л. Романов и многие другие представители общественности. 12 мая было распространено обращение, подписанное С.И. Морозовым и митрополитом Анастасием с просьбой помочь в восстановлении храма. Помощь стала поступать от Симбирской епархии, С.И. Морозова, членов Совета Федерации, членов областного правительства, депутатов, представителей бизнеса, организаций и учреждений, от многих граждан нашей области и других регионов. По решению директора областного художественного музея С.Б. Жданова ящики для пожертвований были установлены в Музее А.А. Пластова в Ульяновске и в музее «Усадьба народного художника СССР А.А. Пластова» в Прислонихе. Хочется поблагодарить всех, кто внёс свой вклад в восстановление церкви.

19 июня 2016 года в праздник Святой Троицы состоялась церемония закладки фундамента Богоявленского храма, а в 20-х числах июля начался монтаж сруба храма. Предполагается, что церковь будет восстановлена к 125-й годовщине со дня рождения А.А. Пластова в 2018 году.

Антон Долматов

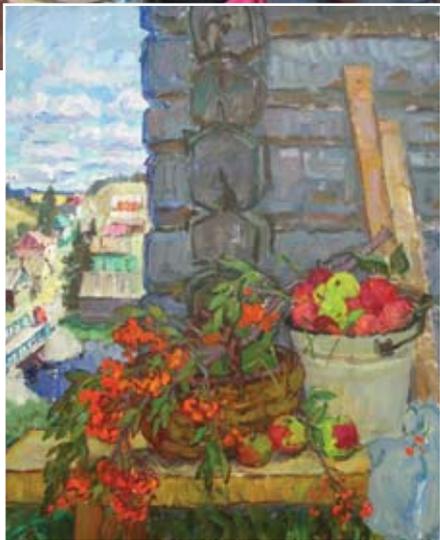
Фото Игоря Романова

Богоявленская церковь в с. Прислониха восстанавливается всем миром.
2 ноября 2016 года

Ульяновский фонд поддержки регионального сотрудничества и развития: 432071, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 54

*ИНН 7325038994 КПП 732501001
р/счёт 40703810211310016690
в Филиале № 6318 ВТБ 24 (ПАО)
г. Самара
БИК 043602955
к/счёт 30101810700000000955*

Назначение платежа: Пожертвование на восстановление храма Богоявления Господня с. Прислониха

«Осень в Прислонихе», автор – заслуженный работник культуры РФ, почётный член РАХ Елена Павловская

Учащиеся ДШИ № 2 г. Ульяновска на массовом пленэре «Ульяновск – родина талантов»

Шестая «Пластовская»

Каждый год подряд осень в Ульяновской области – «Пластовская». В честь великого таланта Аркадия Александровича Пластова так названа Международная ассамблея художников, которая проходит на нашей земле.

Э то время года для пленэра выбрано не случайно. В Прислонихе осень особенно хороша: с берёз свисают круглыми золотистыми серёжками листья, терпкий запах трав одурманивает, бесконечные желтоватые холмы и поля манят к себе. И Пластов в своём дневнике писал так: «Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное особое состояние творческого возбуждения». То же самое здесь испытывают художники, которые приезжают сюда на пленэр.

В этом году он стартовал рано, буквально на стыке лета и осени. Может, поэтому в итоговых картинах

участников пленэра ещё много зелени. И всё же погода внесла свои коррективы: почти каждый день пленэра шли по-настоящему осенние дожди.

В этот раз в Прислониху съехались художники из Москвы, Иванова, Новгорода, Тольятти, Самары, Казани. Разные манеры исполнения, разные школы. Руководителем пленэра Союз художников России назначил ульяновец Ирека Нуртдинова.

Особый интерес вызывал столичный гость Антон Стекольников – заслуженный художник РФ, член-корреспондент Российской академии художеств. Продолжатель традиций академической школы, Антон Стекольников является представителем творческой династии известных в России художников.

Его талант был отмечен ещё в период учёбы в Московской средней художественной школе.

В Прислониху с ним приехала его дочь Ксения – талантливая молодая художница. С 2016 года она стажирется в мастерской станковой живописи у народных художников СССР Алексея и Сергея Ткачёвых, но своим главным учителем считает отца.

Поразил своей манерой исполнения пейзажей и натюрмортов московский художник Фёдор Помелов – выходец из династии художников, который приехал на пленэр во второй раз. Он не первый год проходит стажировки во Франции. Там его живопись очень ценится и поддерживается. На пленэр Фёдор привёз буклеты с работами отца и матери.

Интересно, что из-за авангардной манеры исполнения Помелова-старшего в своё время не приняли в Союз художников, поскольку он не вписывался в рамки советского искусства.

Особым колоритом отличались работы двух казанских художников. Ильнур Сиразиев – живописец, монументалист, член Союза художников России, писал не только пейзажи, но и портреты местных бабушек, а также своего коллеги по цеху Александра Иншакова – члена Союза художников Татарстана, заслуженного работника культуры Татарстана. В Казани Александр больше известен как автор пейзажных работ, выполненных маслом, но начинал он свою творческую деятельность как акварелист.

Мужской коллектив разбавили не только девушки-студентки, но и интересная художница из Москвы Елена Павловская – заслуженный работник культуры РФ, почётный член РАХ, доцент кафедры института искусств Московского педагогического государственного университета. Елена работает в традициях Московской реалистической школы живописи, много ездит по России и другим странам, так как любит работать на природе. Основные темы её работ – городские пейзажи Москвы, древних городов России (Великий Устюг, Ростов-Великий, Торжок, Тутаев, Коломна, Рыбинск, Псков, Байкал, Русский Север) и Крыма (Бахчисарай).

Четыре местных художника тоже поработали в Прислонихе: Елена Муравьёва – педагог, акварелист из Ульяновска, Людмила Слесарская – член Ульяновского отделения Союза художников России, педагог, Игорь Гашев и Наталья Костюченко – педагоги, художники из Дмитровграда.

За десять дней пленэра художники написали больше ста этюдов. Итоговые работы можно было увидеть в фойе Ленинского мемориала во время награждения лауреатов Международной премии в области изобразительного искусства имени Аркадия Пластова. Все они остались в фондах Ульяновского художественного музея.

Официально VI Международная ассамблея художников «Пластовская осень» была открыта в Ульяновске в День города, который в этом году отмечали 11 сентября. Массовый пленэр «Ульяновск – родина талантов» собрал сотни юных живописцев и маститых художников на площадках бульвара Новый Венец.

И, конечно же, программа VI Международной ассамблеи художников

Лауреаты Международной премии в области изобразительного искусства имени Аркадия Пластова 2016 года и чета Пластовых

«Пластовская осень» традиционно представлена яркими выставочными проектами. Они были подготовлены совместно с Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Союзом художников России и Санкт-Петербурга, Фондом поддержки творческой молодёжи имени А.А. Пластова.

Первая выставка «Два века русского крестьянства» в рамках VI Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» открылась в Ульяновском Музее А.А. Пластова. Экспозиция была посвящена двум эпохам в истории России, отражённым в творчестве двух мастеров – отца и сына Пластовых.

– Портреты пластовских землепашцев, косцов, жнецов – это гимн русскому крестьянину. При этом зрителю предлагаются два взгляда, два разных подхода к изображению человека из народа, – сказал во время открытия выставки директор Ульяновского областного художественного музея Сергей Жданов.

Ещё важно отметить два знаковых события. 15 сентября в стенах Ленинского мемориала открыты персональная выставка народного художника России, член-корреспондента Российской академии художеств Дмитрия Белокина и выставка из собрания Санкт-Петербургского Союза художников «Художники Северной Пальмиры».

Дмитрий Белокин обращается к трагическим страницам в истории России XX века, пытается понять истоки и причины этих катаклизмов. Значительное место в творчестве художника занимает тема православия – портреты церковных иерархов, монахов, интерьеры храмов и часовен. Вслед за художником мы вновь открываем святых и ценности духовной культуры народа.

Выставочный проект «Художники Северной Пальмиры» представил вниманию ульяновского зрителя 140 графических произведений 34 ведущих петербургских художников-графиков.

Пушкин и Карамзин, Пётр I и декабристы, война и блокада, величественная красота Петербурга, необъятные сибирские просторы и старинные русские города – из многоликой мозаики работ, представленных на выставке, складывается картина, отражающая взаимосвязь и неразрывность исторических процессов, отмеченную ещё Николаем Михайловичем Карамзиным в «Истории государства Российского».

16 сентября в Ульяновском областном художественном музее, как заключительный аккорд «Пластовской осени», была открыта выставка «История России в творчестве А.А. Пластова». Здесь были представлены иллюстрации художника к произведениям Толстого из собрания Государственного музея Л.Н. Толстого и собрания семьи Аркадия Пластова. Художник воплотил те образы, которые были ему по-особому близки, родственные его таланту и позволяли ему сохранить самобытность, свою манеру, свой стиль.

В этом году в списке лауреатов «Пластовской премии» семь мастеров. В номинации «На родине А.А. Пластова» лауреатом стал заслуженный художник РФ Станислав Слесарский. В номинации «За выдающийся вклад в развитие изобразительного искусства» – народный художник РФ Николай Воронков. В номинации «Мастер» лауреатами стали народный художник РФ Анатолий Любавин, народный художник РФ Алексей Суховецкий, народный художник РФ Виктор Глухов. В номинации «Традиции и новации» лауреатом признан Владимир Савич, заслуженный деятель искусств Республики Беларусь. В номинации «Мecenаты и дарители» – Алексей Ананьев, основатель частного музея «Институт русского реалистического искусства» (ИРРИ), возрождающего общественные традиции российского мecenатства.

Ирина Антонова
Фото Ирины Антоновой
и Людмилы Слесарской

«Мифологемы творчества»

Народный художник России
Аркадий Егуткин

Юбилейная выставка Аркадия Ефимовича Егуткина, посвящённая 80-летию народного художника России, состоялась летом этого года. Большая ретроспективная экспозиция была развёрнута в выставочном зале ульяновской организации Союза художников РФ. В октябре в Музее изобразительного искусства XX–XXI вв. были представлены 23 картины мастера, переданные вместе с 8-ю акварелями в дар Ульяновскому областному художественному музею. Они стали значительным пополнением музейного фонда. Наряду с 7-ю картинами, поступившими в музей ранее, они дают яркое представление о творчестве художника.

Несущий часы.
1994

Дар художника – дар бесценный, важный для истории развития изобразительного искусства России и творчества мастера на протяжении многих лет. Живопись, графика А.Е. Егуткина – значимая страница в художественной жизни края. Его произведения неизменно наполнены глубоким философским смыслом. Это отражено в сериях,

посвящённых мифологическим, библейским сюжетам, в картинах на современные темы. Композиционное, колористическое решение произведения подчиняется замыслу, это всякий раз новые открытия и откровения, при этом живописный почерк мастера предельно узнаваем.

Есть одно качество, неизменно присутствующее в каждой серии, каждом отдельном произведении. Это точное попадание в суть разных эпох, с по-

стоянным присутствием современного ощущения мира, его радостей, забот, треволнений. Неизменен также и внимательный взгляд на великое искусство прошлого: от эллинизма и Ренессанса, от открытий европейского искусства XVII века и русской национальной культуры XIX столетия, от традиций классического авангарда до романтических откровений художников 1970-х годов. Этот взгляд без декларации, без догм, скорее, это путь, предложенный

всем нам. Следовать ему – решаем мы, все те, для кого художник создаёт свои произведения.

Удивителен «мифологический творческий ген» в истории «смешных несмешных человечков». Клоун в ярком одеянии и «важный гражданин» в сером костюме постоянно меняются местами. Кто прав, кто важнее? Где истина?

В картине «Праотцы. Кузница Сва-рога» от жара кузницы смешались в едином колористическом мареве фигуры, лица, а вместе с ними сама история, не частная, а величественная и нравственно чистая. Знак вопроса в выборе пути – это главный принцип в евангельской серии. В картине «Стадо» из серии «Притчи» – глаза, снова глаза, бесконечные глаза. С тоской, бедой. Всё ли нам так ясно и понятно, как порой кажется?

Знаки вопроса неизменны, они сопровождают наши путешествия по безграничному миру творчества Егуткина – ищем нам понятную или только открывающую СВОЮ истину. Вопросы о сути Бытия в серии «XX век»: «Вселенский кот», «Мистерия», «Великий претендент», «Маски». Недавняя история уже срослась с разными эпохами, её «измами»...

В серии «Поэты России» поражает то, как художник прочувствовал две эпохи, понял, может быть, главное в жизни великих поэтов. А. Пушкин при кажущейся безмятежности и лёгкости в творчестве (это определение, ставшее уже давно словно бы признаком и знаком, эдаким кредо) фигура мощнейшего трагического звучания. Но при этом художник сумел соединить эпохи – начала XIX и XX века в понимании творчества, её различных, полярных проявлениях. Соединить и дать нам всем ещё и ещё раз понять главное в истории мировой культуры – нет разрыва в эпохах, нить, связывающая времена, прочна. Егуткин передаёт связь времен посредством манеры письма, жёсткости, осознанной графической структуры, почти абстрагированной живописной системы. Это есть мостик к течени-ям, которые создавал XX век. Пушкин у Егуткина предстаёт в новом времени, без подробностей быта. Это ли не полёт через столетие?

В портрете А. Блока судьбы истории или уже почти истории – за спиной поэта. Непреодолимо желание сохранить, не нарушить тот путь, который прошла Россия за XIX век. Память цепляется за житейские представления о простом человеческом счастье, жизни не во вне, а внутри этой истории.

Потому так подробно Егуткин пишет окружающее А. Блока пространство уюта и покоя, но в замысел уже заложены потрясения эпохи.

Произведения художника часто экспонируются на тематических, концептуальных выставках в залах Ульяновского областного художественного музея, Музея изобразительного искусства XX–XXI вв. Без его картин и акварелей далеко не полными были бы значительные, сложные экспозиции «Сама по себе кошка», «Н. Гоголь. Дороги, персонажи, предметы», «Свет души. Художник читает Библию». Выставки были представлены в разные годы в Музее изобразительного искусства XX–XXI вв.

Автопортрет с синей птицей. 1989

«Прости, Земля, за нераспаханное поле» – картина – реквием, картина – прощение. Картина – взгляд из недр многовековой истории на людей и дела их, стремление, призыв – оставаться Человеком. А значит, будут новые встречи с искусством мастера, так много сказавшего прежде всего о нас самих...

Елена Сергеева,

заведующая Музеем изобразительного искусства XX–XXI вв.

Иллюстрации:

Произведения народного художника РФ Аркадия Егуткина – дар Ульяновскому областному художественному музею

Великий претендент. 1996–1998

А.Е. Егуткин очень тонко и точно комментирует веки жизни и творчества, веки уже ушедшего XX и наступившего XXI века. Предоставим слово художнику.

«На всю жизнь я запомнил слова Аркадия Александровича Пластова: «Не теряй времени, Аркаша! У меня столько замыслов, а времени уже не остаётся». Я согласно кивал головой, а сам думал – впереди целая жизнь, чего там... И только сейчас, когда подвожу итог прожитого, понимаю, сколько его потеряно, времени-то! А замыслов ещё много... Об этом говорю своим студентам, и они согласно кивают, а сами...»

«С юности я влюблён в русскую поэзию. Через образы поэтов, сложившихся в моём сознании по бесконечном прочтении стихов Пушкина, Тютчева, Блока, Есенина, Пастернака, Цветаевой, передо мной вырос идеал русской культуры, русского самосознания».

«Храм – у нас в душе. Поэтому и дорога к нему очень сложна. Гораздо сложнее, чем дойти до церкви, отбить поклоны, только что согрешил. Я верю в Человека. Убеждён, в душе каждого этот костерок есть. Только необходимо подбрасывать вовремя хворост, чтобы не дать ему погаснуть. Это непросто, но при желании преодолимо».

А.Е. Егуткин

Подбор материалов – Анна Бацарова, научный сотрудник Музея изобразительного искусства XX–XXI вв.

Театр-студия *Enfant terrible* появился в Ульяновске не так давно. Однако сделано многое: есть крепкий репертуар, в котором нет ни одного спектакля, созданного для галочки; есть фестиваль «Александровский сад»; есть свой, не случайный зритель, у которого есть желание приходить в этот театр-дом, где есть даже кошка Морошка.

Перед началом спектаклей художественный руководитель Дмитрий Аксёнов предупреждает, что выход кошки «не часть сценического замысла». В театре-студии *Enfant terrible* нет фойе. Ты сразу оказываешься в гостиной в окружении вещей, которые дышат старым добрым домом: буфеты с жизненным опытом, выдавшее виды пианино, зеркала в деревянных рамах, этажерки с книгами, развешенные по стенам коньки, радиоприёмник и разная мелочь с историей, расставленная то тут то там. В другой комнате за огромным деревянным столом пьют чай и говорят о разном: о смешном и грустном, вечном и сиюминутном. И в зрительном зале тут говорят. Здесь обладают редкой для провинциального театра способностью задавать вопросы и провоцировать на размышления, а не просто пересказывают сюжет.

Диалоги о счастье

«Волшебное кольцо»

«Гранатовый браслет»

Нынешний сезон в Epfant terrible открыли премьерным спектаклем «Гранатовый браслет» по Александру Куприну. Два стула, пара подсвечников и окно. Ни одного яркого пятна, всё в песочно-серой гамме. Он и она. Остальные все уехали. Стих оглушающий шум поезда, а эти двое остались. Они бродят по молочно-серого цвета песку с разбросанными на нём сухими ветками и нервно пропускают сквозь себя воспоминания о бескорыстной тихой любви, громко ворвавшейся в их одну на двоих жизнь. Г.С.Ж., он же «увлекательный, но коварный» телеграфист Желтков появляется «за кадром», да и день рождения княгини Веры вроде как состоялся, и гранатовый браслет уже подарен, и самое страшное произошло, и отзвучала соната Бетховена. Всё случилось, однако история той самой единственной роковой любви будоражит и колет – она ещё не прожита, и поэтому всё очень нервно. Перевоплощаясь то в Веру, то в Васю, то в Анну, то в Николая, то в генерала, актёры Андрей Галактионов и Анна Дулебова, кажется, снова и снова проигрывают трагический сюжет. Ещё секунду назад Галактионов – это Вася, но мгновение спустя в его руках потрёпанный коричневый портфель, и перед нами резкий и жёсткий брат Веры Николай, товарищ прокурора. Цветной

бумажный колпачок водружается на голову, и вот снова Вася – вскакивающий, словно ребёнок, на табурет, и развлекающий гостей картинками жизнеописания девицы Веры. Желтков «вселяется» то в Галактионова, то в Дулебову, твердя о своей любви ровно и обречённо. Только она имеет значение – тихая и бескорыстная. У Желткова она случилась, а у Веры и Васи нет. Кто счастливее? В самом финале распахивается окно, за которым трепещет облако горящих свечей. Бумажный клоунский колпак и прокурорский портфель валяются на полу. Это всё пустое. Пусть валяются. Потом их унесёт ветром, смоем дождём, засыплет снегом... Не имеет значения. «Да святится имя твоё», «да святится имя твоё», «да святится имя твоё»... Как просьба избавиться от искушения? Или простить?

Спектакль «Тот, который платит» по пьесе Ива Жамиака – очень точно обозначен Дмитрием Аксёновым как недетская сказка постмодернизма. Сначала драматургом, а потом и режиссёром персонажи поставлены в странные условия. У них контракт на семью: с оплатой работы, с чётко приписанным графиком и распределением обязанностей. По ходу действия искусно сплетённая паутина превращается в запутанный моток. В доме состоятельного Александра (Борис Абашин) по его приглашению собираются трое вроде бы случайно встреченных им людей:

«Тот, который платит»

«Волшебное кольцо»

бедствующий художник (Ярослав Щедров), молоденькая продавщица газет (Наталья Ляхова) и актриса (Анна Дубцова). Он предлагает им стать семьёй, и дружной – всё-таки двадцать лет вместе. Персонажи эмоционально балансируют в искусственно созданной ситуации. Но так ли она искусственна? Перед нами пара, которая прожила вместе довольно большой срок, их прописанные контрактом отношения порой напоминают то дежурные, то отчаянные попытки возродить интерес друг к другу. Их дочь Вирджиния, та, что до заключения контракта продавала себя и газеты («об установлении связей между взрослыми и молодёжью»), – недолюбленная родителями девочка, пышущая дерзостью, с каждым днём «одомашнивается». Кажется, ещё чуть-чуть и она вполне искренне обнимет своих родственников. Наталья Ляхова лихо «раскачивает» свою героиню: от разъедаемой цинизмом барышни до трогательного ребёнка с настоящими (!) слезами и абсолютно хрупким внутренним миром. Когда к этой компании ненадолго присоединится мать Элеонора (Татьяна Леонова), едкими диалогами между тещей и зятем семейство ещё больше напоминает обычное, среднестатистическое. Это всё игра, которая лежит в основе парадигмы постмодернизма, вписанного режиссёром в жанр? Или всё-таки реальность? Где грань между тем, что мы придумываем, и тем, что есть на самом деле? А что вокруг нас, если не придуманный мир?

Сцена усыпана золотистой фольгой. Этот уже ставший штампом символ

богатства и платежеспособности не раздражает. Потому что он тоже игра. Из сценографического знака он, внешне никак не изменившись, превращается в обычную бумагу – ведь тот, который платит, попросту украл деньги из хозяйской кассы. Среди зрительских стульев, расставленных чуть не вплотную к сцене, один пустой. На него время от времени подсаживается Александр. Он один из нас. Из тех, кто хочет близости, но боится услышать, сказать сам и довериться. Это как розы, которые лежат на полу в проходе и которые аккуратно обходят зрители. Нежный цветок с шипами. Как бы не уколоться...

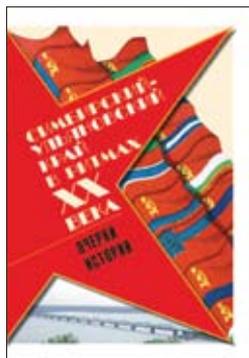
Дмитрий Аксёнов – организатор, художественный руководитель, режиссёр, художник, идеолог театра-студии *Enfant terrible*, мастер авторского жанра. Вот, к примеру, спектакль «Волшебное кольцо», поставленный по известным одноимённым сказкам Бориса Шергина и Андрея Платонова, – это балаган-экспромт. Сценическое пространство очень неторопливо наполняется сначала светом, а затем историей, которая по слову, по фразе рождается прямо тут и сейчас. Актёры не скрывают, что видят зрителя. Раскиданные на наших глазах роли моментально превращаются в характеры. Кошка (Елена Карасёва) и собака (Наталья Ляхова) мастерски передают не только пластику своих персонажей. Мимика, оценки – всё сделано очень точно. Изумительно придуман царь. На его голове шапка-ушанка, на которой металлический подстаканник – корона. Он глуповат, но велик и громаден: Татьяна Леонова сидит на плечах у Ярослава Щедрова, а вся

«конструкция» этого сборного туловища прикрыта мантией, и здесь поджидает ещё одна «фишка» – внутренний голос царя, раздающийся из живота. Для балагана-экспромта допустимы и вкрапления на злобу дня. Например, встреча со стражем дорог с полосатой палкой вместо жезла. А не так давно появилась сцена с деревянной урной для голосования, в которую помпезно был опущен бюллетень с одной лишь кандидатурой – Царь. Многие сцены спектакля решены в жанре пантомимы. Чего стоит прогулка по Парижу: субтильная французская парочка против габаритной дочери русского царя с тщедушным ухажёром-альфонсом! Или погоня за кошкой и собакой, ставшими кольцом!

Простодушный Ванька получает кольцо и теряет себя. Как результат – подробная сцена-пантомима тюремного заключения: осталось только умертвить тело, душа заложена. Нужно ли счастье, полученное такой ценой? И в чём оно? В хрустальных мостах да золотых хорах? В приближённости к царскому клану? Расшифровывать финал спектакля можно бесконечно. Гремит гром, начинается ливень, на столе, превратившемся в корабль, сгрудившиеся в кучу артисты. Они вглядываются в даль, а над ними мачта-крест как символ веры. Может в обретении её и есть счастье?

Спектакли театра-студии *Enfant terrible* – это всегда высказывание, приглашение к диалогу, а, возможно, и к спору. Такой объединяющий в себе и вокруг себя авторский театр.

Олеся Кренская

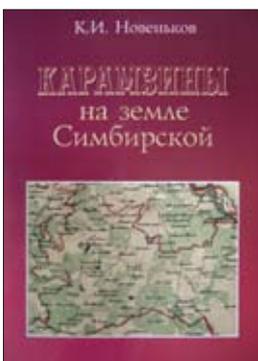
Симбирский-Ульяновский край в ритмах XX века

Очерки истории; ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина» (под ред. Липатовой Н.В.) – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2016. – 480 с.

В книге рассматриваются малоисследованные аспекты региональной истории новейшего времени, отражена уникальность региона и одновременно его включённость в общие исторические, мировоззренческие, культурные, технологические процессы в стране и в мире двадцатого столетия. Показан процесс трансформации Симбирского-Ульяновского края из аграрной губернии в промышленный регион со значительной долей высокотехнологичных предприятий.

Издание сочетает в себе передовые научные концепции социальных и гуманитарных наук, богатый фактический материал с доступностью изложения и значительным визуальным компонентом.

В книге представлены 15 наиболее сложных и наименее исследованных сюжетов истории современной Ульяновской области XX века; 19 авторских материалов, включая результаты социологического исследования исторической памяти молодёжи Ульяновска; 14 мини-сюжетов, отражающих разные сферы жизни региона в XX веке; 200 фрагментов воспоминаний и свидетельств; 289 изобразительных материалов; 9 сюжетов, представленных с помощью инфографики; 65 информационных и справочных пояснений; 25 наиболее значимых и важных биографий; пословицы и поговорки из коллекции В.М. Подобина, которые сопровождают отдельные разделы книги.

Новеньков К.И. «Карамзины на земле Симбирской»

Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2016. – 172 с.

В центре внимания известного ульяновского исследователя биографии Н.М. Карамзина Константина Ивановича Новенькова – получение симбирскими дворянами, в частности, Карамзиными, земельных поместий, родственные и имущественные связи дворянских родов, история сёл Симбирской губернии.

Обилие архивных находок и сделанных на их основе наблюдений и выводов составляет главную ценность данного труда и придаёт ему значение важнейшего фактографического источника. Такая особенность позволяет исследователю на новой доказательной базе подойти к решению одного из вопросов биографии Н.М. Карамзина, вызывающего дискуссии на протяжении более 150 лет, – вопросу о месте рождения историографа. Автор книги даёт исчерпывающий обзор существующих точек зрения и гипотез и на базе архивных находок строит свой взгляд на проблему.

Константин Иванович рассматривает историю нескольких ветвей рода Карамзиных, стремясь документально правдиво оценить роль каждого из потомков Карамзиных в возникновении и бытовании версий места рождения автора «Истории государства Российского».

Этот труд полезен не только исследователям и преподавателям, но и студентам, магистрантам, аспирантам, начинающим свой путь в науке и нуждающимся в расширении исследовательского кругозора.

Сергей Шаврыгин,

профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова

Библиотека Карамзиных в собрании отдела редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина:

каталог / ОГБУК «Дворец книги – Ульян. обл. науч. б-ка им. В.И. Ленина»; сост. Л.Ю. Ивашкина, В.В. Морозова. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2016. – 272 с.: ил.

Главная библиотека региона к 250-летию со дня рождения первого российского историографа Н.М. Карамзина выпустила каталог уникальной коллекции из книжных собраний четырёх поколений замечательной семьи. В числе владельцев – отец историографа Михаил Георгиевич (Егорович) Карамзин (1720–е–1781), его сыновья Василий (1751–1827) и Николай (1766–1826), внуки Ольга Васильевна Ниротморцева (ок. 1800–1831), Александр Николаевич (1815–1888) и Владимир Николаевич (1818–1879) Карамзины, внучатая племянница историографа Александра Сергеевна Кушникова (1805–1821).

В каталоге описано 1114 томов изданий и рукописей XVII–XIX вв. на русском, итальянском, латинском, немецком и французском языках. Каталог открывает предисловие, где на основании архивных документов, эпистолярного наследия историографа и мемуаров его современников подробно описана история коллекции. Содержание коллекции раскрыто через систему вспомогательных указателей (систематического, имён, экслибрисов, дарственных надписей).

Составители каталога предполагают, что включение в информационный оборот описания коллекции Карамзиных станет новым ресурсом для исследователей и почитателей творчества великого русского писателя.